

American University
of Central Asia

Международное научное совещание
«Переосмысление восстания 1916 года
в Центральной Азии»

СБОРНИК СТАТЕЙ

Rethinking the 1916 Uprising in Central Asia

Международное научное совещание
«Переосмысление восстания 1916 года
в Центральной Азии»

СБОРНИК СТАТЕЙ

Бишкек-2017

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)
М 43

Редакторы:

Гульнара Айтпаева, д-р. ф. н., профессор, Айгине КИЦ,
Оливье Феррандо, PhD, н. с., Центр международных исследований (Sciences Po),
Чолпон Чотаева, д. и. н., профессор, АУЦА,
Чинара Эсенгул, к. п. н., доцент, КНУ им. Ж. Баласагына,
Элмира Көчүмкулова, PhD, с.н.с., УЦА.

Рецензенты:

Амантур Жапаров, канд. ист. наук, с. н. с., Национальная академия наук КР,
Аминат Чокобаева, PhD candidate, Австралийский Национальный университет,
Александр Моррисон, PhD, профессор, Назарбаев университет,
Клое Дриё, PhD, м. н. с., Центр турецких, оттоманских, балканских и центрально-азиатских исследований (EHES),
Татьяна Котюкова, доцент, с. н. с., Российская академия наук.

Технический редактор:

Аида Абдыканова, канд. ист. наук, доцент, АУЦА.

Дизайн:

Рузиали Рузиматов.

М 43 **Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»:** сб. статей. — Бишкек: Нео Принт, 2017. — 180 с.

ISBN 978-9967-32-194-6

В настоящее издание вошли научные статьи участников Международного научного совещания «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии» на кыргызском и русском языках. На совещании рассматривался очень широкий спектр вопросов, таких как историография восстания, причины и ход восстания, новые источники и архивные данные по восстанию 1916 года, последствия и уроки восстания, отображение восстания в литературе и искусстве. Опубликованный сборник вносит существенный вклад во всестороннее научное изучение восстания 1916 года в Центральной Азии.

М 0503020000-17

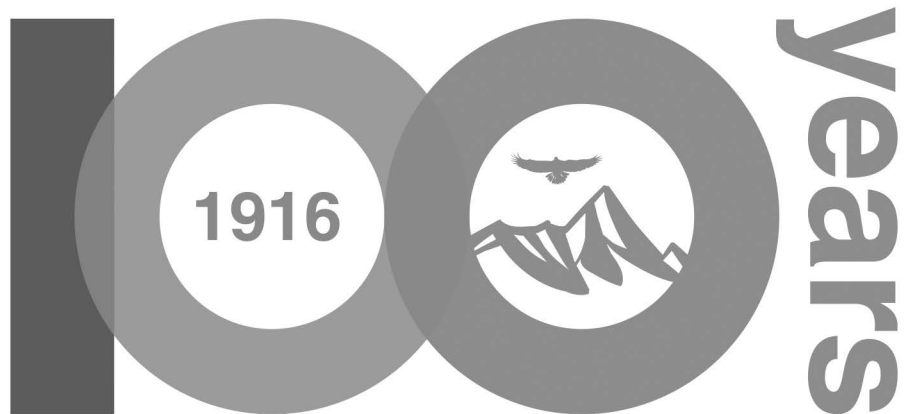
УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-9967-32-194-6

© Американский университет в Центральной Азии

*1916-жылкы Борбордук Азиядагы
көтөрүлүштөн жабыркагандардын
жаркын элесине арналат...*

Rethinking the 1916 Uprising in Central Asia

*Светлой памяти жертв восстания
1916 года в Центральной Азии
посвящается...*

Содержание

Вводное слово	9
ЧАСТЬ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА	
Александр Локшин	
Из истории изучения восстания в Центральной Азии в 1916 г. в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики	19
Зайраш Галиева	
Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации	32
Нумонджон Гафаров	
Об отношении джадидов к восстанию 1916 года в Центральной Азии	40
ЧАСТЬ 2. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ ПО ВОССТАНИЮ 1916 ГОДА	
Александр Пылёв	
Тема среднеазиатского восстания и национальных движений тюркских народов в «Воспоминаниях» Зеки Велиди Тогана	49
Татьяна Котюкова	
Восстание 1916 года как общая трагедия	57
Джамиля Маджун	
Борьба за опиум как одна из причин трагических событий в Семиречье в 1916 году	63
ЧАСТЬ 3. ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
Хайдаршо Пирумшоев	
Участие трудящихся Бухарского эмирата в восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане	73
Набижон Рахимов	
На перепутье: генерал-востоковед Н. С. Лыкошин и восстание 1916 года в Средней Азии	79
Ойбек Махмудов	
Участие местного населения в восстании 1916 года: представления и репрезентации российских колониальных чиновников	85
Иномжон Мамадалиев	
Восстание 1916 года: через призму XXI века (к вопросу пересмотра даты начала восстания)	94
Томохио Уяма	
Почему крупное восстание произошло только в Центральной Азии? Административно-институциональные предпосылки восстания 1916 года	101
ЧАСТЬ 4. ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КЫРГЫЗСТАНЕ	
Турдубек Шейшеканов	
Предпосылки и причины восстания 1916 года на Иссык-Куле	113
Мистегул Махмутбекова	
Кыргызстандагы 1916-жылдагы көтөрүлүштү шарттаган тарыхый кырдаал	119
ЧАСТЬ 5. ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА	
Төлөбек Абдрахманов, Гүлзада Абдалиева	
1916-жылдагы көтөрүлүш. Кыргыздардын Кытайга качышы	130
Александр Моррисон	
Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года	141

ЧАСТЬ 6. ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Хадича Шамбеталиева

Исторический факт в современной литературе

(о событиях 1916 года в киргизской литературе) 153

Гульбахрем Молотова, Эльвира Молотова

События 1916 года и их преломление в творчестве уйгурских народных певцов 163

Вводное слово

2016 год стал знаменательным не только в Кыргызстане, но и в других независимых государствах Центральной Азии, отмечавших столетие восстания 1916 года. Наиболее массовый и жестоко подавленный протест против российского колониального режима, восстание 1916 года все еще остается наименее изученным эпизодом в истории Центральной Азии.

В соответствии с Указом Президента Кыргызской Республики А. Атамбаева «О 100-летию трагических событий 1916 года» от 27 мая 2015 года, 20—21 мая 2016 года в г. Бишкек в Кыргызстане было организовано Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии», в котором приняли участие исследователи из более десяти стран мира: Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, России, Франции, Польши, Китая, США, Японии и Австралии.

Международное научное совещание ознаменовало собой новый этап в изучении восстания 1916 года, этап пересмотра и переосмысления существовавших и принятых ранее установок относительно причин, характера, хода и последствий восстания в рамках всего региона Центральной Азии, а не в отдельной взятой республике.

Организаторами и партнерами Международного научного совещания стали Американский университет Центральной Азии (АУЦА), Французский институт исследований Центральной Азии, Культурно-исследовательский центр Айгине и Миссия Столетия Первой Мировой войны.

В совещании участвовали как начинающие исследователи, так и ученые с мировым именем, среди которых можно назвать Александра Моррисона, Томохико Уяма, Татьяну Котюкову, Иномжона Мамадалиева и других.

Нужно отметить, что 100-летию восстания 1916 года были посвящен целый ряд мероприятий как в Кыргызстане, так и других республиках Центральной Азии и России. Однако в отличие от других подобных мероприятий, это совещание имело целью предоставить более широкую междисциплинарную и международную научную платформу, а также концептуальное видение проблем, связанных с восстанием 1916 года. Таким образом, целью данного совещания стало дать научное, неполитизированное, всестороннее, объективное видение восстания 1916 года.

На совещании рассматривался очень широкий спектр вопросов, таких как историография восстания, причины и ход восстания, новые источники и архивные данные по восстанию 1916 года, последствия и уроки восстания, отображение восстания в литературе и искусстве. Каждый докладчик предлагал свою точку зрения на изучаемую проблему, делился и анализировал собранный материал, делал выводы, а также намечал возможные перспективы будущих исследований по данной теме. Поэтому многие доклады не являлись завершенными научными исследованиями, а скорее представляли собой определенную постановку вопроса на тот или иной аспект восстания 1916 года, требовавшего дальнейшего изучения.

В зависимости от тематики, все русскоязычные и кыргызоязычные доклады совещания, которые вошли в данный сборник, были распределены между шестью разделами данного сборника.

В первую часть сборника вошли доклады по историографии восстания 1916 года. Так, в докладе старшего научного сотрудника Института востоковедения Российской академии наук, кандидата исторических наук А. Локшина был дан подробный анализ советской и постсоветской российской историографии. Локшин показал, каким образом менялась советская историография в оценке восстания 1916 года в зависимости от политической обстановки и идеологических установок. Если в более ранний период советской историографии преобладали «националистические» оценки восстания, то начиная с 30-х годов распространяются «классовые» и «идеологические» интерпретации восстания 1916 года. Изменившаяся политическая обстановка в стране, «утверждение сталинского режима», по мнению Локшина, «задали тон будущим исследованиям, оценкам и выводам» относительно восстания 1916 года.

Доктор исторических наук, профессор Кыргызского национального университета З. Галиева проанализировала постсоветскую историографию Центральной Азии по восстанию 1916 года, а также предприняла попытку переосмысления данной проблемы, в частности с новых теоретических позиций. Она попыталась расширить контекст исследования и рассмотреть восстание 1916 года в ряду с другими «национально-освободительными движениями стран Востока».

Доктор исторических наук, профессор Таджикского национального университета Н. Гафаров предпринял попытку оценить роль и отношение джадидов к восстанию 1916 года. Он считает, что «в советской историографии упрощена позиция джадидов, не учтены особенности национального движения в разных регионах Центральной Азии». «Позиция, что джади́ды играли в восстании явно реакционную и предательскую роль» не соответствует действительности, поскольку «отдельные джади́ды высупили с осуждением восстания, другие занимали выжидательную позицию, а отдельная часть джадидов вела агитацию за отправку рабочих на тыловые работы», — делает вывод он.

С момента распада Советского Союза отдельными центрально-азиатскими государствами и Россией был выпущен ряд сборников документальных архивных материалов по восстанию 1916 года. Поэтому доклады участников совещания во второй части сбоника были посвящены введению в оборот новых, а также изучению уже имеющихся документальных источников по данной теме.

Доцентом Пятигорского государственного лингвистического университета в России, кандидатом исторических наук А. Пылевым был изучен труд известного башкирского общественного деятеля первой половины XX века Зеки Велиди Тогана «Воспоминания». Он утверждает, что тема центрально-азиатского восстания 1916 года очень хорошо представлена в источнике, так как Тоган был современником данного события. Кроме того, Тоган также принял активное участие в более позднем басмаческом движении и не добившись установления национальной автономии в Башкирии, был вынужден эмигрировать в Турцию. Пылев делает вывод, что «осмысление научного наследия Зеки Велиди Тогана должно помочь в понимании нынешней политической эволюции и современного состояния средназиатского региона».

В третью и четвертую части данного сборника вошли доклады, посвященные восстанию в Центральной Азии и Кыргызстане. Необходимо отметить, что тема нескольких восстаний, а не одного восстания в Центральной Азии, прозвучала в докладах многих участников совещания. Помимо упомянутых восстаний в Се-

мирежье и Ходженте, восстания имели место также в Бухарском эмирате, Тургае и других районах Центральной Азии.

Что касается причин восстания, то основными причинами восстания 1916 года принято считать земельную и колониальную политику российской администрации. Передача лучших земель в Туркестане безземельным русским и украинским крестьянам и усиление колониального гнета в период Первой Мировой войны стали теми факторами, которые обусловили недовольство и волнения среди коренного населения Центральной Азии. Непосредственным же поводом к восстанию стал Указ царя от 25 июня 1916 года о призыве мужского населения Центральной Азии в возрасте от 19 до 43 лет на тыловые работы.

Изучая сложившуюся накануне восстания ситуацию в Кыргызстане, кандидат исторических наук, профессор Кыргызского Национального университета им. Баласагына М. Махмутбекова, приходит к выводу, что увеличение налогов, двойное угнетение коренных народов, незаконное изъятие земельных участков русскими переселенцами, недопонимание того, что означают тыловые работы, неспособность принимать решения и ошибки местных властей стали теми историческими предпосылками, которые привели к восстанию 1916 года.

Другой профессор того же университета, кандидат исторических наук Т. Шейшеканов в качестве предпосылок, причин и повода восстания 1916 года в Иссык-Кульской области Кыргызстана называет земельную политику царской власти, в том числе арендные отношения между местными и переселенцами, коррупцию при выборах чиновников из числа коренного населения, налоговую политику царизма, и в конечном итоге указ о мобилизации мужчин, предписавший набрать 15,520 человек из Пржевальского уезда на тыловые работы.

В то же время, были высказаны и другие точки зрения относительно причин восстания как в Туркестане, так и в отдельных его областях. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук Т. Котюкова полагает, что восстание 1916 года в Центральной Азии — это «ошибка власти», «обусловленная имперской природой отношений к окраинам». Непродуманная и недальновидная политика царской России в центрально-азиатском регионе спровоцировала и подготовила почву для восстания 1916 года. Как заключает Котюкова, «имперская власть нередко пыталась найти ответы на вопросы, используя старые, как ей казалось, не раз проверенные методы», «будучи «морально устаревшими», они все чаще давали сбой или работали не столь эффективно».

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной Академии наук Кыргызской Республики Д. Маджнун в качестве одной из причин восстания 1916 года в Семиреченской области Туркестана назвала борьбу за опиум: «опиумный фактор стал одним из существенных слагаемых в общей сумме причин восстания». Она считает, что «события 1916 года в Пржевальском... и Пишпекском уездах приняли особо кровавые формы из-за рекордного урожая опиума в тот год». «Накануне восстания в дунганском селении Мариинском было сосредоточено до 7 тысяч китайских подданных, привлеченных сюда опиумным делом. Многие из них были вооружены и крайне заинтересованы в беспорядках, желая воспользоваться ими, чтобы вывезти опиум в Китай», — утверждает она.

Профессор Славянско-Евразийского исследовательского центра Хоккайдо университета Японии Т. Уяма полагает, что восстание 1916 года — продукт Первой

Мировой Войны. В своем докладе он доказывает, что Центральная Азия отличалась от других регионов, как например, Сибирь, Кавказ, Калмыкия, поскольку была «слабо интегрирована» в имперскую административную систему, что вырождалось в отсутствии информации о численности и возрастном составе местного населения, отчужденности местных традиционных элит и отсутствии полноценных прав и обязанностей у народов Центральной Азии. Поэтому восстание в Центральной Азии произошло тогда, когда война потребовала мобилизации людских ресурсов, обнажив слабость местной административной системы.

Что касается хода восстания, которое охватило практически всю территорию Центральной Азии, то общепринятой датой начала восстания считается 4 июля 1916 года, когда толпа горожан собралась у канцелярии полицейского пристава в г. Ходжент и потребовала отмены составления списка рабочих на тыловые работы. Однако доктор исторических наук, доцент Худжанского государственного университета Таджикистана И. Мамадалиев считает, что «первое же выступление недовольных людей, имевшее характер бунта, произошло 3 июля, когда в г. Ходжент толпа местных собралась у квартиры пристава и произвела буйство...». События же 4 июля, он предлагает рассматривать в качестве второго дня восстания, которое было «более масштабным, но ...стихийным».

С интересным докладом выступил кандидат исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана О. Махмудов, который рассказал о так называемой «виртуальной реальности» в мышлении колониальных чиновников. Он отметил, что изучение восстания 1916 года основывается на документах, которые представляют собой восприятие и представления событий 1916 года российскими колониальными чиновниками. Эти представления «определялись сложившимися стереотипами, и часто были далеки от действительности». Именно поэтому эти документальные источники являются достаточно субъективными и необходимо относиться к ним с известной степенью скептицизма.

В этом же русле был написан доклад доктора исторических наук, профессора Худжантского университета Таджикистана Н. Рахимова, который хотел показать двойственную позицию генерал-губернатора Самарканской области Лыкошина Н. С. во время восстания 1916 года в Центральной Азии. В отличие от других представителей русской администрации, Лыкошин являлся знатоком истории и культуры Туркестана, прекрасно владел местными языками. Тем не менее, «лето 1916 года стало временем испытаний» для него, «в эти сложные дни он должен был определить свое отношение к происходящим событиям как ученый-востоковед и как царский чиновник», — пишет Рахимов. В конце концов, его «высокое служебное положение» заставило его действовать «в угоду интересам царизма и правящих классов России...», — заключает он.

Доктор исторических наук, профессор Душанбинского государственного педагогического института имени С. Айни Х. Пирумшоев доложил об участии населения Бухарского эмирата в восстании 1916 года, который формально оставался независимым, но фактически находился в полном подчинении от Российской империи. «Несмотря на все меры, предпринятые царскими властями», все же события втянули в свою орбиту и Бухару». «Волнения охватили и отдельные бекства Восточной Бухары, в частности Карши, Кабадиан, Каратегин и др.» — продолжает он.

Жестокое подавление восстания царскими войсками, массовое бегство кыргызов и казахов в Китай, известном среди кыргызского народа под названием

«Үркүн», отказ в возвращении беженцам на историческую родину стали наиболее трагическими страницами в центрально-азиатском восстании 1916 года.

В докладах участников в пятой части сборника дается оценка последствий и уроков восстания, которые являются наиболее спорными моментами в событиях 1916 года.

Продолжая тему изучения последствий восстания 1916 года, очень интересным представляется доклад доктора исторических наук, профессора Кыргызского государственного университета Т. Абдрахманова и кандидата исторических наук, доцента того же университета Г. Абдалиевой, который был написан по результатам научной экспедиции в Синьцзянский район Китая в 2016 году. Во время экспедиции, которая проводилась в кыргызских селах Синцзяня, был собран и проанализирован богатый материал: устные истории потомков свидетелей восстания 1916 года и архивные данные, предоставившие возможность установить этапы, пути миграции и места компактного расселения кыргызов в Китае. Докладчики выделили в эмиграции кыргызов в Китай в период с 1916 по 1932 годы три основных этапа: «большой үркүн», «средний үркүн» и «малый үркүн», и определили места их дальнейшего компактного расселения и проживания в Китае, таким образом не ограничиваясь только 1916 годом и расширив хронологические рамки исследования до времен басмаческого движения и коллективизации в Центральной Азии.

Профессор Назарбаев университета в г. Астана Казахстана А. Моррисон рассматривает восстание 1916 года как часть того «непрерывного кризиса», который охватил империю с августа 1914 года и стал началом десятилетнего периода Гражданской войны. Он считает, что «проблема понимания восстания» связана с тем, что в советской историографии оно изучалось в контексте последующих февральской и октябрьской революций. «Важно вернуть это восстание в современный ему контекст», «вполне возможно, что восстание было не просто прелюдией к среднеазиатским революциям 1917 г., а определило линии политического раздела и, что особенно важно, характер кровопролитий в Средней Азии в 1917—1920 гг.», — подчеркивает он.

Характеризуя восстание 1916 года, большинство постсоветских центрально-азиатских исследователей, в том числе и докладчики совещания, придерживаются точки зрения, которая сформировалась еще в советский период. Они считают, что восстание 1916 года имело антиколониальный, антифеодальный и национально-освободительный характер: «национальное освободительное движение», «национально-освободительное восстание», «антиколониальная война».

Кроме того, исследователями были отмечены проблемы в изучении восстания 1916 года, в частности связанные с привлечением художественной литературы и источников устного народного творчества по восстанию 1916 года, которые также способствовали получению новой информации по исследуемой теме. Доклады по данной тематике были опубликованы в последней шестой части сборника.

Кандидат филологических наук, доцент Восточного университета им. Махмуда Кашгари Х. Шамбеталиева утверждает, что трагическое событие 1916 года нашло свое отражение в произведениях ряда кыргызских писателей и поэтов. Она отмечает, что «у литературы, в отличие от самой действительности, есть одна уникальная возможность — возможность заново пересмотреть произошедшее, восстановить по крупицам картину события, вернуть «время вспять». Именно

благодаря этим произведениям наши современники могут «почувствовать» то, чему они не могли стать свидетелями.

Исследователи из Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова Республики Казахстан: кандидат филологических наук, доцент Г. Молотова и научный сотрудник Э. Молотова предприняли попытку выяснения причин, обусловивших восстание 1916 года в Центральной Азии, на основе изучения произведений уйгурского устного народного творчества. Докладчики делают вывод, что «несколько факторов послужили причиной восстания населения Туркестанского края в 1916 года», среди которых усиление налогового бремени, земельная политика и указ царя о призыве на тыловые работы. «Отношение к мобилизации, разлука с родными, тяготы и лишения, которые они испытывали на чужбине, нашли свое отражение в творчестве народных певцов», — заключают они.

Подводя итоги международного научного совещания «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии», которое прошло 20—21 мая 2016 года в г. Бишкек в Кыргызстане, можно сделать следующие выводы и предложить некоторые рекомендации относительно будущих исследований по данной теме.

С момента распада Советского Союза и обретения независимости государствами Центральной Азии, данное совещание стало первым масштабным международным научным мероприятием в Кыргызстане и в Центральной Азии, на котором присутствовали исследователи из более десяти стран мира.

Впервые за 25-летний период независимости государств Центральной Азии состоялся пересмотр и отход от устаревших и идеологизированных стереотипов и установок относительно причин, характера, хода и последствий восстания, принятых ранее.

Участниками совещания были предложены новые теоретические подходы и концепции, введены в оборот новые источники по истории восстания 1916 года, в частности художественная литература, произведения устного народного творчества, устные истории потомков участников и свидетелей событий 1916 года, без которых невозможно воссоздать полную и всестороннюю картину восстания 1916 года в Центральной Азии.

В то же время, не удалось избежать политизации восстания 1916 года, которая имела место в докладах отдельных участников совещания.

Более того, все еще недостаточно изучены архивные материалы, не введены в оборот все источники, не собраны многочисленные свидетельства потомков участников и свидетелей событий 1916 года.

Наконец, до сих пор отсутствует целостная картина всего восстания 1916 года в Центральной Азии. Имеются пробелы в изучении отдельных аспектов восстания, среди которых можно назвать демографический вопрос, или отсутствие достоверной информации по числу жертв восстания, проблема лидерства в восстании и другие «белые пятна».

***Чотаева Ч. Д., доктор исторических наук,
профессор, руководитель программы «Антропология»,
Американский университет Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан***

Общая фотография участников совещания, 20 мая 2016 года, г. Бишкек (День 1)

Общая фотография участников совещания, 21 мая 2016 года, г. Бишкек (День 2)

ЧАСТЬ 1.
ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЯ
1916 ГОДА

АЛЕКСАНДР ЛОКШИН

к. и. н., с. н. с.,

Институт востоковедения, Российская академия наук,

Москва, Россия.

E-mail: ale-lokshin@yandex.ru

Из истории изучения восстания в Центральной Азии в 1916 году в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики

Введение

Восстание в Центральной Азии, произошедшее сто лет тому назад, — крупнейшее событие в истории народов этого региона, повлиявшее на ускорение процесса национальной идентичности и национального самосознания, заложившее основы формирования национальной государственности.

Национально-освободительное восстание кыргызов и последовавшая за ним трагедия 1916 г. сохранилась в памяти народа как Уркун (Великий исход).

В своей статье я рассматриваю некоторые характерные особенности восстания 1916 г. в советской и постсоветской российской историографии. В различные периоды восстание 1916 г. то становилось одной из важных тем исследований историков и выступлений пропагандистов, то, напротив, замалчивалось и фактически исключалось из монографий и учебников.

Советская историография восстания теснейшим образом отражала политику властей в Средней Азии, была напрямую связана и менялась в зависимости от политической обстановки, и в конечном счете подчинялась конкретным нуждам советского руководства того или иного периода в этом регионе.

Основные особенности первого периода историографии (1920-е начало 1930-х гг.)

Историография восстания в советской историографии достаточно условно может быть представлена тремя периодами. Первый из них охарактеризован как достаточно свободный, поисковый и экспериментальный, разумеется, в рамках марксистско-ленинской идеологии. Он датируется 20-ми — началом 30-х годов.

Второй период с начала 30-х годов и вплоть до 1953 г. Он представлен жесткими идеологическими установками и выводами, использующими марксистско-ленинские концепции для решения политических задач окончательного утверждения сталинского режима в Средней Азии и Советском Союзе в целом. Наконец, третий период с 1953 по 1991 гг. характеризуется большей свободой в оценке восстания, расширением источниковой базы и вместе с тем сохранением в целом выводов, предшествующего периода.

В первые десятилетия большевистского правления в Средней Азии, когда не прекращалась борьба с басмачеством, тема восстания не только являлась предметом изучения историков, лекций пропагандистов, но и широко была представлена в произведениях литературы и искусства. Все это позволяет говорить о том, что формирование концепции восстания занимало видное место

в раннесоветской идеологии и историографии в Средней Азии. Обращение к колониальному прошлому этого важного региона Российской империи служило прежде всего задачам легитимизации советской власти и привлечения коренного населения на сторону советского режима.

Данный период историографии может быть отмечен как время относительной свободы формирования подчас оригинальных исторических концепций, которые как правило, создавались не профессионалами, а очевидцами и участниками тех событий. Некоторые из них занимали высокие места в большевистской партийной иерархии. Это время попыток включения авторами, обратившимися к написанию работ по восстанию 1916 г., своих оценок и взглядов в «прокрустово ложе» марксистских догм.

Пионерами в изучении восстания 1916 г., как уже отмечалось, стали его участники и очевидцы, опубликовавшие и первые статьи по данной теме. Эти авторы стремились объяснить предпосылки и причины восстания, сам его ход и цели, понять причины поражения. В 1924 г. журнал «Новый восток» помещает статью Т. Рыскулова [Рыскулов, 1924, 270—274] и в 1925 г. Г. Бройдо [Бройдо, 1925]. Рыскулов выдвинул положение о том, что восстание было заранее подготовлено царизмом в качестве предлога для ввода большого числа российских войск для подготовки к завоеванию Западного Китая. Этот взгляд известен как «теория плацдарма». В свою очередь, Г. Бройдо в опубликованной статье сформулировал «теорию провокации». Он доказывал, что восстание было спровоцировано русской администрацией с целью очистить земли Туркестана для дальнейшей колонизаторской активности царизма. Взгляды этих авторов вызвали критику Е. Федорова и других, которые оценивали восстание как массовое движение коренного населения, направленное не только против царского правительства, но и против баев и манапов. Восстание по сути было стихийным, не существовало руководящего начала со стороны местной интеллигенции [Федоров, 1925, 30—51]. Автор этой концепции особо обратил внимание на антиколониальный и антифеодальный характер восстания. Лозунгом восстания, как считал Федоров, была «священная война», а само восстание он оценивал как разрозненные и одиночные выступления. Такие взгляды, частично, могут быть объяснены, слабым знанием источников, прежде всего архивных материалов. В десятилетнюю годовщину восстания Отдел по изучению партии (Истпарт) при Средазбюро ЦК ВКП(б) организовал дискуссию, с целью выработать единый взгляд историков и партийных пропагандистов на оценку восстания 1916 г. Дискуссия началась с публикации статьи в газете «Правда Востока» И. Меницкого «О характеристике событий 1916 г.» [Меницкий, 1926, 4]. Он фактически игнорировал национальный характер восстания и характеризовал его как выступление угнетенных классов против местной буржуазии, так и равно против всех других эксплуататоров без различия национальностей и против русской администрации как защитника этих эксплуататоров. Подчеркивание национального аспекта неверно, и политически (!) вредно, считал Меницкий [Меницкий, 1926, 151]. Ему возражал Рыскулов. Разумеется, Рыскулов также как и его оппонент, опирались на марксистско-ленинское учение. Однако он, напротив, обращал внимание на национальный аспект восстания. В разгоревшейся дискуссии один из основных вопросов был по сути вопрос о преобладании классового или национального начала в восстании. Т. Рыскулов и Г. Бройдо отмечали спровоцированный, по их убеждению, характер восстания.

О стихийном характере выступления и был по сути вопрос о преобладании классового или национального начала в восстании. Т. Рыскулов и Г. Бройдо отмечали спровоцированный, по их убеждению, характер восстания. О стихийном характере выступления и отсутствии в нем каких-либо революционных лозунгов писали В. Некрасов-Клиодт [Некрасов-Клиодт, 1926, 10—14] и К. Харлампович [Харлампович, 1929, 14]. А. Шестаков настаивал на дифференцированном подходе к изучению восстания [Шестаков, 1927, 135—141]. По многим частным, но важным вопросам высказались и другие участники. Причину восстания они видели как результат отчуждения лучших земель у местного населения и создания на них поселков русских переселенцев. Восстанием оказались охвачены почти все области Туркестана, но самым мощным восстание стало в Семиреченской области, являвшейся наиболее интенсивным районом аграрной колонизации. В этом причина того, что этот регион представлял основной очаг восстания [Рыскулов, 1926, 175—176; Абдрахманов, 1931, 174; Исакеев, 1931, 27]. Мнение о том, что движущими силами восстания являлись дехканские массы в лице бедноты, батраков и середняков разделяли все участники дискуссии. Вместе с тем и Рыскулов и Абдрахманов отмечали, что руководство восстанием со стороны отдельных фигур из манапов и баев являлось прогрессивным явлением. Точка зрения Исакеева, считавшего что баи и манапы «занимались предательством» и играли агентурную роль для царского правительства, была сформулирована в духе того времени значительно позже [Исакеев, 1936, 33].

Позиция Чеканинского по данной проблеме состояла в том, что выступление 1916 г. он называл организованным восстанием, результатом проводимой в течение ряда лет политикой, которую вели как местная русская администрация, так и центральное правительство. Свои выводы он сделал, используя материалы Семиреченского областного статистического комитета. Чеканинский отмечал, что конечной целью участников восстания было стремление сбросить с себя и цепи рабства и расчистить путь к политической свободе нации к самоопределению и экономической независимости [Чеканинский, 1926, 4]. Исследователь коснулся и тактики борьбы царского правительства с восставшими степными народами. Он писал, что «русское правительство, опасаясь сплоченности степняков и их способностей организовать неожиданные массовые набеги ...стремилось прибегать, с одной стороны, к сеянию вражды между отдельными кыргызскими родами и партиями, чтобы тем самым ослабить сопротивляемость кыргыз, и с другой стороны, вызвать с жестокостью подавляемые «мятежи», и этим доказать массам, что всякое сопротивление «русскому оружию», есть лишь выражение ничтожности перед силами великой России и могуществом белого царя» [Там же, 26—27]. Таким образом, во второй половине 20-х годов, шла достаточно плодотворная дискуссия, направленная на освоение и интерпретацию восстания в рамках в марксистско-ленинской теории.

Основными обсуждавшимися проблемами были вопросы о движущих силах и социально-экономических предпосылках восстания, его характере, роли различных социальных групп. Причем ход самого восстания рассматривался главным образом в Семиречинской области.

В условиях отказа в центре страны от политики НЭПа, обострения внутрипартийной борьбы, крайней идеологизации ее, усиления репрессий, что все более явственнее ощущалось и в Средней Азии, редакция «Коммунистической

мысли» подвела предварительные итоги дискуссии. Однако руководство Истпарта, пытаясь приноровиться к политической конъюнктуре, решило не делать окончательных выводов, считая их преждевременными [Коммунистическая мысль, 1927, № 4, 152].

К этому периоду историографии можно отнести публикацию сборника документов Ф. Божко и С. Волиным «Восстание 1916 г. в Средней Азии». В этот сборник был включен и стенографический отчет о закрытом заседании Государственной Думы от 13 и 15 декабря 1916 г., с выступлениями членов Думы, и прежде всего А. Ф. Керенского. По решению Думы Керенский в сентябре 1916 г. посетил Туркестанский край для ознакомления с положением дел на месте. Решение составителей поместить текст его выступления в издаваемый сборник в тот период было достаточно смелым шагом, ибо Керенский в тогдашних публикациях советских пропагандистов представлялся лишь в карикатурном свете: никчемной и комичной фигурой. В своем выступлении Керенский обозначил причины восстания в Средней Азии: «Причиной всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно центральная власть, объявившая и проводшая в жизнь незаконный указ... с нарушением всех элементарных требований закона и права. Это они являются виновниками того, что они разрушили эту цветущую окраину, что они создали там условия, при которых местное население начинает голодать. Это они, господа, виновники того, что ко всем фронтам войны прибавился новый Туркестанский фронт» [Божко, Волин, 1932, 110—111]. Депутат в своем ярком выступлении указал на проявленную жестокость царских карательных войск: «В Токмаке, маленьком городе начальник карательной экспедиции генерал Фольбаум, блестяще выполнил приказ своего начальника, а его молодцы случайно или шутя мирной волости кыргызы, пришедших к ним добровольно, потопили...» [Там же, 122]. Собственно представлением этого сборника можно говорить о завершении первого периода в изучении восстания 1916 г. Он характеризуется освоением доступного исследователям материала, различными подходами и оценками причин восстания, его характера, состава участников, его направленности, целей и задач, причин поражения. Для этого периода характерен творческий характер дискуссий, участие в обсуждении вопроса о восстании исследователей из различных регионов Средней Азии и из Москвы. Авторы публикаций резко критиковали колониальную политику Российской империи, пытались применить классовый анализ к межнациональным отношениям. Подобная позиция отвечала политике большевистских властей, кампании, направленной против великорусского шовинизма, стремлением заручиться поддержкой формировавшейся национальной интеллигенции.

Некоторые важные выводы исследователей первого периода историографии об антиколониальном, национально-освободительном характере восстания, о ряде факторов, повлиявших на глубинные причины, приведшие к восстанию, в частности, о земельной политике переселенческого управления Туркестанского края, по сути, направленной на расчистку земли для колонизации и некоторые другие были высказаны и сформулированы уже в то время. Вместе с тем, не были решены многие источниковедческие вопросы, оставались неизвестными значительные пласты архивных документов. Такой важнейший источник как фольклор народов Средней Азии, в том числе и кыргызский фольклор, тогда востребован не был, опросы участников и очевидцев восстания сделаны не были. Впрочем, в тогдаш-

ней политической атмосфере они вряд ли были возможны. Большинство работ имели прежде всего пропагандистскую направленность, в чем собственно была не вина, а беда исследователей. Подобная ситуация диктовалась усилившейся волной политических репрессий, жестким идеологическим диктатом.

Второй период историографии (начало 1930-х гг. — 1953 г.)

В августе 1931 г. к 15-й годовщине восстания Культпроп Средназбюро ЦК ВКП(б) в газете «Правда Востока» опубликовали тезисы «Восстание в Средней Азии». Тезисы, разумеется, были не академическим, а политическим документом, «призванный дать беспощадный отпор...попыткам агентам классового врага... ревизовать большевистскую оценку восстания 1916 года... в угоду классовому врагу». Тезисы, можно рассматривать, как позицию официальных властей по данному вопросу. Тезисы на многие десятилетия задали тон будущим исследованиям, оценкам и выводам. Успехи социалистического строительства республик Средней Азии были завоеваны, — отмечалось в тезисах, — «в результате многолетней, упорной борьбы трудящихся масс Средней Азии с классовыми врагами — с империалистами, феодалами, местной буржуазией, байством, кулачеством в союзе при поддержке российского пролетариата. Восстание 1916-го было важнейшим этапом на этом пути...». Хотя восстание не увенчалось успехом, указывали тезисы, оно «подготовило победоносный Октябрь в Средней Азии и переход народов Средней Азии на путь социалистического развития...».

В тезисах восстание рассматривалось как проявление «революционного кризиса, который назревал... и по линии роста национально-освободительного движения угнетенных, царизмом народов». «Удар восстания в Средней Азии в 1916 г. по российскому империализму облегчил победу революции в России...». «Восстание 1916 г. было национально освободительной войной против господства в Средней Азии российского империализма... было направлено против империалистической борьбы за хлопок... против переселенческой политики царизма, изгонявшей киргизское и казахское население в горы..., против произвола и грабежей царских чиновников, против набора местного населения для работ на мировую империалистическую бойню».

Тезисы вели борьбу на два фронта, против великодержавного шовинизма, который был назван «главной опасностью в национальном вопросе» и местного национализма, очень скоро ставшего главным объектом критики со стороны партийно-идеологического аппарата.

Что касалось «великодержавных шовинистов и их подголосков», которые как было заявлено, «оценивают восстание 1916 года как бунт «несознательного и «забитого» местного населения, никакой роли в подготовке революции 1917 г. якобы не сыгравшего и никаких задач национального освобождения не ставившего, направленного только против своих «непосредственных» эксплуататоров из местного населения. Такая оценка являлась уже знакомой официальной линией властей. Однако ныне этот подход был сформулирован куда более жестко и не терпел каких либо «уклонов» в национальном вопросе.

Впервые, как отмечалось, огонь был направлен и против местного национализма. «Националисты всех мастей и их подголоски, — отмечалось в тезисах, — отрицают национально-освободительный характер пролетарской революции в Средней Азии и пытаются доказать, что революция 1917 г. не освободила

народы Средней Азии от гнета российского империализма, противопоставляют Октябрьскую революции восстанию 1916 г., которое представляют как национально-освободительную революцию...».

Тезисы фактически предъявляли обвинения тем авторам, которые пытаются «подвергнуть ревизии значение восстания 1916 года и истолковать его уроки в угоду классовому врагу, чтобы свергнуть партию и руководимые ею массы рабочих, колхозников и дехкан Средней Азии с ленинского пути на путь реставрации капитализма и империалистического гнета... Чествуя 15-летний юбилей восстания 1916 г., необходимо дать беспощадный отпор этим попыткам агентов классового врага».

Политические обвинения, которые выдвигались в тезисах в отношении «великодержавных шовинистов» и местных «националистов» стали одним из факторов обоснования массовых репрессий в Кыргызстане и других республиках Средней Азии.

Тезисы по сути стали смертным приговором для очень многих исследователей восстания 1916 г., большинство из которых лишилось не только своего положения, но нередко и самой жизни. По надуманным обвинениям были репрессированы основатель кыргызской государственности Юсуп Абдрахманов, выдающийся казахский государственный деятель Турар Рыскулов, председатель СНК Киргизии Баялы Исаев. Была изломана судьба историка, этнографа, талантливого исследователя края Ивана Чеканинского, которому были предъявлены политические обвинения; арестован и подвергнут тюремному заключению первый ректор Среднеазиатского коммунистического университета, впоследствии первый секретарь ЦК КП Таджикистана Григорий Бройдо... Все эти инвективы, разумеется, не могли не сказаться на состоянии исторической науки в Кыргызстане и в Средней Азии в целом.

Возвращаясь к тезисам, отметим, что в них также отмечалось, что объявление «призыва на тыловые работы» было последней каплей, вызвавшей «революционный взрыв».

В третьей части тезисов «характер и движущие силы восстания» подчеркивалось, что «основной движущей силой являлись дехканские и скотоводческие массы... пролетарские и полупролетарские элементы коренного населения городов, находившихся под двойным гнетом российского империализма и местных эксплуататорских классов». В районах наиболее широкого развития колонизации (Киргизия) «повстанцы обрушили свои удары на кулацкие зажиточные слои населения русских поселков». Делался вывод, что восстание «...превратилось в борьбу против всей системы колониального господства...». «Наиболее реакционные части местной буржуазии докатились до прямого прислужничества палачам восстания...».

Разумеется, не могла быть обойдена «роль» большевистской партии, которая в момент восстания в Средней Азии была «загнана в глубокое подполье». «Массы российского пролетариата не могли открыто выступать на решительную борьбу с самодержавием в помощь восставшему дехканству... Восстание колониального крестьянства поэтому осталось без пролетарского руководства и без руководства большевистской партии». Вот причина, как следует из официального документа, поражения восстания: «оно было раздавлено царским правительством... прежде, чем ему на помощь пришла революция в центре

России. Революция 1917 года решила те задачи, которые поставило перед собой восстание 1916 года».

Далее, в четвертой части тезисы обращаются к самому ходу восстания, которое «вспыхнуло в ответ на «реквизицию» «инородцев», объявленную 25-го июня 1916 года... прямым результатом чего явилось восстание 1916 г. в Средней Азии, — первый могучий революционный удар по царизму, облегчивший победу революции в России».

Наконец, перейдя к выводам, тезисы подчеркивали, что «восстание 1916 года было национально-освободительной войной против господства в Средней Азии русского империализма, по преимуществу военно-феодалного». «Несмотря на поражение восстания, все уроки восстания убеждали его главную движущую силу — дехканские и скотоводческие массы и пролетарские и полупролетарские элементы коренного населения городов в том, что единственный путь для их победы — это путь борьбы в тесном союзе с русским пролетариатом и крестьянством под руководством первого... Пролетариат и его большевистская партия возглавили революцию и привели народы Средней Азии к победоносному строительству социализма» [Восстание 1916 года..., 1931, 2—3].

Столь обильное цитирование целых фрагментов тезисов необходимо для понимания создавшегося положения в историографии восстания. В тезисах был выдвинут целый ряд непререкаемых постулатов: восстание явилось национально-освободительной войной против русского империализма осуществленной главным образом дехканской и скотоводческой массой населения; у руководства восстанием в некоторых районах оказались баи и манапы, они вынуждены были это сделать под влиянием бедняцких масс. Восстание было направлено не только против местных эксплуататоров, но и кулацких слоев русских поселенцев. Большевики были загнаны в глубокое подполье и не могли возглавить восстание. Восстание колониального крестьянства поэтому осталось без пролетарского руководства и без руководства большевистской партии. Тем не менее, восстание осуществлялось при поддержке русского пролетариата, оно подготовило Октябрьскую революцию в Средней Азии, облегчило победу революции в России... [Там же, 2—3].

Эти оценки, часто мифические, содержат статьи и публикации вплоть до 1991 г., а в некоторых случаях и позже. Практически все взгляды, мнения, отобранные для публикации тексты документов, концепция историков довоенного периода, периода «оттепели» и стагнации второй половины 1960-первой половины 1980-гг., опирались на многие, а нередко и на все мифологемы, выстроенные в тезисах.

Опираясь на эти «концепции» в довоенное и послевоенное время были подобраны и изданы фрагменты архивных материалов, а также опубликованы воспоминания и статьи: Исакеева Б. (1931); Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник документов (1932); Коршунова П. (1936); Восстание 1916 года в Киргизстане. Сборник документов (1937); Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. Сборник воспоминаний и материалов (1937); Восстание 1916 г. в Туркмении. Документы и материалы (1938); Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы (1947) и др.

Достаточно характерной была статья С. Волина, который писал: «Нельзя понять ход революции и гражданской войны в Средней Азии, ход приведший

к поражению как империалистической, так и местной национальной контрреволюции и окончательному установлению Советской власти, если не учесть того опыта, того пробуждения классового сознания, сознания противоположности интересов баев, духовенства и туземной администрации, с одной стороны, бедняцко-середняцкой массы дехканства и городской бедноты, с другой, которое получили последние, благодаря событиям 1916 года. Предательство местной буржуазии и феодальных групп заставило трудящиеся массы понять, что победить они могут только в союзе и под руководством пролетариата». По мнению автора, с восстания 1916 года началось освобождение Средней Азии от царизма и империализма [Волин, 1931, 5]. И тем не менее, опубликованные в указанных сборниках архивные документы ввели их в научный оборот и сыграли положительную роль в развитии историографии того времени.

Историография периодов «оттепели», стагнации и перестройки (1953—1991 гг.)

В 1953 г. во Фрунзе состоялась научная конференция историков Киргизии, в том же году в Ашхабаде совещание историков Туркменистана, в начале 1954 г. объединенная сессия историков республик Средней Азии и Казахстана в Ташкенте совместно с историками из Москвы и Ленинграда, Азербайджана, Татарстана. Тема этих встреч касалась восстания 1916 г. Было признано, что восстание 1916 г. остается малоизученной темой, по которой не вышло ни одной серьезной монографии, признано, что далеко не все архивные материалы и другие источники как столичных архивохранилищ, так и архивов республик Средней Азии и Казахстана изучены и введены в научный оборот. По сути, эти встречи стали мощным стимулом для научного изучения восстания 1916 г. Итогом тогдашних выступлений и дискуссий стал выход в 1960 г. фундаментального тома архивных документов «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». В подготовке и издании этого сборника свою роль сыграли Институт истории АН СССР, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, Институт истории АН Киргизской ССР, Институт истории, археологии и этнографии Туркменской ССР, Институт истории и археологии АН Узбекской ССР, Главное архивное управление страны.

Фундаментальный сборник документов и по сей день не потерял своей научной значимости, он представляет собрание ценнейших архивных документов, большинство из них впервые вводились в научный обиход. В сборник вошли документы и материалы из столичных архивов, республиканских центральных архивохранилищ Средней Азии и Казахстана, а также публикуемых вторично из архивных сборников 1930—1940-х годов, которые, как верно отмечал автор обширной вводной статьи А. Пяковский, стали «библиографической редкостью» [Восстание 1916 года..., 1960, 21]. Сборник включал десять разделов. Документы первого раздела касаются причин и непосредственного повода к восстанию. Во второй раздел вошли сводные документы о восстании по всей территории Средней Азии и Казахстана. Третий и девятый разделы содержат документы, касающиеся отдельных областей, где восстание достигло особенно внушительных размеров и стало массовым. Наконец, последний десятый раздел представлял методы борьбы правительственных войск с восставшими. В этот же раздел, вошло несколько материалов, рисующих, по мнению составителей, «предательскую роль

буржуазных элементов в восстании» [Там же]. Необходимо заметить, что концепция тезисов 1931 г., во многих случаях была преодолена. Во вступительной статье уже не встретишь утверждений о «загнанной в подполье большевистской партии», о поддержке восстания российским пролетариатом и т. п. «фактов», не имеющих под собой никакой источниковой базы.

Во вступительной статье А. Пясковского восстание 1916 г. рассматривалось в контексте антиколониальных восстаний рабочих и крестьян в годы Первой мировой войны в Сингапуре, Китае, Пенджабе, во Вьетнаме, Персии, Индонезии, Египте, Южно-Африканском союзе. Такая постановка вопроса представляется более релевантной, одновременно она отвечала официальному советскому курсу, направленному на поддержку национально-освободительного движения народов стран Азии и Африки. Отмечалось, что восстание 1916 г. носило прогрессивный, национально-освободительный характер, и лишь в «отдельных очагах», усилиями «феодално-клерикальных элементов» превратилось в «националистическое движение» и было «реакционным» [Восстание 1916 года..., 1960, 18].

Вместе с тем, в пропагандистском портфеле сборника оставались и прежние утверждения о прогрессивном влиянии революции 1905—1907 гг.; о восстании, как факторе, повлиявшем на возникновение «великой дружбы» между народами России и т. д. Составители сборника не ушли от острых и болезненных сюжетов, опубликовав документы об отношении руководителей восстания к русскому населению, жизнь которого сохранялась лишь при обязательном согласии принять ислам [Там же, 380, 385]. Вместе с тем и по сей день больно читать вошедший в сборник фрагмент из дневника начальника карательного отряда фон Берга: «Втиснув очень густую толпу в узкую щель команда принялась работать шашками, киргизы падали десятками, казаки на их плечах врывались в середину и были беспощадны...число трупов было так велико, что обратно ехать... было невозможно...» [Там же, 658].

А. Пясковский прекрасно понимал, что по истории восстания почти не сохранилось иных документов «кроме как архивных». Абсолютное большинство восставших было неграмотно, и имеется только один взгляд на восстание со стороны военных начальников различных рангов. Отложившиеся документы отражают враждебное отношение к восстанию и к восставшим. Автор статьи выражал надежду, что «научно-критическое изучение публикуемых материалов даст возможность восстановить с известной полнотой и достоверностью историю восстания 1916 года...» [Там же, 20]. Однако иные источники, например, записи участников и свидетелей восстания, которые еще были живы в ту пору, так и не были сформированы. Было проигнорировано и устное народное творчество, историческая память кыргызского и других народов Средней Азии и Казахстана. Полноценная объективная монография о восстании так и не вышла.

В последующие десятилетия существования Советского Союза вплоть до его распада тема восстания являлась маргинальной. Лишь в многотомном академическом издании «История СССР с древнейших времен до наших дней», в томе «Россия в период империализма. 1900—1917 гг.», в разделе «Назревание революционного кризиса в годы войны» восстанию уделено немногим более двух страниц текста. В нем, разумеется, не оказалось никаких «открытий». Представлен устоявшийся взгляд на восстание как форму открытого выступления «против колониальной политики царизма». Не обошлось и без упоминания антинародной,

предательской роли феодально-байской верхушки, мусульманского духовенства и буржуазных националистов-джадидов и алаш-ордынцев [Сидоров, Тютюкин, 1968, 618—621].

Выход фундаментальной монографии в условиях бурного роста национального самосознания, интереса к родной истории и одновременно официальных заявлений о возникновении «единой исторической общности — советского народа» вряд ли соответствовал интересам центральной и местных правящих элит и рассматривался как явно не своевременный.

Современная российская историография восстания

Российские историки за прошедшие четверть века крайне мало уделили внимание данному событию. Первым к этой теме в постсоветское время обратился В. Булдаков, который писал, что в движении «туземцев» присутствовали не столько религиозные черты, сколько русофобские, а действия повстанцев, не предоставив ни одного примера, приравнивал к «кровавому ритуалу» [Булдаков, 1995, 23]. Вместе с тем он указал, что расправа, производимая, со стороны правительственных войск приняла «черты геноцида — наиболее крупного после армянской резни в Турции 1915 г.» [Там же, 23]. В другой статье автор признал, что ответственность за эскалацию насилия лежит на русских переселенцах и местной администрации [Там же, 68].

Имперский подход — одно из направлений в нынешней российской историографии. К этому направлению относится и публикация молодого московского историка А. Ганина [Ганин, 2008, 152—201]. В обширной фундированной статье, в основе которой лежит диссертация исследователя на соискание ученой степени кандидата исторических наук, успешно защищенная на истфаке МГУ им. М. В. Ломоносова в 2006 году [Ганин, 2006], Ганин именует восстание 1916 г. «туркестанским мятежом». Он решительно критикует как советских, так и авторов из государств Центральной Азии, при этом не останавливаясь перед расистским утверждением и указывая на то, что все они «почти исключительно выходцы из коренного населения Средней Азии и Казахстана». Именно они и пытаются «скрыть прежде всего этно-конфессиональную основу событий» и не желают признать, что летом-осенью 1916 года в Туркестане и Степном крае произошла «самая настоящая резня», а не национально-освободительное восстание [Ганин, 2008, 153]. «Выступление носило этно-конфессиональный и даже сепаратистский... характер» [Там же, 161]. Автор полностью принимает оценки буквально всех архивных документов, которые он впервые вводит в научный обиход. Вслед за этими источниками он именует восставших не иначе как «скопища», «бунтовщики». Не отказывается он и от конспирологической концепции: «Нельзя полностью исключать возможность участия германских и турецких агентов в подготовке мятежа» [Там же, 157]. В основе его статьи

достаточно тщательное описание событий в различных районах. Однако Ганин не стремится к выяснению истинных причин восстания. Он решительно поддерживает действия правительственных войск, ибо «только суровые и беспощадные меры, принятые весьма быстро и могли подействовать на воображение туземцев, совершенно потерявших голову и вообразивших себя хозяевами положения» [Там же, 206]. Позицию Ганина по сути разделяет и А. Папазов, который раскрывает «особенности» военных операций. Статья является панегириком выдающимся

административным способностям руководившего подавлением восстания туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куропаткина [Папазов, 2012, 112].

Честь современной российской историографии спасла вышедшая в 2015 г. монография В. Булдакова и Т. Леонтьевой «Война, породившая революцию: Россия, 1914—1917 гг.». В ней главное внимание уделено психологическим факторам, которые сыграли, по мнению авторов, немалую роль в развале империи. В крайне небольшом разделе «Пробуждение окраин?» историки отмечают обострение в годы войны межатнической ситуации в империи. Ее индикатором они считают повсеместный рост антисемитизма, распространение антинемецких, антипольских, антимусульманских настроений, повсеместной шпиономании.

Обращаясь к мобилизационной политике властей, авторы указывают, что ее «наиболее трагичным результатом стали события в Средней Азии и в Казахстане». Они пишут о случаях обоюдных жестокостей и зверств, ужасных последствиях восстания: «У Шамсинского перевала отрядом казаков было расстреляно 1.5 тысячи киргизов, в основном женщин, стариков, детей. Опасаясь репрессий до 300 тысяч казахов и киргизов бежали в Китай». Ссылаясь на А. Капеллера [Капеллер, 1997, 260], Булдаков и Леонтьева отмечают, что в результате подавления восстания погибло свыше 100 тысяч казахов и киргизов» [Булдаков, Леонтьева, 2015, 343].

Они констатируют, что и после подавления восстания «полностью стабилизировать ситуацию так и не удалось» [Там же, 344]. Вместе с тем, как видно из текста монографии, авторы отказались от применения таких терминов как «кровавый ритуал» и «геноцид», которыми Булдаков в 1995 году, как отмечалось выше, характеризовал действия правительственных войск при подавлении восстания.

Буквально накануне нынешней конференции, вышел из печати сборник докладов, представленных в виде статей, международной конференции, состоявшейся в Москве в сентябре 2015 года. Участники конференции из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, России, Таджикистана в своих докладах попытались осмыслить некоторые предпосылки, причины и уроки восстания.

К сожалению, сборник не содержит какой-либо вступительной обобщающей или иной статьи, которая позволила бы говорить об взглядах, которые объединили, или, напротив, вызвали разные оценки авторов этой собранной под одной обложкой книги, скажем прямо, под довольно неожиданным названием. Участники конференции, представившие свои доклады, в своих статьях игнорируют или не замечают выступления других участников, никак не выражают к ним своего отношения. А. Бахтурина (Москва, РГГУ) в статье «Управление в Туркестанском крае накануне и во время восстания 1916 г.» основное внимание обращает на непрофессионализм местной администрации и особенно несовершенную российскую систему управления краем. «Восстание 1916 года показало к каким пагубным последствиям может привести несогласованная деятельность различных министерств» [Цивилизационные аспекты..., 2016, 49]. А. Васильев (Москва, ИВ РАН) в статье «К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г.» и И. Баринов (Москва, ИМЭМО) в статье «Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны» коснулись вопроса о причастности Османской и Германской империй к восстанию. А. Васильев, основываясь на анализе работ турецких историков и документах из российских и турецких архивов, отметил, что вряд ли возможно говорить о прямом или даже косвенном участии Турции в восстании. Он лишь отметил о достаточно ограниченном османском влиянии

через паломников, совершавших хадж, останавливающихся по пути в Стамбуле, как и возможном влиянии на местное духовенство. «Внешний фактор (турецкий) не был основным мотивом участия в восстании, а являлся дополнительным стимулом для присоединения к нему» [Там же, 113]. Что касается Германии, то она, считает И. Баринов, вообще имела весьма «приблизительное представление» о регионе, в котором происходило восстание. Автор призывает исследователей к тщательной разработке «фондов германского МИДа, Генерального штаба...» [Там же, 118]. С. Абашин [Санкт-Петербург, ЕУ] в статье «Туземные чиновники и восстание» считает, что восстание безусловно было «антиколониальным и велось с колониальной властью, ее ставленниками и колонистами, переселенцами в ответ на решение этой власти, которое население считало для себя несправедливым и незаконным», но отмечает в то же время его «сложную природу». Исследователь не считает нужным всю сложность восстания «сводить к антиколониальной борьбе». В восстании С. Абашин видит и отражение внутреннего конфликта, конфликта между социальными группами в среднеазиатском обществе, хотя и отмечает, что данная тенденция была явно не главной [Там же, 84]. Р. Почекаев [Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ] в статье «Особенности взаимоотношений российской администрации Туркестана с Бухарой и Хивой во время восстания 1916 г. (политико-правовые аспекты)» констатирует, что восстание не повлекло «радикальных перемен в правовом регулировании отношений с ханствами Средней Азии», но конкретные действия имперской России еще раз продемонстрировали, что Россия фактически считает среднеазиатские ханства зависимыми территориями и допускает возможным в условиях чрезвычайной ситуации распространять на них отдельные имперские правовые акты и правовые режимы...» [Там же, 170]. Наконец, еще один российский автор Д. Аманжолова [Москва, ИРИ] обращается к проблемам «этнополитической мобилизации казахской интеллигенции» и отмечает, что формирование местной интеллигенции стали важными общественными сдвигами в состоянии всего казахского социума, которые «наряду с государственной политикой, предопределили характер, масштабы, состав участников и другие показатели восстания 1916 г.» [Там же, 137]. Тематика сборника продемонстрировала широкие возможности для дальнейшего изучения не только событий непосредственно касающихся восстания, но и целого ряда процессов и явлений в истории народов Средней Азии накануне крушения Российской империи. Вместе с тем, представленный здесь сборник статей, по нашему мнению, явно не стал историографическим событием, прорывом в исследовании трагедии 1916 года.

Вместо заключения.

Восстание народов Средней Азии и Казахстана произошло буквально накануне крушения Российской империи и по своим масштабам, числу участников, охваченной территории может быть сравнимо лишь с польским восстанием 1863 г. Однако в отличие от последнего, оно не получило должного освещения ни в советской, ни в современной российской историографии. Можно и нужно говорить не только о трагических событиях 1916 г., но и о весьма драматических страницах истории их изучения. Хотя со времени восстания прошло уже сто лет, многие вопросы остаются открытыми.

Пожалуй, самый важный вопрос состоит в том, что мы крайне мало знаем о настроениях, целях, думах и задачах, которые ставили сами участники восстания, и его лидеры.

Современным исследователям, необходимо обратиться к исторической памяти кыргызского народа, других народов Центральной Азии, устному народному творчеству, организовать масштабную работу по устной истории, провести интервью с внуками и правнуками участников тех событий. Вполне возможно, что подобные исследования откроют источники, позволяющие дать новое понимание известных событий, что были представлены со стороны Российской империи.

Литература:

1. Абдрахманов Ю. Незабываемая годовщина (К 15-летию восстания в Киргизии // Советская Азия. Кн. 5—6. Москва, 1931. — С. 170—175.
2. Божко Ф., Волин С. Восстание 1916 года // Сборник статей. Москва—Ташкент, 1932. — 98 с.
3. Бройдо Г. Восстание киргиз в 1916 г. (Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данные 3 сентября 1916 г.). Москва, 1925. — 29 с.
4. Булдаков В., Леонтьева Т. Война, породившая революцию: Россия, 1914—1917 гг. Москва, 2015. — 720 с.
5. Булдаков В. Имперские этнофобии. // Родина, 1995. № 7. — С. 20—24.
6. Булдаков В. Бунт // Родина, 2004. № 11. — С. 68—74.
7. Бройдо Г. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. // Новый Восток. — М., 1924. — № 6. — С. 81—111.
8. Восстание 1916 года в Казахстане // Документы и материалы. — Алма-Ата, 1947. — 213 с.
9. Восстание 1916 года в Киргизстане. — М., 1937. — 169 с.
10. Восстание 1916 года в Средней Азии // Сб. док. — Ташкент, 1932. — 796 с.
11. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Сб. док. Под ред. А. В. Пяковского и др. — М., 1960. — 794 с.
12. Восстание 1916 года в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и СаНИИР к 15-ой годовщине восстания // Правда Востока, 8 августа, 1931. — № 216. — С. 2—3.
13. Восстание 1916 года в Туркмении. Документы и материалы. — Ашхабад, 1938. — 317 с.
14. Ганин А. Оренбургское казачье войско в конце XIX — начале XX вв. // Рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 2006. — 532 с.
15. Ганин А. Последняя полуденная экспедиции императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916—1917 гг. // Русский сб. Исследования по истории России. — М., 2008. — С. 152—214.
16. Инояттов Х. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. — Ташкент, 1962. — 198 с.
17. Исаев Б. Киргизское восстание 1916 года. — Фрунзе, 1932. — 48 с.
18. Коршунова П. Зверская расправа царского правительства с повстанцами Ферганы: (Воспоминания очевидца) // Советское краеведение, 1936. — № 9. — С. 57—58.
19. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Дневник А. Н. Куропаткина: предисл. П. Галузо // Красный архив, 1929. — Т. 3 (34). — С. 39—94.
20. Кишибеков Д. Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана. — Алма-Ата, 1961. — 31 с.
21. Меницкий И. О характеристике событий 1916 г. в Туркестане. По поводу статьи тов. Рыскулова. Восстание туземцев в Туркестане // Коммунистическая мысль. — Ташкент, 1926. — Кн. 2. С. 151—155.
22. Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г. Сб. воспоминаний и материалов, Каз. НИИ марксизма-ленинизма при крайкоме КП(б) К.: ред. Н. Тимофеев. — Алма-Ата, 1937. — 315 с.
23. Некрасов-Клиодт В. Реквизиция киргиз на тыловые работы в 1916 году: очерк. — Кызыл-Орда, 1926. — 16 с.

24. Новоселов К. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. — Ашхабад, 1962. — 319 с.
25. Папазов А. Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в его подавлении // Вестник МГОУ. Серия «История и исторические науки». 2012. — № 2. — С. 101—112.
26. Рзаев Д. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. Фрунзе, 1962. — 44 с.
27. Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. № 6. 1924. — С. 270—274.
28. Рыскулов Т. Киргизстан. — Москва, 1935. — 59 с.
29. Сидоров А., Тютюкин С. Назревание революционного кризиса в стране // История СССР. Россия в период империализма 1900-1917 гг. Т. VI. — Москва, 1968. — С. 618—621.
30. Турсунбаев А. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. — Алма-Ата, 1963. — 112 с.
31. Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962. — 427 с.
32. Указ Президента Кыргызской республики «О 100-летию трагических событий 1916 года» // «Эркин Тоо», 29 мая 2015 года. — № 50. — С. 1.
33. Усенбаев К. Восстание 1916 г. в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — 326 с.
34. Чеканинский И. Восстание киргиз-казахов и кара-киргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае. Кызыл-Орда, Общество изучения Казахстана, 1926. — 76 с.
35. Фальсификаторы истории. Критика буржуазной историографии Средней Азии и стран зарубежного Востока / отв. ред. Хайрулаев М., Халфин Н. — Ташкент, 1985. — 181 с.
36. Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. — Ташкент, 1925. — 80 с.
37. Шестаков А. Спорные вопросы о восстании в Средней Азии в 1916 г. // Коммунистическая мысль. — Ташкент, 1927. — Кн. 4. — С. 135—141.
38. Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. 1916 год: уроки общей трагедии. / Сб. док. международной научно-практической конференции. — М., 2016. — 211 с.

ЗАЙРАШ ГАЛИЕВА

*д. и. н., профессор,
Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан.
E-mail: zaga353@mail.ru*

Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации

За свою многовековую историю кыргызский народ и народы Центрально-Азиатского региона пережили немало трудных времен, оставивших после себя горькую память. Одной из самых трагических страниц в их истории в начале XX в. стало национально-освободительное движение 1916 г., направленное против колонизаторской политики Российской империи.

Эти исторические события, несмотря на то, что с тех пор минуло уже 100 лет, находились в центре научных дискуссий ученых, которые не утихают до настоящего времени.

Первые работы, имеющие описательный характер, появились еще на заре советской власти. В целом в советской историографии в оценке восстания 1916 г. преобладал классовый подход. Хотя в научных исследованиях ученых Центральной Азии, наряду с классовым подходом, подчеркивался и антиколониальный, национально-освободительный характер народного движения 1916 г.

Основным достижением советской историографии, несмотря на доминирующие политические оценки, является значительный уровень изученности многих аспектов, касающихся восстания 1916 г., благодаря многочисленным серьезным научным исследованиям и публикациям документальных источников. Среди них можно отметить следующие работы: Т. Рыскулова «Восстание туземцев Туркестана в 1916 году» (1926); Б. Исакеева «Киргизское восстание 1916 г.» (1932); «Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане» (1936); «Восстание 1916 г. в Киргизстане» (1937); «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сборник документов (1960); А. Пяковского «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» (1960); Х. Турсунова «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане» (1962); К. Усенбаева «Восстание 1916 г. в Киргизии» (1967) и др.

В постсоветской историографии государств Центральной Азии основной акцент делается на антиколониальном (национально-освободительном) характере восстания, имеющего всемирно историческое значение. За годы суверенитета в Кыргызстане и других государствах региона опубликовано множество ранее не известных документальных материалов по восстанию 1916 г. В связи с этим появилась не только возможность по-новому взглянуть на его отдельные страницы, переосмыслить противоречивые и сложные моменты освободительного движения, но и необходимость новых подходов к изучению связанных с восстанием проблем, подвергнутых забвению в советской историографии или получивших соответствующее идеологизированное объяснение.

Постсоветская историография Центрально-Азиатского региона содержит немало новых подходов в оценке причин, характера, хода восстания 1916 года.

Остановимся именно на этих, порой спорных, но вместе с тем имеющих место быть моментах.

Ряд ученых предлагают пересмотреть хронологические рамки восстания 1916 г. Как известно, многочисленная научная литература, касающаяся восстания 1916 года на территории государств Центральной Азии, ограничивает его следующими хронологическими рамками: 4 июля 1916 года — ноябрь 1916 года.

Таджикский исследователь И. Мамадалиев выступает за пересмотр даты начала восстания. Он считает, что если судить по хронологической последовательности, то восстание началось не 4 июля, как это общепринято в историографии восстания, а 3 июля. Аргументируя свою точку зрения, он приводит следующие свидетельства источников: «2—3 июля в Ходженте скопились жители окрестных кишлаков. Примерно в это же время повсеместно началось составление списков. Почувствовав страх перед собиравшимися массами, подполковник Рубах потребовал от начальников всех постов уезда три раза в день сообщать ему о ходе подготовки рабочих к отправке» [История таджикского народа, 2010, 806—807].

Первое же выступление недовольных людей, имевшее характер бунта, произошло 3 июля (1916 г.), когда «в г. Ходжент толпа местных собралась у квартиры пристава и произвела буйство, для прекращения которого без вызова администрации явились нижние чины, произвели несколько выстрелов в толпу и толпа расступилась» [Мамадалиев, 2015, 8].

Горожане, явившись в канцелярию полицейского пристава, потребовали отмены составления списков рабочих, предполагаемых к отправке на работу в тылу фронта. Несмотря на разъяснение и уговоры полицейских властей разойтись, толпа продолжала шуметь и требовать. Когда же полицейские стали оттеснять толпу, горожане оказали сопротивление, нанося им побои. Озлобленные, доведенные до отчаяния трудящиеся, вооружившись чем попало — палками, камнями, ножами, кетменями, серпами, иногда ружьями, бросались на представителей царской администрации с криками: «Не дадим людей».

«Выбежавшие к месту происшествия из вблизи расположенного караула пять нижних чинов Ходжентской караульной команды, находившиеся в наряде на случай беспорядка, были моментально окружены толпой.

В это время со стороны толпы раздался выстрел, вследствие чего эти нижние чины и часть остальных той же команды, рассыпанная по валу крепости, открыли огонь по толпе, сделав 16 выстрелов, последствием которых оказалось 2 убитых и 1 раненый. Толпа немедленно рассеялась» [Там же].

Следовательно, считает И. Мамадалиев, события 4 июля по счету можно считать вторым днем народного волнения, происходившего в Ходженте.

Ученые Казахстана доказывают, что восстание в Казахстане продолжалось и в 1917 г. Например, по мнению С. Мажитова, об этом свидетельствует большой пласт документальных источников, описывающих события января — февраля 1917 г. В январе 1917 г. повстанцы Тургая предприняли новое наступление, против которых в феврале 1917 г. была проведена карательная экспедиция генерала Лаврентьева. Во время отступления в глубь степей до восставших доходят вести о Февральской революции. К тому же именно к 1917 г. относятся события, связанные с расправами и репрессиями над восставшими, возвращением тыловых рабочих, реабилитацией участников восстания и т. д.

С. Мажитов настаивает на том, что изучение и анализ народно-освободительного движения казахского народа с позиций хронологических рамок 1916—1917 гг. выявляет ряд неизученных проблем и открывает новые перспективы в их исследовании. В данной проекции появляется возможность совершенно по-новому взглянуть на события весны-осени 1917 г. в Казахстане и Средней Азии, в особенности в плане экономической и политической жизни данных регионов [Мажитов, 2006].

В постсоветской историографии возник расширительный подход на восстание 1916 г. Оно стало рассматриваться как событие всемирно исторического масштаба в русле национально-освободительного движения народов Востока первой четверти XX в.

В первые годы после обретения Казахстаном независимости казахстанские историки стали анализировать события 1916 г. в контексте мировых процессов, оценивая их как революцию и национальную войну. Так, академик М. Козыбаев трактует восстание 1916 г. как революцию. Он считает, что в 1916 г. началась народно-освободительная, антиколониальная война против царизма с образованием общенационального фронта против колониализма. Это дает основание характеризовать события 1916 г. как национально-освободительную революцию: «национально-освободительное движение 1916 г. должно рассматриваться как яркое проявление кризиса имперской колониальной системы, как составная часть мирового национально-освободительного движения... Его надо рассматривать в связи с мировой империалистической войной, но и вместе с тем, как революцию, равноправную с февральской».

Академик М. Козыбаев выступал против использования термина «восстание» относительно событий 1916 года в Казахстане, поскольку «восстание» подразумевает под собой мятеж, выступление, а исследуемые события выходят за рамки мятежа. По его мнению, шла национально-освободительная война колониального Востока против империи, которая переросла в революцию [Казахстан в начале XX века..., 1994, 168—169].

Ученый А. Бисенбаев утверждает, что события 1916 г. не восстание и не революция, а национальная война: «события 1916 г., на наш взгляд можно охарактеризовать как национальную войну». Такая оценка, по мнению исследователя, обусловлена тем, что в «ходе военных действий шло восстановление традиционных институтов казахской государственности... воссоздаваемая государственность возродила и производство оружия, регулируемые ею экономические отношения, обучение ополченцев... война возглавлялась представителями степной элиты» [Бисенгалиев, 1994, 104—105]. Хотя аргументация автора не совсем понятна.

На наш взгляд, это новые попытки политизировать исторические события 1916 г. При этом забывается, что восстание было больше стихийным, хаотичным, чем организованным, не имело единого руководства, и в целом, «не тянет» ни на революцию, ни на национальную войну, такие характеристики не соответствуют их истинному контенту и своеобразие.

Одной из самых остро дискутируемых и болезненных проблем в современных научных исследованиях и выступлениях ряда общественных и политических деятелей стала теория геноцида против кыргызского народа в ходе подавления национально-освободительного восстания 1916 г.

В ее основе, на наш взгляд, лежит теория провокации, выдвинутая современником этих событий Г. Бройдо: «Восстание было результатом провокационной работы всей администрации, не исключая высшей (Ташкент и Семиречье), направленной к тому, чтобы вырезать киргизское население и очистить земли для дальнейшей колонизационной деятельности правительства.

Нелепые и провокационные приказы, ложные разъяснения чинов администрации, натравливание русских поселенцев, организация из них отрядов, безнаказанность массовых убийств и бесчинств — все это было направлено на провокацию якобы восстания, которое дало бы основание к массовому «уничтожению» киргиз. Действия воинских отрядов и крестьянских дружин, вооруженных и организованных полицией, администрация края искусно расширяла район и остроту волнений, все более превращая киргизское население в неприятеля в глазах приходящих войск» [Бройдо, 1925, 28]. Следовательно, восстание началось в результате провокационной работы российской администрации, направленной на зачистку земли от кыргызов для дальнейшей колонизации края русскими переселенцами.

Каковы аргументы в пользу этой теории? Очевидно, что в первую очередь, приводятся данные о численности погибших кыргызов в ходе подавления восстания и бегства в Китай. Однако сразу хочется отметить, что источниковых подтверждений приводимых цифровых данных фактически нет, к тому же у разных авторов они значительно отличаются друг от друга.

Рассмотрим количественные данные, которыми оперировали еще на заре советской власти. Ю. Абдрахманов (председатель Совнаркома КАССР), писал следующее: «Карательные отряды царизма наводнили территории, населяемые киргизами и казахами, расстреливали их вплоть до грудного ребенка. Около 150 000 человеческих жертв, погибших от пуль и клинков царских палачей, погибших от рук кулацко-колонизаторских элементов русских переселенцев. 150 тысяч человек это только жертвы «организованного» убийства, а сколько их, восставших, погибло в Китае, куда они бежали после восстания» [Абдрахманов, 1991, 229].

Т. Рыскулов считал, что убыль кочевого населения Семиреченской области на январь 1917 года составила 270 632 человека: «Общее число кибиток по области, по переучету на трехлетие 1916/18 года, определено было в 182 255. ...убыль их составила 29,12 процентов. Состав кибитки... определяется в 5,1 душ обоего пола. По этому расчету убыль кочевого населения в области, вызванная восстанием, к январю 1917 г. исчисляется в 270 632 душ...» [Рыскулов, 1926].

Видный ученый-историк К. Усенбаев приводит такие данные: «... общее число участников восстания, убитых колонизаторами, и погибших от голода, эпидемий в период деятельности Временного правительства достигло 20 тысяч человек. В результате жестокого подавления восстания и враждебного отношения правительства к повстанцам численность коренного населения Северного Кыргызстана уменьшилась на 119 215 человек, или на 41,4 %» [Усенбаев, 1997, 147]. Причем эти данные легли в основу более поздних исследований многих кыргызстанских ученых.

Сокращение населения Северного Кыргызстана на 41,4% поддерживает, к примеру, профессор А. Асанканов. При этом он утверждает, что по китайским сведениям, только из Семиреченской области бежало 332 тысячи человек, из них

130 тысяч кыргызов. А в целом в восстании 1916 г. погибло около 200 тысяч кыргызов [Асанканов, 2009, 257].

Историк Т. Шейшеканов пишет: на 1 января 1917 г. из Семиреченской области в Китай перешли 38 тысяч кибиток или 150 тысяч человек. Только во время преследования карательными отрядами были убиты более 12 тысяч кыргызов. И еще на перевале Музарт, на границе с Китаем от голода, холода погибли еще две тысячи человек. Следовательно, по его мнению, общее количество погибших составляет около 14 тысяч кыргызов [Шейшеканов, 2003, 68—69].

Ученые У. Чотонов и Д. Нур уулу считают, что «...по приблизительным данным, было убито около 4 тысяч кыргызов. Во время бегства в Китай от рук карателей погибло около 12 тысяч кыргызов. Общее число кыргызов-беженцев, прибывших в Китай, составляло около 130 тысяч. Более 70 тысяч из них погибло от голода, эпидемии тифа, цинги, многих царское правительство отказывалось принимать обратно» [Чотонов, Нур уулу, 2009, 132—133]. Если исходить из приводимых этими учеными цифр, то потери среди кыргызов достигли 86 тысяч человек.

Еще одним подтверждением теории геноцида является свидетельство официального источника, опубликованное историком К. Молдокасымовым. Это протокол совещания российских чиновников под председательством Туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куропаткина, которое проходило в г. Алма-Ата от 16 октября 1916 г. «О выселении кыргызов и казахов, участвовавших в восстании 1916 г. в Нарынскую губернию, и передаче их земель русским переселенцам». Он доказывает наличие планов Российской империи по выселению кыргызов Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины в труднодоступные горные районы Нарына, где климатические условия не позволяли ведение сельского хозяйства и делали ведение кочевого хозяйства столь большого количества людей невозможным. Фактически кыргызское и казахское население сознательно отправлялось на верную гибель для их уничтожения. Освободившиеся земли предполагалось заселить русскими переселенцами.

Даже из названия этого протокола становится понятным его содержание: выселить кыргызов и казахов Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов, участвовавших в восстании, в труднодоступные районы Нарына, и создать там новый одноименный уезд. На освободившихся землях было решено создать 5 новых казахских станиц, в каждом не менее 60 семей [Молдокасымов, 2011].

Очевидно, что есть и противники данной теории. К примеру, историк Ш. Батырбаева заявляет: «...1916 год. Это был не геноцид, а противостояние между метрополией и колонией... Действительно, было жесткое подавление восстания» [Батырбаева, 2013]. В ходе самого восстания погибло около 4 тыс. кыргызов, а после его подавления, исходя из расчетных демографических данных (использовался метод перспективного исчисления населения), потери среди кыргызского населения составили 37,1 тыс. человек. Эта цифра показывает не только прямые людские потери, но еще и убыль населения, а также количество несостоявшихся рождений. Погрешность данного метода составляет около 10%. Даже если допустить, что погрешность составила максимальное значение, величина демографических потерь могла составить не более 41,3 тыс. человек [Батырбаева, 1993, 108].

Следует отметить, что такую же методику подсчета использовал Г. Кронгардт в своем исследовании. Однако полученные им данные на основе перспективного

исчисления людской убыли в результате подавления восстания и вынужденной миграции в Китай составили 96,1 тысячу человек [Кронгардт, 1993, 52]. Ш. Батырбаева объясняет это следующим образом: столь существенное расхождение было вызвано не в результате использования метода перспективного исчисления, а его подходом определения временных рамок демографических потерь. Он проводил исчисления до 1926 г. и потери населения в результате голода, имевшего место в 1917—1918 гг., посчитал прямым следствием подавления восстания 1916 г. Кроме того, без учета позитивных тенденций в демографических процессах в годы НЭП он ошибочно выявлял расхождения между предполагаемым ростом численности кыргызов с реальными зафиксированными данными в ходе переписи населения 1926 г. [Батырбаева, 2014, 109].

Таким образом, авторы приводят противоречивые данные о количестве жертв среди кыргызского населения в ходе и после подавления восстания 1916 г., ссылаясь на различные источники и методики подсчета. В целом можно считать, что при подавлении восстания 1916 г. погибло от 150 до 350 тысяч кыргызов, хотя некоторые политики и общественные деятели, манипулируя общественным мнением, доводят количество жертв до 1 млн человек. Следовательно, перед национальной исторической наукой стоит важная и неотложная задача — установить более точные и объективные данные о количественных потерях среди кыргызского народа в ходе восстания 1916 г. и его подавления.

В современной историографии поднимается вопрос о влиянии внешнего фактора на начало восстания — «заговор внешних сил». Ряд источников рассматривают восстание в контексте событий первой мировой войны, как результат противостояния двух коалиций, с одной стороны, России, Франции, Англии, а с другой — Германии, Австро-Венгрии и Турции. В связи с этим, отдельные авторы допускают тот факт, что восстание было инспирировано агентами германской разведки и турецкими эмиссарами.

Хотя об этом заявлялось еще на научной сессии 1955 г., посвященной истории Средней Азии и Казахстана в Ташкенте: во время восстания 1916 г. на границах Семиречья действовали германские и турецкие шпионы. Но тогда эта версия не получила ощутимой поддержки.

В октябре 1914 г. в первую мировую войну вступила Османская империя. Судя по донесениям в Департамент полиции, пропаганда, инициированная Стамбулом, велась достаточно интенсивно: «бабьи бунты» с участием мусульманок, тайные сборы денег в пользу Турции, распространение слухов о ее победах и возможном «изгнании русских» из Туркестана.

На территории Туркестана и Степного края распространялись такие воззвания: «Мусульмане! Царствующий над нами Халиф Ислама — Турецкий Султан ведет войну с Россией и другими ей союзными государствами. Каждый мусульманин должен сочувствовать этой священной войне Султана и обязан немедленно жертвовать на ее нужды и во благо войны всего мусульманства. А тот, кто не в состоянии жертвовать, тот должен сам встать в ряды сражающихся против неверных... Настало время освобождения от власти гяуров-русских...» [Калишевский, 2016].

Резко возросла активность турецкой и германской агентуры в Синьцзяне, особенно в Кашгаре. Русское и британское консульства в Кашгаре нередко совместными усилиями оказывали давление на китайские власти, добиваясь пре-

сечения деятельности турецко-германских агентов и наказания или удаления с должностей китайских чиновников, потворствовавших им. Так, в одном из донесений военного губернатора Семиреченской области А. Алексеева от марта 1917 г. отмечалось: «Есть бесспорное основание считать виновников по агитации, во-первых, некоторые элементы из соседнего Кульджинского района, а, во-вторых, и агентов Германии: решимость главарей бунта созрела и окрепла неожиданно быстро потому, что в их заблуждениях их поддерживали чьи-то прокламации, гласившие о слабости России, о непобедимости Германии и о близком вторжении в Русский Туркестан китайцев» [Там же].

У русских властей имелись данные, что в организации восстания в Семиречье принимали участие известные в Синьцзяне участники Синьхайской революции 1911 года Ли Сяо-фын и Юй Дэ-хай. В ряде мест, например в Мариинской волости Пржевальского уезда, именно подданные Китая стали зачинщиками и главными организаторами восстания. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Нома.

Из Синьцзяна в Семиречье якобы тайно доставлялось оружие [Там же].

Данная проблема обсуждалась в 2015 г. в ходе конференции, посвященной 100-летию трагических событий «Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия» [г. Москва, 2016].

По поводу «немецкого следа» выступил историк И. Баринов: «Итак, говоря о германской стратегии относительно Центральной Азии в годы Первой мировой войны, стоит подчеркнуть, что эта европейская держава на тот момент имела только приблизительное представление о том, что это за регион. Внимание Берлина по большей части было сосредоточено на Афганистане, который рассматривался в качестве тарана британских позиций в Индии. Русский Туркестан и происходившие там события оставались на периферии внимания германского командования, тогда как гораздо большую активность здесь проявляла Турция, тогдашний союзник Германии. Для составления более точной картины германского стратегического планирования в отношении Туркестана необходима тщательная разработка фондов германского МИДа, Генерального штаба и других ответственных инстанций» [Цивилизационно-культурные аспекты..., 2016].

Однако нельзя утверждать, что мощное национально-освободительное движение 1916 г. началось только в результате подрывной деятельности внешних сил, поскольку это несколько упрощенческая позиция. Согласно приведенным выше источникам, такие действия имели место, однако восстание было вызвано переплетением сложных внутренних социально-экономических процессов, в том числе недовольством широких народных масс колониальной, переселенческой, аграрной, налоговой политикой, проводимой царизмом в крае. В этой связи возникает необходимость более глубокого исследования проблемы присутствия интересов западных стран в событиях 1916 г. в Центральной Азии.

Таким образом, постсоветская историография внесла ощутимый вклад в процесс изучения восстания 1916 г. в Центральной Азии, были выдвинуты новые научные концепции и теории на основе широкого круга введенных в исторический оборот источников. Хотя еще многие аспекты восстания остаются спорными и нуждаются в дальнейшей разработке. При этом следует избегать политизированных подходов, отказаться от каких-либо конфронтационных аргументов для

доказательства истинности только своей позиции при использовании не совсем достоверных фактов.

Одновременно с этим перед исторической наукой стоит задача вывести исследование национально-освободительного движения 1916 г. в Центральной Азии на уровень теоретического осмысления и определить пути его дальнейшего изучения основе анализа опубликованных исторических исследований и выявленного круга новых источников.

Литература:

1. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину. — Бишкек, 1991. — 319 с.
2. Асанканов А. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). — Бишкек, 2009. — 544 с.
3. Батырбаева Ш. 1916 год. Это был не геноцид, кыргызов погибло 4 тысячи... 2013. <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1380149460>>
4. Батырбаева Ш. Демографические потери кыргызов во время восстания 1916 г.: мифы и реальность // Центральная Азия в исследованиях XIX—XXI вв. — Бишкек, 2014. — С. 107—109.
5. Бройдо Г. Восстание киргиз в 1916 г. — М., 1925. — 28 с.
6. Бисенгалиев А. К вопросу об изучении национально-освободительных движений — начале XX вв. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. — Алматы, 1994. — Вып. II. — С. 114—122.
7. Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. — Алматы, 1994. — Вып. II. — 193 с.
8. Кронгардт Г. Демографические аспекты истории восстания 1916 г. в Кыргызстане // Восстание 1916 г. в Кыргызстане. — Бишкек, 1993. — 75 с.
9. Калишевский М. Трагедия 1916 г. Десяносто пять лет со дня восстания. 2011. <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1309194660>>
10. Мамадалиев И. Восстание 1916 г. через призму XXI века (посвящается 100-летию восстания в Худжанде) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова. — № 2 (43), 2015. — С. 114—122.
11. Мажитов С. Протестное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: проблемы теории и методологии изучения. 2006. <journals.manas.edu.kg/mjtc/oldarchives/2006/9_821_2104_1-PB.pdf>
12. Молдокасымов К. 1916-ж. Архив документтери ашкерлейт. 2011. <http://muras.barakelde.org/unews/un_post:2866>
13. Молдокасымов К. 1916-жыл. Эркиндик үчүн күрөштүн барактары жана сабактары. 2011. <http://muras.barakelde.org/unews/un_post:2962>
14. Правда и мифы трагедии 1916 г. 2015. <http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=36234&Itemid=80>
15. Рыскулов Т. Р. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году (Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей). — М., 1926. — С. 46—122. <<http://www.literatura.kg/articles/?aid=175>>
16. Усенбаев К. 1916: героические и трагические страницы. — Бишкек, 1997. — 216 с.
17. Шейшеканов Т. Кыргыз көтөрүлүш. — Бишкек, 2003. — 96 б.
18. Чотонов У., Нур уулу Д. История Отечества. — Бишкек, 2009. — 342 с.
19. Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия. 1916 год: уроки общей трагедии. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. — М., 2016. — 211 с.

НУМОНДЖОН ГАФАРОВ

д. и. н., профессор,
Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.
E-mail: numonjon_g@mail.ru

Об отношении джадидов к восстания 1916 года в Центральной Азии

Всестороннее изучение и правильная оценка восстания 1916 года в Центральной Азии в настоящее время имеет научное и познавательное значение. Оно является одним из сложных и важных вопросов, которые требуют тщательного изучения. Вопросам изучения различных аспектов восстания в советский и постсоветский периоды посвящен ряд исследовательских работ от газетных сообщений и научных статей до капитальных трудов. В советское время, особенно в 50—60-х гг. XX века в братских республиках Средней Азии и Казахстана были проведены юбилейные сессии и научные конференции, где велись горячие споры о оценке характера восстания 1916 г. Однако не все вопросы среднеазиатского восстания столетней давности в отдельные периоды развития исторической науки были оценены правильно. Бурный всплеск массовых народных волнений и восстаний привел в движение все слои местного населения. Он оказал влияние и на джадидов, часть которых в известной мере были недовольны войной и набором рабочих. Другая их часть вела усиленную устную и печатную агитацию за отправку рабочих на тыловые работы, возглавляла комитеты по набору рабочих. На страницах джадидской прессы помещались патриотические статьи, стихи и очерки, выпускались специальные сборники песен, посвященные добровольцам.

Следует заметить, что в советской историографии упрощена позиция джадидов, не учтены особенности национального движения в разных регионах Центральной Азии, где национальный гнет не мог не задевать также и джадидов. В советской исторической литературе в основном утверждалась такая позиция, что джадиды играли в восстании явно реакционную и предательскую роль.

Общеизвестно, что джадиды в конце XIX — начале XX вв. сыграли определенную роль в развитии народного образования и внесли большую лепту в дело обогащения духовной жизни коренного населения Туркестана. Деятельность джадидов выходила за пределы только культуры и просвещения: через просветительство джадиды ставили более широкие и глубокие проблемы. Прежде всего, это выход народов Туркестанского края из состояния застоя и отсталости, освобождения их от суеверий, невежества и фанатизма, пробуждение их тяги к достижениям современной цивилизации. В этом и заключалась главная ценность, историческая миссия джадидского движения в Центральной Азии.

В годы Первой мировой войны происходит эволюция джадидизма. Всеобщий духовный кризис, наступивший с началом войны, ознаменовался изменением отношения ко многим традиционным формам общественного сознания. Война способствовала радикализации мышления джадидов. В их среде усилилась критика

основных постулатов официальной идеологии, механизма политической жизни. Усиление политической направленности в идеологической и социально-практической деятельности национальной интеллигенции обусловило дальнейшее размежевание джадидов на сторонников сугубо культурно-просветительской работы и приверженцев программы реформы общественно-политических институтов. Обозначились также противоречия в отношении к войне. Одна часть выступала с ее осуждением, другая занимала выжидательную позицию. Определенная группа туркестанских джадидов ориентировалась на Турцию, но большинство на Россию.

Некоторые лидеры джадидов на страницах периодической печати выступали инициаторами создания комитетов поддержки фронта, сбора денег и других материальных ценностей для оказания помощи семьям российских солдат, участвующих на фронте. «Горе русского государства, — писала джадидская газета «Садои Туркистон», — наше горе. И мы, разделяя его, должны вести себя так, чтобы это было приятно нашему правительству. Правительство — отец народа. Его сыновья должны заботиться о нем» [Ходжаев, 1914].

Лидер туркестанских джадидов Махмудходжа Бехбуди с самого начала войны вел агитацию в пользу русского царизма. «Российская страна, — писал он, — родина русских мусульман. Враг объявил нашей родине войну, и мы, любя свою Родину, должны помогать ей. Любить родину — это значит по мере возможности материально помочь правительству. Кроме того, мы должны оберегать себя от всяких мыслей и действий, могущих отвлечь внимание нашего общественного мнения» [Бехбуди, 1914, 1042].

Из всего сказанного уже становится ясным, какую позицию должны были занять джади́ды в восстании 1916 г. Аналогично было отношение джадидов и к царскому указу от 25 июня 1916 г. о мобилизации коренного мужского населения на военно-тыловые работы и восстанию народов Средней Азии 1916 г. Одни ходатайствовали перед властями во избежание новых «беспорядков» передать царю «просьбу населения» об освобождении от набора рабочих; другие просили отсрочить набор рабочих, постепенно приготовить народ, «иначе беспорядки могут повторяться», отложить призыв до окончания сезона сельскохозяйственных работ, оставить часть тыловиков для работы в хозяйствах или промышленных предприятиях; третьи принимали участие в создании в уездах, областях и городах «туземных комитетов содействия» колониальным властям по осуществлению набора рабочих. Так, во главе с Мунавваром Кору, Расулом Ходжаевым, Убайдуллою Ходжаевым, Асадуллабековым, Набихановым и другими джади́ды возглавляли комитеты по оказанию помощи в наборе и отправке рабочих [Кастельская, 1972, 137].

Джади́ды устно и в печати вели усиленную агитацию за посылку рабочих на тыловые работы, возглавляли комитеты по набору рабочих. На страницах джадидской прессы помещались патриотические статьи, стихи и очерки, выпускались специальные сборники песен, посвященных добровольцам. Так, в сборнике стихов джадидских поэтов М. Ибрагимова и А. Алими «В тылу», изданном в Намангане в 1916 году, говорилось, что «наши старательные и боевые юноши поняли обязанности, возложенные на них: согласно дедовскому обычаю они пошли добровольно служить правительству. Они поняли, что спокойствие родины и нации в таком служении». Авторы сборника гордились тем, что «храбрые сыны»

народа Таш-Ходжа и другие первыми добровольно записались на тыловые работы [Ибрагимов, 1916, 2].

О поведении джадидов в период восстания 1916 года свидетельствует также стихи небезызвестного джадидского поэта Акбари, выпустившего в феврале 1917 г. сборник под названием «Служба Родине». В предисловии к нему говорится, что «Абдурахмон Акбари, представитель общества «Турон», издал настоящий сборник стихов-молитв, сложенных населением Туркестана в честь его величества Белого царя». «Песня мардикеров, уехавших из Ташкента» начинается двустихием:

Соотечественники, люди одной нации, единоверцы!
Мы уезжаем ради нации, ради родины, наши друзья!

В стихах и статьях, написанных в дни набора тыловиков, джадиды от имени мардикеров говорили, что мардикеры пожертвуют ради «Родины» своей головой, будут служить «нации», за что бог помилует их, скоро они вернутся обратно, и работа и жизнь в тылу для них станет легче; если они будут усердно служить царю, то он вознаградит их; чтобы порадовать царя, мардикеры должны отдаться целиком службе и радоваться, что на их долю выпала честь служить царю.

В целом отношение джадидов к восстанию 1916 г. было отрицательным. Чем объяснить это? Оно объясняется конкретно-историческими социально-экономическими и политическими условиями, формировавшими позицию местной буржуазии, которая была малочисленной и экономически и политически слабой. Она находилась в зависимости от российского капитала и была ему подконтрольна. Промышленная национальная буржуазия была тесно связана с монополиями России, особенно в области сбыта сырья и в системе банковского кредита. Экономические интересы торговой части национальной буржуазии были переплетены с интересами русской буржуазии. Поэтому буржуазные националисты — джадиды открыто призывали поддержать царское правительство и ревностно боролись против восстания, способствовали осуществлению набора на военно-тыловые работы.

Периодическая печать джадидов наглядно показывает их отношение к восстанию. Так, в «Туркистон вилоятининг газетаси» джадиды писали: «Царь издал повеление, мы пойдем на работу. О, послужим нашему царю, будем помощниками армии, надо помогать отечеству» [Туркистон вилоятининг газетаси, 1916]. Или за подписью видного представителя джадидской поэзии Тулагана Ходжамёрова под псевдонимом Тавалло в той же газете 21 августа 1916 года было напечатано приветствие генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину в стихах. Автор стихотворения поздравлял генерала с прибытием в Ташкент, желал ему всяческого успеха и процветания, объявлял его отцом народа. Тот же Ходжамёров в статье, опубликованной в указанной газете, по случаю восстания писал, что «в результате непонимания или невежества произошло несколько неприятных событий».

Редактор джадидского журнала «Аль-Ислох» Абдурахмон Сайёх советовал населению беспрекословно выполнять царский указ. «Дорогим единоверцам, — писал он, — рекомендуется в этом отношении, наряду с именитыми людьми, умеющими различать добро и зло, подчиниться указанному высочайшему повелению, ибо защищать дорогую Родину — есть дело обязательное для всего населения отечества, как русских, так и мусульман».

Национальная буржуазия при активной помощи джадидских лидеров принимала участие в создании в уездах, областях и городах Азиатской России «туземных комитетов содействия» колониальным властям по осуществлению набора рабочих. Такой комитет из 16 человек был образован 15 августа 1916 г. в Ташкенте под председательством джадида Убайдуллы Ходжаева, получившего юридическое образование в Саратове и занимавшего адвокатурой. В составе комитета был и лидер ташкентских джадидов Мунаввар Кору. О том, что члены местного комитета содействия были исключительно из угодных царской администрации лиц, свидетельствует рапорт начальника города Ташкента от 17 августа 1916 г., который подтверждал, что «Ташкентского Городского Комитета по призыву туземцев на работу в тылу действующей армии в политическом отношении вполне благонадежны» [Турсунов, 1962, 209].

Джадида организовывали патриотические манифестации в честь царя и Куропаткина, за проведение набора рабочих. По сообщению «Туркестанских ведомостей» в сентябре 1916 г., в одной из манифестаций в Ташкенте на улицу вышли учащиеся джадидских школ и пели песни, которые начинались словами: «Живи, живи, император, у тебя есть справедливость» (11), и в которых выражалась готовность выполнить царский указ. По сведениям академика З. Ш. Раджабова, 16 сентября 1916 г. джадида в Ташкенте организовали демонстрацию с песнями по поводу завершения набора мардикеров, т. е. наёмных работников [Раджабов, 1957, 421].

Часть джадидов в известной мере были недовольны войной и набором рабочих. Представители джадидизма Завки, Аваз Отар, Хамза и другие выступали против царского указа и осуждали тех джадидов, которые поддерживали местную администрацию в отправке коренного населения на тыловые работы. В этом отношении характерно выступление Завки против сторонников отправки местного населения на тыловые работы, группировавшихся вокруг джадидского журнала «Аль-Ислох». Завки дал им резкую отповедь, показав, насколько они далеки от народа. «Ваша деятельность, — говорил он, — равносильна игре на карнае (бас в национальном оркестре. — *примеч. авт.*) в ухо больного. Вы хотите помирить волков с овцами (баев с бедняками)». Отмежевываясь от джадидов, Завки заявил: «Идти с вами для меня означает повеситься на виселице. Я бедный сапожник и останусь со своими друзьями-сапожниками» [Вахабов, 1963, 44].

В 1916 году, когда в некоторых областях Туркестана, в особенности в Ферганской долине, начался голод и под влиянием подавления восстания народ был охвачен паникой и унынием, поэт с джадидскими стремлениями Завки написал свои стихи «Аджаб эрмас» («Возможно») [Завки, 1957, 87]. В них он говорил, что голод, гнет, могущество царизма — все это преходяще, в ближайшие дни покажется солнце свободы. Такие же мотивы звучали в произведениях Хамзы Хакимзаде Ниязи, который в дни восстания писал:

Баи, шейхи, улемы, все ишаны и мингбаши —
Все одной веревкой связаны, совесть продали за гроши»
[Вахабов, 1963, 44].

Хамза в конце 1916 г. пишет ряд стихотворений и песен о мобилизации на тыловые работы, такие как, «Тоскую» и «Передай привет» [Хамза, 1960, 98—101].

Они были напечатаны в специальной части «Сборника стихов для национальных песен» под названием «Сафсар гуль» («Цветок ириса»), основной темой которого, как он сам подчеркивает в надписи на обложке, является «несчастное положение рабочих нашей Родины».

Следует отметить, что Хамза позже в 1919 г. уже в качестве советского драматурга и театрального деятеля создает большое — в трех частях — драматическое произведение под названием «Трагедия мобилизованных», посвященное событиям 1916 г. В основу конфликта в этом произведении положено столкновение классовых сил в условиях мировой войны, материальные лишения, связанные с ней, и мобилизация на тыловые работы, которые до предела обнажили социальные противоречия, вызвали резкое размежевание классовых сил и привели, в конце концов, к взрыву народного возмущения.

Джадидский поэт Сироджиддин Махдум Сыдки довольно подробно описывает мрачную жизнь тыловых рабочих на чужбине. Он рассказывает, что рабочие фактически были солдатами, несли непосильный труд, подвергались штрафу за малейшую вину, голодали, были разуты и т. д. Он писал:

Вернулся человек, находившийся на чужбине,
Вернулся человек, подвергавшийся там многим страданиям и лишениям,
Вернулся человек, потерявший половину своей юности от кошмара жизни...
[Там же, 428]

Один из наиболее известных джадидов был Убайдулла Ходжаев (Асадуллаходжаев), который в 1914 году был избран членом Ташкентской городской думы, где получил трибуну для публичного осуждения ограничения прав коренного населения, обличения действий полиции и т. д. Критикуя общественные порядки в Туркестане, Убайдулла Ходжаев вместе с тем неоднократно подчеркивал свою лояльность России, писал о процветании региона под русским управлением. В 1914 года он вступил в поддержку Российской империи в начавшейся мировой войне (Центральная Азия..., 2008, 281-282).

По инициативе джадида Убайдуллы Ходжаева, эсера В. А. Чайкина и андижанского миллионера Мир Камил-бая в августе 1916 г. была организована поездка членов мусульманской фракции Государственной Думы в Туркестан. Они побывали в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Джизаке, Коканде, где приняли большое число просителей, выступали перед населением, знакомились с ситуацией на местах, собирали материалы о злоупотреблениях администрации в отношении мусульман и евреев. По их просьбе в Туркестан приехали представители Государственной Думы — член мусульманской фракции К.-М. Б. Тевкелев и член фракции трудовиков А. Ф. Керенский. Они с 15 августа по 2 сентября 1916 г. побывали в ряде городов и сельской местности — Ташкент, Самарканд, Джизак, Андижан. Коканд, Ассак, Тойтубе и др. [Котюкова, 2011, 111—112].

Видный государственный деятель Турар Рыскулов (1894—1938), который являлся сторонником джадидизма и был участником восстания 1916 г., еще в 1926 г. писал: «Являясь по существу своему выразительницей нарождающейся торговой буржуазии оседлого населения, национально-прогрессивная джадидская интеллигенция, по понятным причинам, не приняла участия в восстании народных масс и даже не пошла навстречу облегчения участи повстанцев

(за исключением единичных случаев, когда отдельные ее представители выступали в качестве защитников при судебных разбирательствах). Относившаяся вначале безразлично к восстанию масс джадидская интеллигенция в своей причастной к администрации части становится открыто на сторону русской буржуазно-демократической общественности. Отдельные ее представители участвуют в разных манифестациях при встречах, например, Куропаткина и других карателей восстания. Это «патриотическое» чувство у отдельных представителей указанной интеллигенции выливается в решение ехать самим во главе рабочих на фронт» [Рыскулов, 1926, 121].

Таджикский историк Камол Абдуллаев считает, что «джадиды и их сторонники, которые были посредниками между русской властью и народом, потеряли свой авторитет, из-за того что осудили восставших и даже прославляли русского императора, как это делали лидер джадидов Махмудходжа Бехбуди, поэт и драматург Хамза Хакимзаде Ниязи. Восстание 1916 г. обнажило главную слабость джадидизма — его чрезмерное увлечение проектом «модернизация» и бездумное игнорирование собственного социального опыта. К сожалению, джадиды не были поняты и приняты массами. В их глазах они выглядели «неверными», союзниками русских колонизаторов. Будучи преимущественно тюрко-таджикскими горожанами, они не имели никакого влияния среди кочевников, составивших ядро восстания» [Абдуллаев, 2016].

Иного взгляда придерживается известный узбекский ученый Наим Каримов. Он пишет, что «митинги и демонстрации в связи с восстанием 1916 г. придали джадидизму невиданный доселе динамизм. Именно в это время джадиды в полном смысле слова стали выразителями интересов угнетенного народа» [Каримов, 2010].

Факт, что джадиды не были вовлечены в восстание, не удивителен. Они не имели никакого присутствия в сельских районах, уже не говоря о кочевой территории, где восстание было самым сильным. Что является удивительным, так это энтузиазм джадидов к отправке рабочих на тыловые работы и их тревога по поводу восстания. Безусловно, на джадидов оказали сильное влияние многослойные процессы начала XX века в колониальных условиях Туркестанской действительности. На наш взгляд, джадиды были далеки от того, чтобы возглавлять, организовывать или поддерживать народные восстания, которые вспыхивали в Центральной Азии, но они хорошо осознавали побудительные мотивы событий, происходящих в регионе.

Таким образом, туркестанские джадиды в непростых условиях военного времени целенаправленно стремились вывести движение сопротивления на иной, более отвечающий национальным интересам и современным историческим реалиям, уровень. Деятельность джадидов в период восстания 1916 г. страдала определенной противоречивостью. Она, прежде всего, выражалась в их отношении к восстанию. Отдельные джадиды выступили с осуждением восстания, другие занимали выжидательную позицию, а отдельная часть джадидов вели агитацию за отправку рабочих на тыловые работы. Джадиды посредством деятельности «туземных комитетов по набору рабочих» в меру своих сил и возможностей делали все, чтобы облегчить участь тыловых рабочих, устранить произвол и бесчинства властей по отношению к ним.

Литература:

1. *Абдуллаев К.* К 100-летию Восстания 1916 года: Заметки историка. 2016. <<http://www.fergana-news.com/articles/8964>>
2. *Вахабов М. Г.* О социальной природе среднеазиатского джадидизма и его эволюции в период великой октябрьской революции // История СССР. — 1963. — № 2. — С. 35—56.
3. Завки. Сборник избранных стихов. — Ташкент, 1957. — 124 с.
4. *Иброхимов М., Олими А.* Лошмон (В тылу). — Намангон, 1916. — 16 с.
5. *Каримов Н.* Возникновение джадидизма, как первоосновы национальной идеи народов Центр Азии. 2010. <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1285057980>>
6. *Кастельская З. Д.* Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. — М., 1972. — 148 с.
7. *Котюкова Т.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. — 2011. — № 8. — С. 98—126.
8. *Махмудхужа (Бехбуди).* Ионат керак (Нужна помощь) // Ойина. — 1914. — № 44. — С. 1042—1044.
9. *Раджабов З.* Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. — Сталинабад, 1957. — 460 с.
10. *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии: сб. ст. — М., 1926. — С. 46—122.
11. Туркестанские ведомости. — 1916. — № 212. — 30 сент.
12. Туркистон вилоятининг газетаси (Туркестанская туземная газета). — 1916. — № 51. — 24 сент.
13. *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962. — 428 с.
14. *Убайдулло (Ходжаев).* Ватан мухофазаси (Защита родины) // Садои Туркистон. — 1914. — 2 сент.
15. *Хамза Хаким-заде Ниязи.* Сочинения. Т. I. — Ташкент, 1960. — 188 с.
16. Центральная Азия в составе Российской империи. — М., 2008. — 464 с.

ЧАСТЬ 2.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ ПО ВОССТАНИЮ 1916 ГОДА

АЛЕКСАНДР ПЫЛЁВ

к. и. н., доцент,
ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет»,
Пятигорск, Россия.
E-mail: pylev_1080@mail.ru

Тема среднеазиатского восстания и национальных движений тюркских народов в «Воспоминаниях Зеки Велиди Тогана»

Такие масштабные события, как Среднеазиатское восстание 1916 г., важны не только сами по себе, но и с точки зрения их резонанса в общественно-политической борьбе, развернувшейся в дальнейшем. События, связанные с восстанием 1916 г., не могли не получить отклика в регионе позднее. Они становятся символом, руководством к действию для активных политических сил и лидеров. Как именно и в каком отношении события восстания 1916 г. послужили для них «руководством» к дальнейшим действиям, на наш взгляд, еще предстоит понять. В силу остроты и идеологизированности данной темы этот вопрос пока не получал должного, научно-объективного освещения и изучения в прежние годы. Открывшиеся в последние годы новые группы документов, в том числе архивных, требуют беспристрастного взвешенного научного подхода. Это, пожалуй, именно тот случай, когда необходимо принять как руководство к действию призыв, прозвучавший для нас еще в конце XIX века из уст великого среднеазиатского философа и просветителя Ахмада Дониша — призыв «увидеть и понять истину объективно».

Пожалуй, следовать подобному призыву нам необходимо при изучении роли такой личности в истории политической борьбы начала XX в. в среднеазиатском регионе, какой был Зеки Валиди Тоган (1890—1970). А. З. Валидову, оказавшемуся в эмиграции, и получившему в июне 1925 г., вместе с должностью сотрудника Комитета по делам сочинений и переводов при Министерстве просвещения Турции, гражданство Турецкой Республики, была присвоена фамилия Тоган, предположительно, по имени одного из его предков, Иштугана.

Нашей целью было проследить идейную взаимосвязь между событиями, связанными с восстанием 1916 г. и политической деятельностью востоковеда З. В. Тогана. История национальной борьбы тюркских народов занимала одно из основных мест в научных поисках З. В. Тогана, оказав влияние и на становление его как политика. События 1916 г. в Средней Азии находят заметный отклик в одной из основных его работ, известной научному миру как «Воспоминания». Напомним, что неоднократно публиковавшиеся на турецком языке и впервые, в 1994 г. изданные на русском языке «Воспоминания» З. В. Тогана больше посвящены событиям 1917—1922 гг. в России и Средней Азии, участию автора в революции и Гражданской войне в бывшей Российской империи, а также его подпольной политической работе в Туркестане, среди повстанцев, которые в документах и литературе назывались басмачами, в начале 20-х годов. Однако роль Туркестана и происходивших там событий до 1917 в становлении Валидова как политика представлена там достаточно отчетливо. Первый вариант книги был

подготовлен, по словам З. В. Тогана, в эмиграции, еще в 1924 г., однако «из-за ряда обстоятельств он не был опубликован». Впервые опубликовать эти воспоминания З. В. Тогану удалось только в 1929 г. Книга вышла из печати в Каире, на турецком языке, позднее переиздавалась в конце 60-х гг. На русском языке «Воспоминания» удастаивались публикации несколько раз, уже в 90-е гг. XX столетия. Ахмет Заки Валидов, родившийся 10 декабря 1890 г. на Южном Урале, в башкирском селении (ауле) Кузян уезда Стерлитамак Уфимской губернии, стал проявлять интерес к истории народов России и тюрок в самые ранние годы своей жизни. Ахмет Заки Валиди (отца звали Ахмет-шах) рос в семье учителей.

С началом преподавательской деятельности Ахмет Заки начинает активно писать, как статьи научно-публицистического характера, так и научные труды. Валидова изначально привлекает тематика тюркской истории, которую он намеревался изучить, «начиная от дня сегодняшнего до глубины веков». В возрасте 21 года он публикует первый том труда под названием «История тюрок и татар».

Труд не мог не привлечь внимания и представителей политического движения, в том числе национального и революционного. Следует подчеркнуть, что пребывание в Казани, где Валидов сначала проходил обучение, а затем преподавал в медресе Касымия, сыграло несомненную роль в становлении его и как ученого-востоковеда, и как политика, причем «с заделом» не только на Башкирию, но и Туркестан. Он встречается с татарскими писателями и публицистами, и, кроме того, с выходцами из Туркестана, приехавшими в Казань для учебы в университете. В «воспоминаниях» Валидов упоминает о знакомстве с «киргизским студентом Сарыкулаковым», занимавшимся изучением различных записей эпоса «Манас». Оказалось, что Сарыкулаков был уже знаком с работой Валидова по тюркской истории. А сам Валидов назвал «Манас» эпосом, отражающим историю и вообще жизнь киргизского народа, «на уровне легенд Древней Греции» [Тоган, 1997, 94].

Вслед за «Историей тюрок и татар» Валидов издает и другие работы. Из более чем 20 научных трудов, изданных начинающим ученым за 1911—1914 гг., тюркам и Туркестану посвящено, по меньшей мере, десять. Последовавшая в 1913 г. рекомендация профессора Н. Ф. Катанова совершить научную экспедицию именно в Туркестан (Фергану), с целью изучения письменных памятников и сбора рукописей, «ценных для ориенталистики», окончательно подтолкнули его к тюркологии, связанной с Туркестаном. А это, как отмечает сам Валидов, заставило его «стать политиком» [Тоган, 1997, 85]. Успешные итоги экспедиции укрепили Валидова в необходимости связать судьбу с Туркестаном.

В ходе этих двух экспедиций в Туркестан Валидов установил, как отмечал он сам, контакты, «значимые для его политической карьеры» [Тоган, 1997, 92]. Это были не только официальные лица (как генерал-губернатор русского Туркестана и куш-беги, или премьер-министр Бухары), но и представители интеллигенции, находившиеся тогда в оппозиции к царской администрации и местным властям, а позже, в эпоху «советизации края», ставшие известными в крае политическими деятелями. Среди них — Назир Тюрякулов, Мустафа Чокаев (тогда студент юридического факультета Петербургского университета), Убайдулла Ходжа (Убайдулла Ходжаев (1886—1942), адвокат в Ташкенте, представитель туркестанского джадидизма, издавал газету «Садо-и Туркестан». — *примеч. авт.*), Ибрагим Джанузакоев и др. С ними всеми велись, как вспоминал Валидов, бесе-

ды на политические темы, как по проблемам общемировой политики, так и по проблемам Туркестана. Приближалась Первая мировая война и всех интересовал вопрос, какую сторону поддержит в ней Турция. Сам Валидов писал, что он, подобно младобухарцам, с которыми ему довелось встречаться, и вообще, «как и все», желал, чтобы Турция поддержала в войне Германию. Видимо, желание «поражения своему правительству» было распространенным явлением в среде, оппозиционной режиму и царской бюрократии, и в самой России, и на национальных окраинах. Сказывалась, в данной связи, и напряженная обстановка в самом Туркестане, хотя до Туркестанского восстания 1916 г. оставалось еще два года.

Валидов пишет, что его контакты с «местными интеллигентами» Ферганы «привлекли внимание властей». В Скобелеве, в доме губернатора провинции Фергана, где он останавливался во время поездки, ему был «учинен дружеский допрос по поводу политических разговоров» [Тоган, 1997, 106]. А исследователь А. Г. Салихов отмечает, что деятельность Ахмет Заки Валидова в Средней Азии привлекла внимание Охранного отделения. Среди сохранившихся в ЦГА Узбекистана документов, узбекским исследователем Р. Н. Шигабдиновым обнаружен запрос Канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства от 2 июня 1914 г. (т. е. еще до второй поездки Валидова в Туркестан), относительно деятельности Валидова в Средней Азии. На запрос о том, не встречается ли со стороны Охранного Отделения «препятствий Валидову к посещению Средней Азии», ответ был получен отрицательный, благодаря чему, вероятно, и стала возможной вторая поездка начинающего ученого в Туркестан [Салихов, 2001, 111].

Как представляется, в тот момент для царской охраны большее беспокойство могли вызывать контакты Валидова с представителями местной социал-демократии, имевшими связь с социал-демократами из столицы и Центральной России, нежели с «местными оппозиционерами» из числа джадидов и младобухарцев, чье влияние тогда было ограничено. А для Валидова, выходца из башкирской глубинки, социальные составляющие в его политическом мировоззрении были не менее важны, чем национальные. Что до контактов Ахмет Заки с представителями социал-демократии на местах, то таковые у него также были, как он сам свидетельствует в «Воспоминаниях». В этой связи, главным на тот момент было знакомство Валидова с тогдашним вице-губернатором Ферганской области В. П. Наливкиным (В. П. Наливкин (1852—1918), знаток жизни, быта, истории, культуры и языков народов Туркестана, автор научного труда и ценного источника по истории народов Туркестана эпохи нового времени, «Краткая история Кокандского ханства» (изданного в 1886 г.). — *примеч. авт.*).

Выходец из простых солдат, Наливкин, отмечает Валидов, не просто сочувствовал социал-демократическому движению, но даже был депутатом от этой партии в Государственной Думе. Был Наливкин не чужд и идей национально-освободительного движения; во время встречи с Валидовым в 1913 г. они обсуждали вопрос о создании мусульманских общественных организаций. Вопрос о мусульманских организациях Валидов обсуждал и с местным социалистом-революционером Вадимом Чайкиным. Они договорились о выпуске на двух языках (русском и тюрки) газеты «Туркестанский голос». Идеологическое направление газеты определялось тематикой юридического неравенства русского и местного населения, «проживавшего на территории от Сибирской железной дороги до границ Ирана и Афганистана» [Тоган, 1997, 106]. Из этого видно, что

вопросы национального равенства и равенства в правах между местным населением и переселенцами уже тогда стояли остро. Они также входят в комплекс причин, которые приведут через два года после описываемых событий к Среднеазиатскому восстанию 1916 г. Газета начинает выходить в Андижане и Ташкенте (главными редакторами были Чайкин и уже упомянутый адвокат Убайдулла Ходжаев). Сам Валидов публиковал статьи в газете под псевдонимами. Валидов упоминает и о библиотеке «Гайрат», которую создавал он с местными единомышленниками. Ею цели были «не только национальными, но и политическими» [Тоган, 1997, 106].

Для нас важно, что увиденное Валидовым в Туркестане определило еще одно направление в его изысканиях по истории тюркских народов. Таковым стала тематика «восстаний» тюрок, оказавшихся в составе Российской империи. Валидов пишет, что при подготовке 2-го тома «Истории тюрок» (2-й том «Истории тюрок» до революции 1917 г. не был опубликован. — *примеч. авт.*), он занялся материалами по истории восстаний тюркских народов (особенно ногайцев и башкир) против власти России, изучал «применяемые русскими экономические и юридические меры давления» [Тоган, 1997, 103]. Это направление одобрил авторитетный востоковед В. В. Бартольд и посоветовал Валидову, прибывшему осенью 1914 г. в столицу России, для отчета о результатах его экспедиций, выступить на данную тему в «Радловском кружке» (Подразумевается «частный» кружок востоковедов, собиравшийся в Петербурге-Петрограде на квартире выдающегося тюрколога, лингвиста, этнографа В. В. Радлова (1837—1918), возглавлявшего Азиатский музей и Музей антропологии и этнографии. — *примеч. авт.*). Очевидно, петербургские востоковеды, мыслящие более демократично и широко, чем это допускали идеологические рамки официальной истории Российской империи, одобрили план Валидова и оказали поддержку в подборе новых материалов.

События 1915—1916 гг., развернувшиеся накануне Среднеазиатского восстания, дали Валидову шанс участия в политической жизни, если не как представителя Туркестана, то хотя бы как представителя мусульман Уфимской губернии. Уже шла Первая мировая война. Кроме того, измененный закон о выборах позволил создать представительство в Государственной Думе от мусульманских районов Империи, хотя Туркестан был изначально такого права лишен. Уфимская губерния право на представительство получила. Валидов благодаря авторитету среди местной интеллигенции, как ученых, так и общественных деятелей, и как знаток местных мусульманских проблем, выбирается в состав мусульманской фракции Государственной Думы IV созыва (1912—1917 гг.). И с этого момента «Валидов окунается в бурную политическую деятельность» [Юлдашбаев, 2015, 9], которая продлится, в пределах России и Туркестана до 1923 г., а в эмиграции — и позднее. Валидов направляется в Петроград как представитель Уфимской губернии, но он начинает свою деятельность в высшем законодательном органе страны с твердым убеждением, что национальные проблемы и национальная борьба башкир имеют тесную связь с происходящим во всем Туркестанском крае. Работая в Думе, он постоянно общается не только с представителями татар, башкир, мусульман Крыма и Северного Кавказа, но и с выходцами из Средней Азии. В частности, Валидов начинает работать вместе с Мустафой Чокаевым, выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Чокаев фактически представлял в Думе мусульман Туркестана. Занимаясь

подготовкой текстов выступлений и заявлений, Валидов общается и с депутатом Государственной Думы социалистом-революционером А. Ф. Керенским, который, хотя и не был туркестанцем, но вырос в Ташкенте, где его отец занимался инспекцией просвещения.

Именно этот период в политической биографии Валидова совпал с началом Среднеазиатского восстания 1916 г. Здесь следует подчеркнуть, что к тому моменту Валидов уже стал непосредственным участником национально-освободительного движения в России. А Среднеазиатское восстание 1916 г., вызванное целым пластом причин разного плана, несомненно, можно признать частью истории национально-освободительного движения на территории Российской империи, поскольку разворачивалось оно на национальных окраинах и явилось реакцией на действия не только властей Туркестанского края, но и колониальной политики правящего режима России в целом. Отголоски происходившего летом-осенью 1916 г. в Туркестанском крае, несомненно, доходили до Петрограда, и не только в виде официальных сводок и сообщений аппарата Туркестанского генерал-губернаторства. Оно бурно обсуждалось всеми теми общественными деятелями, в среде которых вращался Валидов. Непосредственным поводом к осмнению стало распоряжение царского правительства от 25 июня 1916 г. (официально называвшееся Высочайшим Повелением) о мобилизации коренного мужского населения областей, которые принято было неформально именовать национальными окраинами России, возраста от 19 до 43 лет, «для устройства оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии».

Мобилизации подлежало население не только Туркестанского края и Восточной Сибири, но и Поволжья. Восстание началось с выступлений и протестов населения в Ферганской области, затем перешло и на Семиреченскую область; протесты, сопровождаемые фактами межнациональной розни, приобрели столь большую силу, что во всех областях Туркестана с 21 июля было введено военное положение. Широкий резонанс в столице и центре России события в Туркестане вызвали, несомненно, и благодаря официальной пропаганде, призывавшей искать в них «происки» иностранных держав-противников России в годы Первой мировой войны. На самом деле, роль в организации и снабжении повстанцев оружием с территории соседнего Китая (в частности, г. Кульджа), в том числе и с участием немецкой разведки, беглых немецких и австрийских военнопленных, провокационные действия турецких войск, находившихся вблизи границ российского Туркестана, в частности, в Персии, подтверждаются архивными документами [АВПРИ, д. 247, 28, 29; РГВИА, д. 2419, 179; Ганин, 2016]. Документально подтверждается и связь повстанцев с тайными обществами и экстремистскими организациями, действовавшими в соседнем Восточном Туркестане, на территории Китая, государства, подобно России, с также весьма сложным положением в «национальных окраинах». Однако Валидов, принимавший в том же 1916 г., вместе с М. Чокаевым, участие в инспекционных поездках на фронт и прифронтовую полосу и изучавший положение туркестанских «фронтовых рабочих», несомненно, узнал и другую правду о природе восстания. Правда заключалась в том, что тяготы мобилизации, осуществлявшейся на основании упомянутого «Повеления» от 25 июня 1916 г., легли тяжким бременем на коренное население, на долю которого и так выпало много испытаний в связи с колониальной и переселенческой политикой царской администрации. Могли поведать прифронтовые рабочие

и о бесправии местного населения (главным образом, киргизов) в вопросах владения и пользования землей, о его зависимости не только от местной родовой знати, но и от крупных хозяйств переселенцев. Из-за этих обстоятельств обстановка в крае стала напряженной еще до начала волнений в 1916 г. в Фергане и Семиречье. Видимо, не случайно начальник Штаба войск Туркестанского военного округа уже в начале июля 1916 г. рекомендовал «избежать осложнений в Средней Азии», которые, по его мнению, могло вызвать «привлечение сравнительно небольшого числа рабочих из местных туземцев» [АВПРИ, д. 185, л. 70].

Сейчас хорошо известно, что природа и характер восстания были гораздо сложнее и не позволяют характеризовать события 1916 г. в однозначных категориях, связывая их только с «происками» (пропагандой) «врагов Российской империи», или, напротив, только с «восстанием угнетенных» (представителей коренного населения) против «власти угнетателей» (переселенцев, представленных исключительно русским либо украинским населением). О неоднозначном характере восстания 1916 г. Валидову также было известно, о чем он косвенно свидетельствовал позднее в «Воспоминаниях». Так, вспоминая о последующих встречах с А. Ф. Керенским, уже намного позднее, в эмиграции, Валидов говорит, что, хотя последний «в старости стал чересчур большим русским патриотом и слышать не хотел слов о независимости», их обоих «примирили воспоминания» и о демократической России в 1917 г., и об атмосфере в Государственной Думе в 1916 г. [Тоган, 1997, 110]. Следовательно, мнение обоих, идейно примыкавших к лагерю социалистов-революционеров, но никак не консерваторов или националистов, относительно природы восстания, вызванного не только межэтническими, но и социальными противоречиями в крае, было относительно схожим. Можно также подчеркнуть, что Валидов, будучи не только политиком, но и ученым, не мог не видеть две стороны событий, не мог смотреть на это ни с узконациональных, ни сугубо националистических позиций.

На территории самого Туркестана Валидову пришлось стать участником политической борьбы позднее, уже после событий 1917 г., когда ему и его единомышленникам не удастся реализовать идеи национальной автономии в Башкирии. Средняя Азия с ширившимся в ней движением против Советов становится для него своего рода новой площадкой для реализации идей «классового и национального освобождения» тюркских народов, которые всегда занимали место в как научном творчестве Тогана, так и его политической деятельности. В свою очередь, и идеи Тогана и его единомышленников, и апелляция к нереализованным лозунгам восстания 1916 г. составили политический и идеологический базис разворачивающегося в Средней Азии протестного движения, которое получило в литературе наименование басмачество, но на самом деле представляло собой переплетение самых разных факторов, традиционно игравших роль в политической жизни региона.

Валидов старался склонить на свою сторону и прибывшего в 1921 г. в Туркестан бывшего военного министра Османской империи Исмаила Энвер-пашу, у которого, однако, были свои планы и видение перспектив басмаческого движения. Валидов выступал против стремления Энвер-паши стать единоличным военным лидером среднеазиатских басмачей (возможно, опасаясь его как политического конкурента), но, в то же время отдавал ему должное как «великому историческому деятелю», зятю султана Османской империи, поэтому имевшему определенный

авторитет среди среднеазиатских мусульман-суннитов (Военный министр Османской империи и начальник Генерального штаба, Исмаил Энвер-паша (1880—1922) был женат на Эмине Неджие Султан, дочери принца (шехзаде) Селима Сулеймана и племяннице султана Мехмеда V (1909—1918). — *примеч. авт.*).

В свою очередь, А. З. Валидов, повествуя в «Воспоминаниях» о разногласиях с Энвер-пашой, снова возвращается к теме восстания 1916 г. Он, в частности, вспоминает, как возражал прибывшему в Туркестан вместе с Энвер-пашой другому офицеру османской армии, Хаджи Сами-бею, утверждавшему, что в момент восстания 1916 г. последний, оказавшись в Семиречье, якобы только благодаря своей «пропаганде», поднял на восстание «всю Киргизию». Хаджи Сами в 1916 г. на самом деле находился в Туркестане; однако Валидов возражал ему, утверждая, что «Семиреченское восстание» было не «результатом пропаганды», а «вызвано недовольством народа указом царя от 25 июня 1916 г., когда все население привлекалось на военно-полевые работы» [Тоган, 1998, 74]. Отметим, что Валидов связывает восстание 1916 г с «недовольством народа» вообще, без указания на какую-то конкретную этническую группу. В свою очередь, народное недовольство он увязывает с царским указом, но не с господством одной нации над другой (в данном случае, господством русских над туркестанцами). Эти слова Валидова еще раз указывают на то, что о природе и движущих силах восстания ему, находившемуся в момент восстания далеко от места событий, было известно не меньше, чем окружавшим Энвера турецким офицерам, пускай даже действительно, в отличие от Валидова, находившимся в 1916 г непосредственно в Туркестане. Валидов, намекая на имевшиеся в словах Хаджи Сами «преувеличения» относительно роли последнего в восстании, утверждает, что пытался предостеречь Энвер-пашу от «ложных шагов» в Туркестане. Возможно, в дискуссиях с Энвер-пашой он пытается донести до последнего свои представления о будущем Туркестана как государства-федерации, прежде всего, тюркских народов, но кроме того, с равными правами и для всех других наций и социальных групп. И неслучайно Валидов в этой связи апеллирует именно к историческому опыту восстания 1916 г., как опыту протестного выступления, в равной степени социального и национального.

Рассмотренный нами сюжет позволяет сформулировать следующие выводы:

- (1) Исторический опыт борьбы тюрков Туркестана за независимость оказывал заметное влияние как на политическое, так и чисто научное содержание деятельности Зеки Валиди как востоковеда. Его первый научный труд, изданный в 1912 г., получил в авторской редакции название «История тюрков Туркестана»;
- (2) Когда развернулись основные события, связанные с восстанием 1916 г., А. З. Валидов находился далеко от места событий: накануне начала восстания, в конце 1915 г., он приехал в Петроград для участия в работе мусульманской фракции Государственной Думы. Но, ведя работу в Думе, он принимает участие в той политической борьбе, где немало места занимали национальные движения народностей, входящих в состав России. Исходя из этого, можно утверждать, что восстание 1916 г. в Средней Азии и политическая борьба, которую Валидов ведет в Петрограде, имели широкую идейную взаимосвязь;

- (3) Тема Среднеазиатского восстания 1916 г. заметно присутствует в известных современному научному миру «Воспоминаниях» З. В. Тогана (где название этих событий нередко проходят как «Семиреченское восстание»). Тема восстания присутствует в той части «Воспоминаний», где автор рассказывает о своем отношении к событиям 1916 г., а также об участии в борьбе, развернувшейся в Туркестане позднее, с началом советизации среднеазиатского региона и усилением в нем антисоветских выступлений коренных народов, получивших общее название «басмачество»;
- (4) А. З. Валидов не являлся прямым участником, но был современником событий 1916 г. и общался с непосредственными их участниками, на что он указывает в «Воспоминаниях». А то, что было известно о восстании Валидову, как-то, широкий надклассовый, но в то же время наднациональный характер восстания, отсутствие в нем черт, которые стремилась приписать ему колониальная администрация края (сводившая их к «националистическому бунту» на «религиозной почве»), довольно органично вписывались в его представления, как историка-исследователя, о традиции борьбы за «исконно тюркскую государственность». В этих традициях, по его мнению, религия также не играла ведущей роли, как и не было господства какой-то одной этнической группы или племени над другой;
- (5) Допустимо говорить о весьма заметной духовной и политической взаимосвязи событий 1916 г. в Средней Азии и общественно-политической борьбы тюрков России и Туркестана, в которой принимал участие и сам З. В. Тоган. Изучение истории политической борьбы народов Центральной Азии, чему, несомненно, способствует осмысление научного наследия Зеки Валиди Тогана, должно помочь и в понимании особенностей нынешней политической эволюции среднеазиатского региона.

Литература:

1. Бурмистрова Т. Ю. Ахмет Заки Валиди Тоган: жизнь и творчество. — М., 1996. — 31 с.
2. Валидов А. З., Чокаев М. Из истории российской эмиграции 1924—1932 гг. / Письма А. З. Валидова и М. Чокаева. (письма А. З. Валидова и М. Чокаева польским разведчикам и дипломатам). — М., 1999. — 128 с.
3. Валиди Тоган А. З., Инан А., Таган Г. Служение: сб. труд. башкирских ученых-эмигрантов — лидеров национально-освободительного движения 1917—1920 годов / Сост. и пер. А. М. Юлдашбаев. — Уфа, 2007. — 208 с.
4. Ганин А. В. События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов / Предисловие. 2016. <<http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie>>
5. Салихов А. Г. Научная деятельность А. Валидова в России. — Уфа, 2001. — 164 с.
6. Тоган З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру. — Москва, 1997. — 649 с.
7. Тоган З. В. Воспоминания: Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Кн.2. — Уфа, 1998. — 367 с.
8. Тоган, Ахмет Заки Валиди. Не считите за пророчество... (Письма, обращения, выступления). — Уфа, 1998. — 191 с.
9. Юлдашбаев А. М. Заки Валиди Тоган: ученый, политик, личность. — Уфа, 2015. — 96 с.

На иностранном языке:

10. Kocaoğlu Timur. Türkistanlı Göçmenlerin Siyasi Faaliyetleri Tarihine Bir Bakış // Dr. Baymirza Hayit Aramagani. Hazırlayanlar: Rasim Eksi, Erol Cihangir. — İstanbul, 1999. — pp. 159—182.

Архивные материалы:

11. АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 247.
12. АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 185.
13. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. 1.
14. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639.
15. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2071.
16. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2419.

ТАТЬЯНА КОТЮКОВА

к. и. н., доцент, с. н. с.,

Институт всеобщей истории, Российская академия наук,

Центр исламоведения Фонда Марджани,

Москва, Россия.

E-mail: kotyukovat@mail.ru

Восстание 1916 г. как общая трагедия

Пять лет назад мной была написана статья «Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность?» для журнала «Обозреватель-Observer» [Котюкова, 2011, 98—126.]. И тогда, и сегодня я не смогла дать однозначного ответа на вопросы, вынесенные мной в заглавие работы. Изменились ли мои взгляды и оценки? Думаю, нет. Появились ли новые источники? Да. Но они лишь уточнили детали и нюансы, расширив мое представление о событиях столетней давности, не изменив моих оценок принципиально, а только добавив новых вопросов к списку уже имевшихся.

Вот только некоторые. Почему Высочайшее повеление 25 июня 1916 г. было так плохо проработано с юридической и политической точки зрения, почему его попытались привести в исполнение в Туркестане столь быстро, особенно учитывая то обстоятельство, что в крае на тот момент не было постоянного генерал-губернатора? Почему вообще не учли позицию краевой администрации относительно любых форм призыва? Почему эта самая краевая администрация оказалась настолько беспомощной в случившихся трагических обстоятельства? Почему депутаты Государственной думы не предприняли никаких действенных мер сразу после принятия незаконного, на их взгляд, Высочайшего повеления? Почему на двух закрытых заседаниях Государственной Думы 13 и 15 декабря 1916 г., посвященным событиям в Туркестане молчал побывавший в крае председатель мусульманской фракции Думы К. Б. Тевкелев? Почему ездивший для разбирательств на Кавказ депутат М. Ю. Джафаров практически ничего не рассказал о ситуации в своем избирательном округе, посвятив все отведенное ему для выступления время Туркестану? Где документы собранные комиссией Керенского-Тевкелева в Туркестане? Каково точное количество жертв восстания без различия национальностей и т. д. Ответов или нет совсем или они не очень обоснованы с научной точки зрения, а, значит, широкий простор для спекуляций и инсинуаций имеется в наличии.

В очередной раз, предпринимая попытку ответить на вопрос: «Что такое восстание 1916 г.?», (сильно упрощая) останавливаюсь на трех вариантах: «ошибка власти» (обусловленная имперской природой отношения к окраинам), «историческая закономерность» (следствие имперской природы отношения к окраинам) и отправная точка для формирования «национальной идеи» или «идеи национальной независимости» у каждого из народов Туркестана (при том, что сами восставшие конкретных идей не сформулировали). И здесь начинается самое сложное: что же выбрать в качестве первостепенного?

Возможно, кто-то отдаст предпочтение «формированию национальной идеи» и «исторической закономерности», но найдутся коллеги, которые присоединятся к нам и выберут «ошибку власти» и «историческую закономерность», а кто-то даст свой, не похожий на первые два, ответ. Но есть то, что неизбежно должно объединить все позиции: восстание 1916 г. это не просто одна из самых печальных страниц в истории народов Центральной Азии и России, а трагедия всех (в равной степени) жителей региона, без различия национальностей и вероисповедания.

Но даже право на «трагедию» некоторые пытаются узурпировать. Так в публикации «Игра с историей (о 1916 г.) Кубан Мамбеталиев не находит в событиях 1916 г. «почвы» для общей трагедии. «Возникает вопрос, — пишет Мамбеталиев, — «где общая трагедия», если узбеки, туркмены, казахи, таджики не уничтожались в таком тотальном порядке, как северные кыргызы» [Мамбеталиев, 2016].

Обратим внимание, в перечень народов, с которыми не может быть «общей трагедии», с циничным обоснованием «как недостаточно пострадавшие», вообще не попали русские и украинские крестьяне переселенцы Семиречья. Что это? Незнание? Забывчивость?

На наш взгляд, следует очень четко разделять, не делимые, как к глубокому сожалению показывает практика вещи: историческое, сугубо научное изучение восстания и его политические интерпретации и осмысление, часто сопровождающиеся спекуляциями на чувствах простых людей их исторической памяти. Смешение публицистики и научного анализа, и особенно ярко это демонстрирует интернет-пространство, не приближает нас ни на шаг к постижению истины, а только разжигает страсти и увеличивает градус кипения взаимных претензий, «исторических обид» и порождаемой этим, зачастую, неприязни.

В такой ситуации историческая наука выступает не фундаментом, а инструментом для создания образа врага, частью информационной пропагандистской войны. Не установление Истины, а жажда Сатисфакции, становится двигателем подобного рода технологических приемов.

И это очень удручает. Поскольку мешает нормальной и регулярной (а не только предъюбилейной) работе историков всех стран, на чьей территории происходили эти трагические и кровавые, в равной степени для всех народов, события. Поскольку, если бы нам, историкам, не приходилось бы так часто оглядываться на веяния политической конъюнктуры, мы без сомнения смогли бы к столетию восстания подготовить серьезный совместный труд и «расширить горизонты» научного знания, обогатив его новыми, сугубо научными, подходами.

Поэтому невозможно не признать, что при всех проблемах и несовершенствах Советская историческая наука была, ориентирована на поиск и доказательство фактов, свидетельствовавших о вековых корнях приязненных или просто неконфликтных отношений между народами СССР [Дегоев, 2010, 29].

Сегодня ситуация на постсоветском пространстве выглядит с точностью наоборот — все силы брошены на поиски «врагов» и «виноватых», забывая о том, что изучение любого события унесшего тысячи человеческих жизней, требует взвешенности и корректности в оценках, а не конструирования столетия спустя новых исторических мифов. Риторика, используемая участниками такой дискуссии,

зачастую не имеет ничего общего с академическим дискурсом. А ведь от историков общество ждет ответа на главный вопрос: что нужно сделать для того, чтобы трагедия, подобная трагедии 1916 г., не повторилась в будущем.

Позиция исследователя при освещении любого исторического события должна, как нам представляется, выглядеть следующим образом: учитывать все документы и говорить обо всем. Не согласен — аргументированно опровергай, спорь, а закрывать глаза на очевидные факты недопустимо.

Но нам все время мешают, навязывая нам маршрут исследования, проходящий сугубо в политизированной колее, подпитывая общественное мнение якобы только сейчас вскрытыми фактами и обстоятельствами. Пример. Выступление А. Ф. Керенского (и только его) в Государственной думе четвертого созыва в 13 и 15 декабря 1916 г. Средства массовой информации с подачи некоторых исследователей убеждают читателей, что позиция и оценки, озвученные Александром Федоровичем с трибуны Таврического дворца, это тайна за семью печатями, столь долго скрываемая от простых граждан и наконец ставшая достоянием широких масс (Ногойбаева, 2016).

И неискушенные читатели без сомнения верят в такое «научное открытие». А ведь стенограммы закрытых заседаний и 13 и 15 декабря 1916 г. были хорошо известны советским исследователям и в XX в. публиковались неоднократно [Божко, Галузо, 1932; Аманжолова, 1997, 4—22]. Их расшифровки хранятся в фондах как минимум двух крупнейших архивов Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) в Ташкенте и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве, с оригиналов которых и производились публикации. Более того, полный текст всего заседания 13 декабря 1916 г. (а не только текст выступления А. Ф. Керенского) впервые был опубликован еще в 1917 г. на страницах мусульманской бакинской газеты «Каспий» [Каспий, 1917, № 214—223].

Что это — незнание или сознательное конструирование и манипуляция общественным сознанием?

К теме восстания 1916 г. советские, современные центральноазиатские, российские и зарубежные историки неоднократно обращались и, несомненно, еще будут обращаться. В советской историографии к нему относились как ключевому событию предоктябрьского периода в истории Советских Республик Средней Азии и Казахстана. Преследуя вполне понятную идеологическую цель, восстание рассматривали как «борьбу трудящихся края с эксплуататорским царским колониальным режимом и местными феодалами», а, следовательно, как региональный пролог последовавшей революции.

Но можем ли мы взять на себя смелость и утверждать, что на современном отрезке истории исторические исследования полностью свободны от политического давления и новых идеологических установок, а восстание не выбрано отправной точкой для политической консолидации в борьбе за политические интересы определенных сил в постсоветских обществах Центральной Азии?

Постсоветские и постимперские комплексы и в России и в бывших Союзных Республиках очень выпукло проявили себя в научной дискуссии о восстании за последние несколько лет. Но продуктивен ли путь взаимных обвинений для установления исторической правды, к которой все призывают? И может ли эта правда быть линейной и одномерной? Или все сложнее?

После 1991 г. в государствах Центральной Азии тема восстания зазвучала с новой силой, чего нельзя сказать о российском историческом пространстве. Изучению истории Центральноазиатского региона, за последние десятилетия уделялось не так много внимания. Констатирую это с грустью и о причинах этого явления нужно рассуждать отдельно. Тем не менее, Федеральным архивным агентством Российской Федерации (Росархив) был создан специальный сайт «События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов», на котором размещены документы крупнейших Федеральных архивов (РГИА, РГВИА, ГА РФ) и архива МИД РФ (АВПРИ).

Серьезное изучение восстания 1916 г. невозможно начинать с 25 июня 1916 г. — даты подписания злосчастного Высочайшего повеления «О призыве на тыловые работы». Многие аспекты этого нелинейного события уходят своими корнями чуть ли не во вторую половину XIX столетия и заканчиваются в 1920-е гг. XX столетия. Но готово ли постсоветское историческое сообщество к таким комплексным исследованиям? Думаю, что пока нет.

Не смотря на все сложности, готова поделиться с коллегами некоторыми умозаключениями относительно событий 1916 г. в Туркестане, да и не только в нем. В разных районах Российской империи восстание 1916 г. имело свои особенности и специфику, наложившиеся на сложный комплекс местных проблем.

На сегодняшний день в научной литературе и публицистике, как российской, так и зарубежной, наблюдается достаточно разнообразная линейка названий (с акцентом на конкретном регионе), относящихся к событиям, поводом к которым послужило Высочайшее повеление 25 июня 1916 г.: «восстание 1916 г. в Семиречье», «Семиречинское восстание 1916 г.», «Туркестанское восстание 1916 г.», «Среднеазиатское восстание 1916 г.», «восстание 1916 г. в Казахстане», «Тургайское восстание 1916 г.» и т. д. Справедливости ради стоит отметить, что и до 1917 г. и в советский период к именованию восстания зачастую подходили с региональных или даже национальных позиций: «восстание сартов в Туркестане», «события в Семиречье», «восстание киргиз», «восстание туркмен в Закаспии» и т. д.

Понять современных коллег из Центральной Азии можно — они исследуют это событие через призму истории собственных государств, и для них такая «избирательность» вполне оправдана. Но российским исследователям, не теряя права вычленять частное из целого, необходимо сформулировать новый обобщающий термин в рамках Отечественной истории начала XX в., который бы корректно объединил в себе все территории, административные единицы и народы Российской империи, оказавшиеся вовлеченными в массовые или единичные протестные выступления в 1916 г.

Утвердившийся термин, доставшийся в наследство от советской историографии — «восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане» — отвечавший в XX в. идеологическим и политическим задачам единого государства и отражавший исключительно географию массового проявления недовольства, сегодня представляется нам не вполне уместным, в том числе с учетом изменений политической карты региона и образованием на постсоветском пространстве новых государств.

Воспринимать события лета-осени 1916 г. (а кое-где и начала 1917 г.), в Азиатских регионах Российской империи нужно как явление двух уровней:

первый — региональный (Семиречье, Закаспий, Тургайская область и т. д.), второй — общеимперский.

Не столь однозначна ситуация обстоит и с самим термином «восстание». В дореволюционных документах встречается широкий терминологический диапазон — «мятеж», «бунт», «события», «возмущения», «беспорядки» и практически единичные — «восстание». С приходом к власти Временного правительства, все чаще и чаще употребляется термин «восстание», который с установлением Советской власти утверждается окончательно и используется до настоящего времени как в российской, центральноазиатской, так и зарубежной историографии, в современной казахстанской историографии можно встретить и такой термин как «протестное движение» [Мажитов, 2006]. Если строго подходить к анализу вышеперечисленных терминов, все они имеют очевидную смысловую разницу, передающие в первую очередь внезапность и неорганизованность народного возмущения, а так же степень его массовости в разных регионах Туркестана. Однако мы не видим причин отказываться от устоявшегося обобщающего термина «восстание».

Подход к изучению событий 1916 г. как к единому (одному) восстанию не подтверждается историческими реалиями. Был действительно целый ряд протестных движений. Однако они не имели ни единого руководства, ни какой-либо координированности действий.

Кроме того внутри макрорегиона такого как Туркестан, был целый ряд микро-региональных восстаний, начавшихся и завершившихся в разное время, которые мы и сегодня, отдавая дань традиции, исключительно для удобства рассмотрели под общим названием — «восстание 1916 г. в Туркестане». Связи между антиправительственными выступлениями не было. Восставшие не просто не сумели, они и не помышляли в силу целого ряда обстоятельств (разговор о которых достоин отдельного исследования), выступать единым фронтом против царской власти, предъявляя ей общие требования.

Для начала дискуссии, мы готовы предложить термин «восстания 1916 г. в Азиатской России». Географически он будет включать в себя все регионы Российской империи, в которых были отмечены любые формы проявления общественного недовольства Указом 25 июня 1916 г.

Накануне восстания 1916 г. в Туркестане не было ни одной политической партии, созданной представителями коренного населения и отражавшей его интересы, а значит способной возглавить восстание. Например, «Таракки парвар» в различного рода официальных документах и донесениях ТРОО, называют то «группа», то «партия». В Степном крае казахская партия «Алаш», образованная из группы членов партии кадетов, организационно оформится только в июле 1917 г. на Первом Всеказахском съезде Оренбурге.

Восстания 1916 г. в Азиатской России — это крайняя форма проявления так называемого «мусульманского вопроса», являвшегося в позднеимперский период, составной частью государственной этно-конфессиональной политики. Этот вопрос, вернее его нерешенность, стал камнем преткновения для проведения модернизационной имперской политики в крае. Во многом, на наш взгляд потому, что в нем не нашлось места мусульманскому духовенству (термин условен, но он давно прижился в научном лексиконе), которое могло стать своеобразным связующим звеном между мусульманской уммой Туркестана и имперской властью.

Еще одна «точка опоры» которой у империи не было в Туркестане — элита, представлявшая местную родовую аристократию, потомков ханов и беков, которая так и не получила статуса в полной мере равного статусу русского дворянства. Поэтому центральная власть далеко не всегда могла использовать эту региональную элиту в качестве посредника, в общении с народом. Более того, власть, в первую очередь краевая, не доверяла ей и постоянно подозревала ее в «антиправительственных настроениях», вместо того, чтобы попытаться опереться на ее авторитет в среде коренного населения для налаживания конструктивного и продуктивного диалога с этим самым населением.

В начале XX в. имперская власть нередко пыталась найти ответы на вопросы нового времени, используя старые, как ей казалось, не раз проверенные, методы. Будучи «морально устаревшими», они все чаще давали сбой или работали не столь эффективно. «Универсального набора» управленческих и модернизационных приемов для всего пространства империи, как не старались, выработать не удалось. В арсенале имелся некий «базовый комплект» действий или бездействий, порождавший или усиливавший негативное отношение нерусских народов не только к русской власти (при этом представители этой власти могли быть любой национальности), но нередко и к русскому населению в целом.

Литература:

1. Котюкова Т. В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 8. — С. 98—126.
2. Мамбеталиев К. Игра с историей (о 1916 г.). 2016. <<http://respub.kg/2016/08/26/igra-s-istoriej-o-1916-gode>>
3. Дегоев В. В. О современных проблемах преподавания истории Северного Кавказа // Россия XXI в. — 2010. — № 2. — С. 29—36.
4. Суюнбаев М. «Доклад А. Ф. Керенского о событиях 1916 г. в Туркестане на закрытом заседании Государственной думы 13 декабря 1916 г. 2015. <http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7039>
5. Кененсариев Т. Опубликованный «доклад Керенского» не является оригиналом, и задача кыргызских историков найти его. 2015. <http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7046>
6. Ногойбаева Э. Доклад Керенского приоткрывает завесу над одним из самых трагических периодов истории колониальных народов Туркестана. 2015. <http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7044>
7. Божко Ф., Галузо П. Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Ташкент, 1932. — 175 с.
8. «Такое управление государством не допустимо». Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной думы. Декабрь 1916 г. (публикация Д. А. Аманжоловой) // Исторический архив. — 1997. — № 2. — С. 4—22.
9. Каспий. — 1917. — сентябрь-декабрь. — № 214—223.
10. События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов. 2016. <<http://semirechye.rusarchives.ru>>
11. Мажитов С. Протестное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: проблемы, теории и методологии изучения. 2006. <http://journals.manas.edu.kg/mjtc/oldarchives/2006/9_821-2104-1-PB.pdf>

ДЖАМИЛЯ МАДЖУН

к. и. н., с. н. с.,

Центр дунгановедения и китаистики, Национальная академия наук КР,

Бишкек, Кыргызстан.

E-mail: djamad1966@mail.ru

Борьба за опиум как одна из причин трагических событий в Семиречье в 1916 году

Внедрение культуры опиумного мака в Китае произошло после 1842 г., когда Ост-Индская кампания получила монопольное право на ввоз опия в Китай и производство его в Индостане. Только в один Китай англичане ввозили до 300 тыс. пудов опия, при этом мировое потребление опия составляло свыше 1 200 000 пудов в год [ФРРКНБ РК, инв. 172, л. 1—2].

Между Россией и Англией происходила негласная борьба за рынок сбыта опиума в приграничных районах Китая.

В соседних с Семиречьем областях Западного Китая воспрещалась выработка и ввоз опиума из внутренних районов Китая. Хотя спрос на опиум здесь был очень высок и установлены были неимоверно высокие цены, доходившие в среднем до 14 или даже 16 руб. за фунт, т. е. почти на 100% дороже, чем в других частях Китая. Это побуждало некоторую часть населения Семиреченской области, особенно, Пржевальского и Джаркентского уездов, взять на себя в высшей степени доходную роль поставщиков опиума для населения соседних областей Западного Китая [ЦГА РК, д. 37979, л. 44].

С конца 70-х гг. XIX в. на территории Семиреченской области близ Джаркента (Казахстан) посевы опиума начали производиться приходящими из Китая дунганами и таранчами (уйгуры). После переселения дунган на территорию Российской империи в 80-х г. XIX в. ими были предприняты первые опыты посева опия в районе сел. Токмак и Каракунуз Пишпекского уезда. Опиный мак стал одним из самых выгодных для производства культур, завезенных дунганами из Китая, который получил широкое распространение в трех уездах Семиречья: Джаркентском, Пишпекском и Пржевальском. Собранный опиум контрабандным путем провозился из Семиречья в районы Западного Китая, где запрещалось его производство и продажа. Это даже явилось причиной принятия специальной статьи № 15 Правил для сухопутной торговли, приложенных к Санкт-Петербургскому договору от 12 февраля 1881 г. Россия брала на себя обязательства не допускать ввоза опиума в Китай и не допускать посевов опиного мака в приграничной с Китаем полосе.

Но несмотря на запреты, дунгане и уйгуры мак сеяли, давая взятки местной администрации, которая закрывала глаза на это правонарушение. Строго говоря, закона, запрещающего посев и производство опиного мака на территории Семиреченской области, не было. Производство опия приносило такой колоссальный доход, что этим доходом кормились не только его производители и скупщики, но все уездное, и даже областное начальство.

Опиум, производившийся в Семиречье, успешно конкурировал на мировом рынке с индийским, иранским, турецким и афганским опиумом благодаря низкой себестоимости и высокому качеству продукта. Впервые государственная монополия на опий была объявлена в 1916 г., когда Верховный начальник санитарной части Туркестана официально разрешил добывать опий. Для переработки опиума в 1916 г. в Москве на средства казны был построен первый в России алкалоидный завод со специальным дорогостоящим оборудованием. Устройство такого завода свидетельствовало о бесповоротности принятого правительством решения обратить серьезное внимание на отечественное производство медикаментов.

На производство опиума выдавались ссуды и вообще, были приняты все меры к тому, чтобы засеять маком возможно большие площади. Департамент земледелия даже рекомендовал посевы мака в Туркестане, введя государственную монополию на закупку опиума-сырца. Причём, если раньше китайцы скупали опиум по 4—5 рублей за фунт (454 г.), то в казённом приёмном пункте опиум принимался по 11—15 рублей за фунт. Чтобы конкурировать с казной, китайцы-скупщики вынуждены были поднять цену до 40—45 руб. за джин (2,5 фунта) [ЦГА КР, д. 2, л. 11], или 16—18 руб. за фунт.

Восстание коренного населения части северной Киргизии, вспыхнувшее летом 1916 г., стало самым крупным открытым столкновением между угнетёнными народами этой окраины, захватчиками их земель и царскими властями. Изъятие исконно киргизских земель и разрушение традиционного социально-экономического уклада жизни сопровождалось бесчинствами и унижением местных народов — все это закономерно вызывало стихийные бунты и выступления против русских поселенцев.

Наиболее ожесточенный и кровопролитный характер восстание обрело в самых богатых уездах Семиречья: Пишпекском, Джаркентском и Пржевальском. Именно в этих уездах, с международной ярмаркой в Каркаре, миллионными стадами скота и развитой культурой опийного мака, урожай которого исчислялся миллионами рублей, происходило самое тесное сношение китайских, германских, турецких агентов, мусульман соседних областей Туркестана, где прошла волна июльских волнений (Ташкент, Джизак и др.) с представителями коренного населения. А опиумный фактор стал одним из существенных слагаемых в общей сумме причин восстания.

Указ о реквизиции коренных жителей Туркестана для работы в тылу от 25 июня 1916 г. и введение военного положения в крае уже 7 июля, усилили общее недовольство коренного населения и привели к стихийным протестам и бунтам. Для усмирения населения были высланы воинские подразделения, плохо обеспеченные одеждой, жильём и питанием, которые еще до начала восстания стали мощным детонатором, провоцирующим коренное население к мятежу. Уже 10 июля в военные части было разослано распоряжение командования, гласившее: «Ввиду случаев употребления огнестрельного оружия против безоружных масс туземцев, предлагаю разъяснить войскам, что оружием нужно пользоваться в высшей степени осмотрительно, и только при явно враждебных выступлениях» [ФРРКНБ РК, инв. № 62, л. 1]. 1 августа, когда население киргизских волостей уже составило списки и дожидалось призыва рабочих, Военный губернатор Семиреченской области Фольбаум докладывал в Ташкент командующему войсками:

«Для надобности войск в целях придачи карательным отрядам подвижности вынужден был разрешить реквизировать лошадей. За отсутствием денег лошади берутся у населения под квитанции» [ЦГА РК, д. 20064, л. 33].

Это был приказ, фактически разрешающий отрядам военных производить вооруженный грабеж еще мирно сидящих киргизских волостей, который продолжался в течение нескольких месяцев, в том числе уже после подавления восстания во всех волостях Семиречья.

В Пржевальском уезде беспорядки начались только через месяц после того, как военные начали стрелять по безоружным кочевникам и через неделю после отмеченного приказа, что и спровоцировало нападения киргизов на русских крестьян. Это были ответные действия повстанцев на беззаконие воинских подразделений, хотя для мирных русских крестьян эти нападения воспринимались так, что киргизы первыми стали нападать.

Согласно архивным документам, в организации восстания в Семиречье принимали участие немецкие и турецкие агенты, а также известные в Синьцзяне участники Синьхайской революции, которые состояли членами запрещенного в Китае секретного общества «братьев» («Гэ-Лао-Хуэ»). В 1915 г. трое его членов были командированы в Семиреченскую область для пропаганды идеи свержения монархического строя. В Пржевальск прибыл Ян-Фань-Ма, в Пишпек — Ли-Синь-Фин (который перед поездкой принял ислам) и в Верный — Дзин-Дзин-Юан, который позднее выехал в г. Токмак и поселился в дунганском селении Николаевском. Все они занялись вербовкой в свои ряды русско-подданных и китайско-подданных дунган и частью киргизов, и только в Пржевальске им удалось образовать банду в тысячу человек [ЦГИА Каз. ССР, д. 40, л. 4—5].

Современник отмечал, что китайские анархисты могли проникнуть свободно только на Каркару, в Пржевальский и Пишпекский уезды в числе рабочих, привлеченных опиумным делом. Идея анархистов поднять восстание пришлось по душе некоторой части дунган с Мариинского, промышлявших контрабандой опия.

В сообщениях русских консулов из Китая имелись достоверные указания, что китайские анархисты, имевшие сношения с немецкими агентами, шнырявшими в Кульдже и Кашгаре, проникали в Семиречье из Кульджи под видом сборщиков опиума, были причастны к беспорядкам в Семиречье. Действительно, мятеж разгорелся в тех районах, где было большое скопление китайских сезонных рабочих, и охватил, главным образом, район Каркары, бассейн озера Иссык-Куль и верховья долины реки Чу [ФРРКНБ РК, инв. № 66, л. 129].

На китайской границе велась интенсивная агитация среди киргизов, являвшихся подданными Китая, за выступление против России. Семиреченский военный губернатор генерал М. А. Фольбаум считал, что беспорядки инспирированы немцами из Кульджи (Западный Китай), а китайцы являлись лишь исполнителями [РГВИА, д. 4546, л. 268, 251; д. 2419, л. 179].

Уездная администрация во главе с полковником В. А. Ивановым не разъясняла населению, что туземцев берут не на фронт, что их работа в тылу будет оплачиваться по 1 руб. в день, а казной выделены пособия в размере 30 руб. на обмундирование рабочих из бедняков [РГИА, д. 1933, л. 27]. Вместо этого, они запугивали население, занимаясь вымогательством: откупная система при наборе в рабочие возбудила вражду между богатыми и бедняками, почему и начались волнения. Собиравшиеся налоги, как и пожертвования в помощь армии, по

большей части оседали в карманах представителей имперской и туземной властей, не доходя до казны, как и средства, отпущенные государством в помощь бедным, не доходили до населения. Указ был использован местными властями в корыстных целях: для грабежа и прикрытия фактов откровенного казнокрадства и должностных преступлений, вызывавших крайнее недовольство коренного населения. Следователь, выяснявший причины кровавых событий в Пржевальске, называл одну из главных — непомерные поборы как туземной, так и уездной администрации с начальником уезда полковником Ивановым во главе.

События 1916 г. в Пржевальском, частью в Джаркентском и Пишпекском уездах, приняли особо кровавые формы, из-за рекордного урожая опиума в тот год. В Пржевальском уезде проживало в то время около 2 тысяч дунган. Накануне восстания в дунганском селении Мариинском (Ирдык) было сосредоточено до 7 тысяч китайских подданных, привлеченных сюда опиумным делом. Многие из них были вооружены и крайне заинтересованы в беспорядках, желая воспользоваться ими, чтобы вывезти опиум в Китай.

В 1916 г. дунганами, кыргызами и русскими в трех названных уездах выращивался опиум на площади примерно в 10 тыс. гектаров, урожай с которых, по самым скромным подсчетам, ожидался более 200 т, на сумму более 6 млн руб. В казну поступила лишь малая часть от выращенного урожая опиума — 22 тонны на сумму 535 тыс. руб. [ФРРКНБ РК, инв. № 62, л. 1].

Остальной опиум, утаенный от государства, стал яблоком раздора между администрацией, военными, китайскими скупщиками и местным населением.

Именно по этой причине, беспорядки здесь начались не сразу после объявления об указе, как это произошло в других областях Туркестана, а только в конце первой декады августа, когда сбор опиума подошел к концу. Слухи о дате начала мятежа киргизского населения — 10 августа — распространялись среди коренного и русского населения в то время, когда киргизы еще спокойно работали на полях у русских солдаток. Вице-губернатор Семиреченской области Колосовский в своем рапорте указывал: «До 9 августа жизнь русского и туземного населения шла вполне нормально. Весть о мобилизации рабочих киргизами была воспринята спокойно. Киргизы продолжали спокойно работать у крестьян, по уборке хлеба и сенокоса. Все это свидетельствует, что восстание для главной массы населения было неожиданным, или подготовлялось конспиративно известной группой наиболее влиятельных туземцев, действовавших, очевидно, под влиянием извне» [Восстание 1916 года в Средней Азии..., 1960, 401].

Толчком к переходу от пассивного сопротивления мобилизации к активному кровавому, стал захват оружия в Боомском ущелье, который стал последним аргументом, заставившим основную массу сомневавшихся киргизов присоединиться к повстанцам. Посылка обоза с оружием в сопровождении всего 4—5 человек в то время, когда многие районы Туркестана были охвачены восстанием, а в еще мирном Семиречье готовились к его подавлению, народная молва называла провокацией, задуманной Военным губернатором Семиреченской области Фольбаумом. В тот же день повстанцы ограбили и подожгли с. Новороссийское, затем станицу Самсоновскую, и восстание началось тогда, когда его ждали.

Беспорядки в Пржевальском уезде начались с нападения киргизов на с. Григорьевку вблизи Сазоновки 9 августа вечером, а утром 10-го распространились уже до с. Преображенского. Борьба за влияние в Мариинской волости разделила

дунган на две партии, причиной вражды служили выборы волостных старшин. В вопросе о присоединении к восстанию киргизов, дунгане также разделились: партия Малого Хазрета, при поддержке китайско-подданных сезонных рабочих, выступила за поддержку повстанцев, а партия Большого Хазрета не хотела ввязываться в борьбу. Численный перевес был у дунган партии Большого Хазрета, в целом, дунгане не решались начать мятеж: у них были дома, земля, бизнес, деньги и имущество — им было, что терять.

Поведение уездного начальника Иванова накануне восстания в Пржевальском было очень странным. Еще 1 августа, когда ничто не предвещало восстания, он вызвал с Каркары отряд Кравченко для умирения коренного населения [Там же, 401].

А на следующий день после начала киргизских беспорядков, в то время, когда военные были уже на пути к Пржевальску, он вызывает в город 15 человек мариинских дунган [ЦГА КР, д. 2, л. 3—4], хотя прекрасно знает о брожении и подстрекательстве к восстанию китайских рабочих в этом селе. Дунгане рассказали, что в Мариинке наблюдается какое-то брожение и они боятся нападения киргизов и китайцев, и поэтому просят дозволения переехать с семьями в город. Иванов дал разрешение на переезд.

Примечательно, что начальник уезда просит мариинских дунган — не русских военных, расквартированных в городе, и не городских дунган — посторожить его дом и говорит им о том, что в казне нет оружия. Именно известие о том, что в городе нет ни войска, ни оружия, помогло, наконец, дунганам решиться поддержать китайских подданных в их стремлении поднять восстание.

В это время в Пржевальске кто-то пустил слух, что в Мариинском выселке началась резня наших дунган китайскими подданными, а несколько минут спустя — другое, что наши дунгане нападают и режут русских, бегущих в город. Л. В. Лесная, комментируя эти слухи, пишет: «Ни тот, ни другой слух не соответствовал действительности. Китайские подданные не резали дунган, так же как дунгане не резали русских» [Лесная, 1937. 37].

Слухи, пускаемые в отношении дунган, рисующие их врагами, имели целью оправдать готовящиеся чинами администрации и военными, нападения на дунган и китайцев-опийщиков с целью грабежа. С полудня 11 августа разъезды стали доставлять в Пржевальск китайцев-опийщиков, которые попадались на пути к Мариинке. Сначала Иванов приказывал их отпускать после обыска и отобрабления ножей и опиума, но обойдя город, те пробирались в Мариинку [Там же, 43], где рассказали о предпринимавшихся жителями Пржевальска вылазках с целью грабежа опийщиков.

Судя по тому, что пойманные китайско-подданные дунгане и китайцы, имея значительный численный перевес, не оказывали сопротивления при задержании, они были застигнуты врасплох и не были зачинщиками восстания. Набеги на китайцев-опийщиков, прибывших в Мариинск для закупки опиума, стали в это время предприниматься вооруженными группами и отдельными жителями и приняли массовый характер. Пойманных китайцев-опийщиков толпами приводили в Пржевальск, где у них по приказу Иванова, отбирали опиум и сажали в тюрьму [Там же, 43].

По договоренности с Ивановым, 11 августа утром часть Мариинских дунган, забрав свои семьи, двинулась к Пржевальску под защиту его стен. Вместе с ними,

в Пржевальск направились верховые к уездному начальнику и волостному управителю Мариинска Марафу с просьбой о помощи против китайских подданных, силой заставлявших местных дунган поднять восстание. При подходе к городу, эти дунгане были встречены ружейным огнем со стороны организованного добровольческого отряда, состоявшего из отряда солдат, местного чиновничества и отставных военных [Восстание 1916 года в Средней Азии..., 1960. 382].

Часть китайцев и дунган, доставленных на казарменную площадь Пржевальска, где собралось население во главе с начальством, по приказанию Иванова без суда и следствия была переколота штыками чинами конского запаса. Другую часть китайцев заперли в доме, но они сломали дверь и пытались бежать. Караул открыл стрельбу. Произошло это около 4 часов дня и стало сигналом к всеобщему избиению китайцев-опийщиков. Из 60 убежавших через 15—20 минут «на площади были приготовлены форменные битки». Современник писал: «Лишь только панический страх пред грозившей опасностью прошел, и толпа почувствовала свою силу, явилась жажда мести и самосуда, при которой, конечно, не учитывалось, причастно ли данное лицо к мятежу или нет» [ЦГА КР, Д. 46, л. 30, 34].

Согласно воспоминаниям очевидца тех событий Ф. Юсуповой, 11 августа, примерно в два часа дня, во время пятничной молитвы, солдаты окружили дунганскую и центральную мечети в г. Пржевальск. После намаза дунган и других городских мусульман под конвоем отвели на мусульманское кладбище возле села Жаны-Арык и расстреляли. Оставшиеся дунгане, в основном женщины и дети, большей частью сразу бежали в село Ырдык. Даже не успев собрать необходимые вещи, дунгане вместе с киргизами стали уходить в Китай.

Перед началом восстания киргизы пришли в Мариинскую мечеть, где совершили совместную с дунганами молитву и сделали «бату», поклявшись совместными усилиями выступить против русских властей. В Мариинском разъезжали большие толпы вооружённых китайцев и дунган, силой присоединяя к себе не желавших воевать. Весть о расстреле городских мусульман, мирных дунган на подходе к городу и охота за китайцами-опиумщиками вызвала ожесточение в Мариинском. В тот же день восстали китайские поденщики и часть мариинских дунган. Толпой численностью до 400 человек, вооруженные ружьями, шашками, топорами и пиками, они встали вдоль Покровской дороги недалеко от местности Ырдык, нападая на русских беженцев, направлявшихся к Пржевальску [Там же, д. 50, л. 41].

Начальник Пржевальской тюрьмы Хромых в своих показаниях отмечал, что «резня русских дунганами началась 12 августа» [Лесная, 1937. 56], то есть уже после массовых убийств дунган и китайских подданных в Пржевальске.

По оценке современников, в городе было убито около 1 500 дунган, осталось живых всего 8 человек [ЦГА РК, д. 2123, л. 105—106].

Ответственность за разрушение богатейшего в Семиречье Пржевальского уезда, а также грабежи и убийства мирного населения лежала на уездном начальнике Иванове. Следствие установило, что полковнику Иванову не могли быть не известны приготовления киргизов к мятежу, так как не только частные, но и должностные лица неоднократно доносили ему об этих приготовлениях. Последним не только не принималось никаких мер для охраны порядка в уезде, но лицам, доносившим о приготовлении киргизов, делались угрозы трехмесячного ареста за распространение тревожных слухов. Несмотря на все предупрежде-

дения и видимые признаки, Иванов дважды в день телеграфировал военному губернатору о благополучии в своем уезде. Последняя такая телеграмма была подана 8 августа [Восстание в Средней Азии..., 1960, 399].

В Пржевальске лавки и магазины узбеков, дунган и китайских торговцев, их дома, все имущество, деньги и опиум — все подверглось разграблению.

Большая часть награбленного имущества попала в руки уездной администрации. Это подтверждает факт, что главной целью администрации, военных и дружинников был грабеж богатых городских туземцев и дунганского селения, для достижения которой, в жертву было принесено русское крестьянство. Администрация заранее готовилась и провоцировала беспорядки, чтобы успеть отобрать у населения скот, опиум и деньги до прихода уже подходящих к городу правительственных войск. Войска были вызваны Ивановым за 10 дней до начала беспорядков, когда ничто не предвещало беды, носились только слухи.

Указ от 25 июня, написанный председателем правительства В. М. Штюрмером, носил явно провокационный характер. Демократическая часть IV Думы, в том числе, А. Ф. Керенский, прямо указывали на провокационную роль государства, в лице бюрократии в центре и на местах, в разжигании огромного по географическим масштабам и ожесточенности конфликта. Он подчеркивал, что именно «некомпетентность и коррумпированность корыстных чиновников, карательные акции, сопровождавшие набор тыловиков, вызвали массовую расправу туземцев над русскими переселенцами и на порядок более крупные жертвы со стороны местных народов» [Доклад А. Ф. Керенского..., 1977, 91—94].

В то время, когда Россия с перенапряжением сил вела войну в Европе, провоцирование кровавого конфликта в Семиречье, угрожавшего гибелью русского дела на этой восточной окраине, было выгодно, прежде всего, внешним врагам. Но внутри страны, в высших эшелонах власти, были силы, предавшие интересы России в собственных корыстных целях. Российское государство, ослабленное войной, не смогло противостоять сращиванию интересов ее внешних и внутренних врагов, которым удалось развязать кровавый конфликт 1916 г. в Семиречье, а через год уничтожить всю государственную систему. Сразу после восстания преступная деятельность высшей администрации Семиречья, преследовавшая цели личного обогащения за счет грабежа податного туземного населения, подверглась судебному разбирательству и была осуждена центральными органами власти России. Уездная, краевая и областная администрация были обвинены в антиправительственной деятельности, направленной против интересов Российского государства.

События 1916 г. имели трагические последствия для всех жителей Семиречья, независимо от национальной и религиозной принадлежности. Погибли и вынуждены были покинуть родную землю сотни тысяч тружеников: киргизов, русских, дунган и др., которые своим совместным трудом обустроили и превратили в цветущий край эти бывшие кочевья и дебри. Народы Семиречья обеспечивали продовольственную поддержку центральным районам России, внося свой весомый вклад в победу русского оружия на фронтах первой мировой. Экономическими последствиями восстания стала разруха и почти полное уничтожение материальных и людских вложений, затраченных российским государством и многонациональным народом Семиречья на освоение этих территорий в течение нескольких десятилетий.

Литература:

1. Восстание 1916 года: документы и материалы / Под ред. К. И. Мамбеталиева. — Бишкек, 2015. — 158 с.
2. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / Отв. ред. А. В. Пясковский, т. е. Елеутов О. К. Кулиев и др. — М., 1960. — 694 с.
3. Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. 1977. — №2. — С. 91—94.
4. *Лесная Л. В.* Восстание 1916 г. в Киргизии: док. и материалы / Под ред. и предисл. Т. Р. Рыскулова. — М., 1937. — 168 с.
5. События в Семиречье 1916 г. по документам российских архивов. Предисловие А. В. Ганина. 2016. <<http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie>>.

Архивные материалы:

6. ФРРКНБ РК. Инв. № 62.
7. ФРРКНБ РК. Инв. № 66.
8. ФРРКНБ РК. Инв. № 172.
9. ЦГА КР. Ф. И-75. Фонд истарха. Коллекция документов о присоединении Кыргызстана к России.
10. ЦГА РК. Ф. 44. Семиреченское областное правление министерства внутренних дел.
11. ЦГА РК. Ф. 77. Верненский окружной суд.

ЧАСТЬ 3.

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ХАЙДАРШО ПИРУМШОЕВ

*д. и. н., профессор,
Душанбинский государственный педагогический институт,
Душанбе, Таджикистан.
E-mail: pirumshoev.44@mail.ru*

Участие трудящихся Бухарского эмирата в восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане

Как известно, Первая мировая война складывалась крайне неудачно для России. Вследствие общей экономической, военно-технической отсталости и бездарности командного состава, несмотря на проявленный героизм русских солдат, царская армия терпела поражения и отступала с большими потерями. В стране началась разруха, остановились важные промышленные предприятия, имеющие оборонное и гражданское значение, а оставшиеся работали не на полную мощь. С перебоями работали железные дороги, сокращались посевные площади, росли цены на продукты питания и промышленные товары.

Государственный долг России за годы войны вырос почти в семь раз и к началу 1917 г. составил 60 миллиардов рублей. К этому времени работоспособное мужское население страны сократилось на 47,4 процента. Все это тяжело отражалось на положении народных масс. На этом фоне промышленники, владельцы банковского капитала и крупные феодалы на военных поставках получали баснословные прибыли.

Создавшаяся ситуация крайне негативно сказывалась на колониальной социально-экономической политике царизма в Средней Азии. Царские власти усилили эксплуатацию населения края, доводя ее до прямого грабежа. Туркестан в это время стал одним из основных поставщиков сельскохозяйственного сырья, фуража, продуктов питания, рабочего и продуктивного скота, не получая за все это соответствующей компенсации. Война привела к упадку хозяйства края. С усилением всеохватывающего кризиса все больше нарастала политическая активность трудового народа в масштабе всей империи. Волнения, охватившие рабочих и крестьян в самой метрополии, вскоре перекинулись и на окраины.

В советской историографии непосредственной причиной и главным поводом восстания 1916 г., начавшегося в Ходженте и распространившемся по всему региону, считается объявление царского указа о наборе коренного населения Средней Азии и Казахстана на военно-тыловые работы. Тем не менее, основной причиной данного массового восстания следует считать усиление колониального гнета, который охватил все стороны политической и социально-экономической жизни этого обширного региона.

В этом плане особо ярко прослеживается непосредственное участие Туркестанского генерал-губернаторства в военных мероприятиях царской России. Об этом свидетельствует общая мобилизация мужского населения на тыловые работы.

По мере увеличения численности людских потерь (они исчислялись миллионами) в действующей армии, правительство вынуждено было послать на фронт людей даже из прифронтовой полосы, с военных заводов, железных дорог, всех

кто мог держать оружие. Все это привело к тому, что из-за нехватки рабочих рук на военно-тыловых объектах сложилось катастрофическое положение. Исходя из сложившейся ситуации, Совет министров внес предложение о призыве «иностранцев Туркестана, Степного края и некоторых других районов на военно-тыловые работы».

Основываясь на данное предложение, 25 июня 1916 г. царь подписал указ «О привлечении мужского иностранческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующих армий, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ». В первую очередь намечено было мобилизовать из Туркестана 250 тыс. человек, из Степного края — 140 тыс. человек. Таким образом, царский указ от 25 июня 1916 г. отрицательно затрагивал коренные интересы подавляющего большинства населения края. Он стал по сути катализатором всеобщего народного волнения, вскоре переросшего во всеобщее восстание, охватившее весь этот обширный регион. Выступления трудящихся начались в Ходженте 4 июля 1916 г. Только из Ходжентского уезда, согласно полученным разнарядкам, должны были мобилизовать 8 948 человек, из которых намечено было послать 8 140 человек на прифронтовые тыловые работы. Это и послужило поводом восстания в этом уезде. Оно вскоре охватило всю Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Семиреченскую, Закаспийскую и Степные области.

Разумеется, Бухарский эмират, находившийся под протекторатом России, не мог оказаться в стороне от событий, вызванных войной. Годы войны предельно ясно показали степень зависимости Бухары от царского правительства.

Под видом оказания помощи России для нужд фронта в эмирате участились случаи посылки в Россию всевозможных товаров и ценных вещей. Согласно сведению автора «Таърих-и Нофеъи» Мухаммадали, помимо сбора других вещей за бесценок у населения закуплены 1,5 тысячи голов коней для отправки на фронт [Мухтаров, 1962, 35]. Кроме того, самим эмиром были переправлены несколько миллионов рублей в Россию. Сам факт, что в Бухаре в годы войны был введен дополнительный военный налог, свидетельствует о непосредственном втягивании эмирата в сферу диктуемой реальности того времени.

Не случайно, по велению царя за усердную службу эмир Саид Алимхан был удостоен чин генерал-лейтенанта, назначен генерал-адъютантом Николая II и награжден орденом Александра Невского. В своем рескрипте, изданном 30 декабря 1915 г. царь официально отметил вклад эмира. В нем отмечалось, что он проявил большое участие «к нуждам войны, делая крупные пожертвования и оказывая доброжелательное действие по разным мероприятиям русского правительства в ханстве, связанным с войной» [Туркестанские ведомости, 1916, 5]. 16 сентября 1916 г., эмир лично прибыл в ставку Николая II и внес «на нужды войны» еще миллион рублей [История таджикского народа, 2010, 856—857].

По указанию царя генерал-губернатор Туркестана, принимал все меры, чтобы о беспорядках не просочились слухи в Бухарское ханство. Но при всем старании административных и военно-дипломатических служб невозможно было изолировать эмират от поползновения того информационного поля, которого старались строго ограничить лишь в пределах Туркестана.

Сохранилось немало документов, свидетельствующих об усилиях царских властей ограничить поток информации об усилении кризиса, главной причиной ко-

торого были потери людских ресурсов и чрезмерных экономических убытков, которые понесла Россия из-за участия в первой мировой войны. В частности, в телеграмме управляющего Российским политическим агентством в Бухаре, подполковником Н. А. Шульги, от 5 июля 1916 г. за № 318 в штаб Туркестанского военного округа, пишется о тревожном настроении в Бухаре в связи с объявлением мобилизации на тыловые работы в Туркестане. В документе в частности отмечено: «Проникшие третьего дня в Бухару смутные слухи о предстоящем отправлении из областей края туземцев-рабочих на тыловые работы, вчера были подтверждены прибывшими из Самарканда туземцами и туземными евреями, рассказавшими о вывешенных губернатором объявлениях. Как приезжие из Самарканда, так и бухарцы на основании сказанных объявлении твердо убеждены, что дело идет о введении воинской повинности... Вчера среди некоторых групп мулла-бачей (учащиеся медресе. — *примеч. авт.*) высказывались предположения, что Россия потребует набора и в Бухаре и что де лучше тогда умереть здесь, чем ехать умирать на войну. Из Самарканда приезжает много туземных евреев, бегущих по агентурным сведениям в Афганистан и своими рассказами усиливающих тревожное настроение. Со своей стороны разъяснил бухарским властям истинное значение высочайшего повеления, просил куш-беги принять меры к пересечению вздорных слухов создаст крайне нежелательное для нас тревожное настроение» [Восстание 1916 года..., 1960, 59].

Самым тревожным для туркестанского генерал-губернатора была информация о налаживании связи ташкентских казиев с афганским эмиром и предложение ими эмиру использовать это благоприятное обстоятельство для выступления против России. В этой связи в телеграмме начальника Туркестанского районного охранного отделения М. Н. Волкова от 11 июля 1916 г. за № 2836 в Департаменте полиции о вспыхнувшем восстании в Старом Маргелане и Ташкенте указано: «10 июля беспорядки в Старом Маргелане: толпа бросилась на полицию, убила 6 джигитов и волосного управителя Комалло. 11 (июля. — *примеч. авт.*) крупные беспорядки в туземном Ташкенте: ранено несколько чинов полиции; по толпе залпами убито 4, ранено 6, много раненых скрыто, есть сведения — часть убитых скрыта населением. Благоволите обратить внимание на мой доклад от 4 июля за № 2715 по делу предложения казиев Ташкента афганскому эмиру выступить против России. Сегодня от политического агента [из] Бухары получил телеграмму, что письмо задержано, но разбору не поддается. Сегодня же я просил губернатора генерала Галкина согласиться на обыски и арест этих казиев. Отказал до ознакомления с письмом. Доводы мои тщетны» [Там же, 61].

Следует отметить, что доклад, на который указывает полковник Волков, касательно «предложения казиев Ташкента афганскому эмиру вступить против России», действительно имели место. Были обнаружены три письма от имени ташкентских казиев (они приложены были к докладу Волкова). Письма были адресованы в Афганистан и были найдены 8 июля 1916 г. во время обыска в городе Старая Бухара в книжном магазине, принадлежащего Саид-Наметулы Хаджиеву, который служил передаточной инстанцией в тайных сношениях между ташкентскими казиями и афганским правительством. В докладе в частности указывается, что в середине июня 1916 г. между четырьмя казиями Ташкента и другими лицами шли «переговоры о посылке коллективного послания афганскому эмиру с предложением, если он истинный мусульманин, то должен

объявить войну России, так как в настоящее время самый подходящий момент, чтобы помочь Турции и Германии. Если эмир афганский упустит настоящий момент, в котором его поддержат мусульмане Туркестанского края, то позже это будет поздно».

В докладе далее указывается, что ташкентские казии, их помощники, родственники и другие лица «агитируют среди населения об оказании помощи афганскому эмиру в случае объявления последним войны России и о сборе денег от лиц, сочувствующих этому движению», а так же «ими приняты меры к вербовке новых членов и посылке таковых по городам края для повсеместного приобретения сторонников сего движения при посредстве которых в случае если Афганистан объявит войну России и русские войска двинутся в Афганистан, чинить им всякие препятствия путем порчи дорог, угона скота, перевозочных материалов, устройства экономических забастовок» (при этом в Ташкенте уже насчитывается якобы до 150 сторонников этого движения) и т. д.» [Там же, 719].

Наличие факта «о сношениях феодально-клерикальных элементов Самарканда с Бухарой, Афганистаном и главными городами Туркестанского края» подтвердил и начальник Самаркандского уезда А. И. Мартинсон в своем рапорте военному губернатору Самаркандской области Н. С. Лыкошину от 1 июля 1916 г. «Мною получены агентурные сведения, — пишется в рапорте, — что из туземного города отправлены письма в бухарские владения Шартауз (Шахризбз) и Гиссар, а так же в Афганистан с запросами, окажут ли помощь бухарцы и афганцы в случае восстания туземцев в г. Самарканде» [Там же, 103].

Следует отметить, что Н. С. Лыкошин, получив этот рапорт, немедленно обратился в Ташкент с просьбой «о принятии соответствующих мер в Бухаре, направленных к затруднению сношений с Самаркандом; вместе с тем, он просил установить наблюдение за перепиской самаркандцев с другими городами Туркестана» [Там же, 721].

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что в этот для России неблагоприятный период, действовали враждебные силы, которые стремились отделить от нее Туркестанский край.

Согласно имеющимся сведениям, опасаясь еще большего обострения ситуации, эти казии не были задержаны, а их адресат в Бухаре бесследно исчез. На это, в частности указывает содержание другой телеграммы того же М. Н. Волкова в Департаменте полиции от 14 июля 1916 г. за № 2871, в которой отмечено, что «идет слух об общем восстании туземцев в Фергане по окончанию уразы 15 июля. Настроение туземцев беспокойное даже в Ташкенте. Даже на обыск казиев разрешение от генерал-губернатора не получил. Генерал Галкин надеется, что казии внесут успокоение [в] население. Тем временем политический агент телеграфирует, что передаточный адресат [из] Бухары скрылся» [Там же, 62].

В этой связи следует отметить, что желая воспользоваться сложившейся ситуацией, Турция, опираясь на поддержку западных партнеров, вынашивала план усилить свое влияние в Бухару и Хиву. Словом, противники России пытались превратить эти ханства в свои колонии.

Что касается действия временно исполняющего должности генерал-губернатора Туркестана М. Р. Ерофеева в сложившейся ситуации, можно понять по содержанию его телеграммы на имя военного министра России Д. С. Шуваева от 17 июля 1916 г. за № 4731. Уверяя министра в своих решительных действи-

ях Ерофеев в частности доложил, что «ввиду непрерывной связи бунтовщиков и агитаторов с населением благодаря железной дороге, сделал распоряжение не продавать билетов туземцам по Ташкентской и Средне-Азиатской дорогам, исключая тех благонадежных, кои представят удостоверения уездных начальников». Далее, касательно не распространения антироссийских волнений в Бухаре, и содержании ситуации под своим личным контролем он приводит следующие аргументы: «Бухарский куш-беги дал срочные предписания бекам строжайше наблюдать за приезжающими из областей края, а равно не пропускать [в] ханство самаркандцев в случае массовых попыток перехода границы. Охрана всех железных дорог края и защита русских железнодорожных поселков прочно обеспечена. Заканчиваю охрану всех поселков коренных областей края, исключая пока слишком отдаленных, оставляю [в] наиболее крупных городах сильные гарнизоны. Обеспечив надежной охраной русское население, перейду к решительным мерам» [Там же, 64].

Несмотря на все эти меры, взять ситуацию под контроль было нелегко. К тому же в ходе приведения в действие указа о мобилизации на тыловые работы местными властями допускались различные вопиющие ухищрения. Представители имущественных социальных групп различными способами (взятками, подкупам, принудительными методами) могли внести в мобилизационные списки корректировки в свою пользу. Любой достаточно зажиточный человек мог нанять и послать вместо себя другого. Многие под покровительством местных властей не только освобождались от набора, но и наживались на нем.

Эти лазейки не могли быть тайным для местного населения. В донесение военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошина от 12 июля 1916 г. за № 393 и.д. генерал-губернатора Туркестанского края М. Р. Ерофееву, где речь идет о восстании в селениях Дахбеде, Ургуте и волнениях в других пунктах области, в частности указано, что согласно распространенным слухам в Катта-Кургане торговцы Самарканда в ожидании чего-то «убирают из лавок товар и прячут куда-то, в Ташкенте будто бы население предложило деньги, вместо людей, что также поступали и в Бухаре» [Там же, 114].

Несмотря на все меры, предпринятые царскими властями, чтобы известия о массовых волнениях охвативших все пространство Средней Азии и Казахстана не просочились в Бухарский эмират, все же события втянули в свою орбиту и Бухару.

Помимо непосильного налогового гнёта, в разгар войны трудящиеся эмирата были принудительно (на свои довольствия) согнаны на строительство Бухарской железной дороги. В этом отношении особенно большие тяготы испытали жители Восточной Бухары. Они мобилизовались на строительство дороги в сопровождении эмирских солдат (сарбазов). Это послужило поводом для забастовок, которые произошли в Бухарской железнодорожной линии. Волнения охватили и отдельные бекства Восточной Бухары, в частности Карши, Кабадиан, Каратегин и др. Ярким примером тому может послужить крестьянское волнение вспыхнувшее летом 1916 г. в Калаи Лабиобскоком амлякдарстве в Таджикабадском районе Каратегинского бекства.

Таджикский историк А. Маджлисов отметил, что хотя не располагает «материалом позволяющим установить связь движения каратегинцев с общим ходом восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане», тем не менее «оно не могло остаться тайным для населения Каратегина, тем более, что летом и осенью

многие отходники-каратегинцы возвратились из Ферганы на родину» [Маджлисов, 1959, 104] Уместно отметить, что сам предводитель восставших Каландаршо (1857—1931) был из числа отходников. Далее, для большей убедительности о существовании такой связи он утверждает: «Восстание 1916 г. в Каратегине носило характер антифеодального движения и явилось неразрывной частью общего восстания народов Средней Азии в 1916 году» [Там же, 104]. Этот пример, отражает общее состояние бекств Восточной Бухары.

В связи с создавшейся ситуацией царь своим указом от 17 июля 1916 года объявил Туркестанский военный округ на военном положении. Несмотря на трудности обеспечения фронта людскими ресурсами, на подавление восстания царское правительство бросило сравнительно огромный контингент военных. Только в Семиреченскую область было направлено до 35 рот с 16 орудиями и 47 пулеметами, 24 сотни казаков, 240 конных разведчиков; в Закаспий — 6 батальонов пехоты, 15 сотен конницы, 18 орудий, 17 пулеметов. На помощь местным войскам из действующей фронтовой армии в Семиречье прибыли 7-й Оренбургский и 9-й Сибирский казачьи полки. О сложности ситуации свидетельствует факт в июле 1916 года назначения командующего Северного фронта генерала Куропаткина генерал-губернатором Туркестанского края. Он свои действия по подавлению восстания называл «вторым завоеванием Средней Азии».

В туркестанском генерал-губернаторстве по делу восстания 1916 г. царскими властями было привлечено свыше трех тысяч человек. При допросах обвиняемых пытали. К смертной казни были приговорены 347 человек. К разным срокам каторжных работ было приговорено 168 человек, в арестантские роты сослано 228 человек и к тюремному заключению приговорено 129. Всего было осуждено 872, были казнены — 51 человек [История народов Узбекистана, 1947, 436].

Что касается последствий подавления восстания для Бухарского эмирата, то из-за отсутствия достоверных фактов, трудно прийти к однозначному выводу. Можно предположить, что участники восстания преследовались и в пределах эмирата.

Таким образом, восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, охватившее также в свою орбиту Бухарский эмират, который формально сохранил независимость, но фактически как и Хивинское ханство, находился в положении полного подчинения от Российской империи, было жестоко подавлено. По своему характеру, оно было антиколониальной, антифеодальной войной, тем не менее, его нельзя отделить от той всеобщей освободительной борьбой всех народов Российской империи, включая русского народа, против царизма и феодального гнета.

Литература:

1. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. — М., 1960. — 786 с.
2. История народов Узбекистана. — Ташкент, 1947. — Т. II. — 476 с.
3. История таджикского народа. Позднее средневековье и новое время (XVI в. — 1917 г.). — Душанбе, 2010. — Т. IV. — 1124 с.
4. Маджлисов А. Каратегин накануне установления Советской власти. — Сталинабад, 1959. — 130 с.
5. Мухтаров А. Восстание крестьян Бальджуанского бекства в 1916 г. // Известия АН. Тадж. ССР: отд. общ. наук. — 1962. — № 1. — С. 33—38.
6. Туркестанские ведомости. — № 5. — 8 января 1916 г.

НАБИЖОН РАХИМОВ

*д. и. н., профессор,
Худжандский государственный университет,
Худжанд, Таджикистан.
E-mail: nabir@mail.ru*

На перепутье: генерал-востоковед Н. С. Лыкошин и восстание 1916 года в Средней Азии

Восстание 1916 г., событие как результат почти 50-летней колониальной системы России в Туркестане, является актуальной проблемой отечественной историографии. Несмотря на значительный интерес исследователей к этой проблеме за прошедшие сто лет, всё ещё остаются неразрешённые вопросы. Интересным аспектом данной проблемы является оценка событий в действиях и поступках людей и оценка людей по их действиям в событиях восстания 1916 г. Примером этого могут быть действия военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошина (1860—1922 гг.) и его оценка произошедших событий (июль—ноябрь 1916 г.).

Н. С. Лыкошин получил хорошее военное образование: сначала учился во 2-ой Санкт-Петербургской военной гимназии, а затем закончил 1-е военное Павловское училище. По окончании, Н. С. Лыкошин избирает, по собственному желанию, местом службы Ташкент. Начав с чина унтер-офицера в 1879 году, к 1889 году он в чине штабс-капитана был переведен на службу по административно-полицейскому управлению краем. Благодаря своему трудолюбию и знаниям Н. С. Лыкошин сделал блестящую карьеру: он от прапорщика дошёл до генерал-майора, военного губернатора Самаркандской области (1914—1917).

Будучи военным по образованию, Н. С. Лыкошин очень интересовался историей и культурой народов Средней Азии. Поэтому, приехав в Туркестан, он самостоятельно выучил языки [Лунин, 1965, 207], а потом начинает заниматься переводческой деятельностью в свободное от работы время. Самым известным и удачным его переводом была «История Бухары» Наршахи, которому была дана высокая оценка со стороны Н. И. Веселовского и В. В. Бартольда. Кроме этого им был осуществлен перевод ряда других восточных рукописей [Лунин, 1965, 207].

Н. С. Лыкошин является одним из основателей ТКЛА (Туркестанский кружок любителей археологии, 1895), он — автор многочисленных публикаций по археологии и этнографии края. И в то же время Лыкошин — представитель военно-политической элиты Туркестанского края [Пуговника, 2010], из числа тех, кто были реализаторами теории и практики, стратегии высшего политического руководства Российской империи в отношении новой колониальной окраины. Способствуя утверждению новой политической власти, они исходили из реальных возможностей Туркестанского края, избегали неуважительного отношения к местному населению, охотно, и даже с большим рвением, изучали древнейшую историю и культуру, природу Средней Азии. Из числа представителей русской власти Н. С. Лыкошин отличался дружелюбным расположением к местному населению.

Восстание 1916 г. напрямую касалось Н. С. Лыкошина: Ходжент, где началось восстание, был уездный центр вверенной ему Самаркандской области. Более того, ещё в 1906—1912 гг. Н. С. Лыкошин был начальником Ходжентского уезда.

Как проявил себя востоковед Н. С. Лыкошин, являющийся на тот момент частью административной машины Российской империи, против которой и было направлено восстание?

25 июня 1916 г. был издан царский Указ о призыве местного, нерусского населения для тыловых работ. Для русской администрации Туркестанского края Указ оказался неожиданным и вызвал некоторое замешательство. Как позднее написал в своём докладе Н. С. Лыкошин, эта мера противоречит ст. 205, т. 1, ч. 2 Свода Законов (Учр. Мин.), ст. 243 и ст. 244, т. 2 Свода Законов (Общ. Учр. Губ.).

Н. С. Лыкошин, получив телеграмму о наряде рабочих, сделал распоряжение о безотлагательном составлении списков мужчин местных национальностей в возрасте от 19 до 31 года и передал должностным лицам туземной администрации для его исполнения: «...спешно приступить к составлению именных списков мужчин в возрасте от 19 до 31 года, что и было выполнено» [Восстание 1916 г., 1960, 104].

Распоряжение о составлении списков взбудоражило местное население и вызвало волнения. Распоряжение пришлось не только в период священного месяца рамазана, но и срывало все сельскохозяйственные работы, так как женщины в то время не выходили на полевые работы.

Н. С. Лыкошин начал разъяснительную работу среди местного населения: личные встречи и распространение подготовленного им же объявления, в котором разъяснялись условия набора: требуются мужчины от 19 до 31 года и только в качестве рабочих за плату: только для тыловых работ, а не ведения боевых действий. Объявление было отпечатано в 5000 экземпляров и разослано по областям.

2 июля в Ташкенте состоялось совещание, после чего составление списков было приостановлено, однако это распоряжение мало успокоило население. 5 июля 1916 г. Лыкошин созвал в Самарканде областное совещание для ознакомления должностных лиц всех ведомств с условиями набора рабочих. 6 июля Лыкошин провёл с уездными начальниками развёрстку количества рабочих с каждого уезда.

Однако Н. С. Лыкошин ожидал, что население вряд ли согласится добровольно отдать рабочих и поэтому предполагал, что «придётся произвести реквизицию с применением силы» [Там же, 105]. В связи с этим, Н. С. Лыкошин сообщил и. о. начальника штаба войск Туркестанского военного округа Н. Н. Сиверсу о начале восстания в области и просил усилить гарнизоны в городах области [Там же, 106—107].

По данным архивных материалов уже с конца мая и в начале июня стали распространяться разные слухи о предстоящих наборах. Разные сообщения приходили Н. С. Лыкошину и от уездных начальников Самаркандской области. Так, 1 июля 1916 г. был получен рапорт начальника Самаркандского уезда А. И. Мартинсона, в котором он сообщал военному губернатору агентурные сведения о сношениях феодально-клерикальных элементов Самарканда с Бухарой, Афганистаном и главными городами Туркестанского края о помощи в случае восстания населения Самарканда [Там же, 103].

Военный губернатор Самаркандской области Н. С. Лыкошин, получив этот рапорт, немедленно обратился в Ташкент с просьбой о принятии соответствующих мер в Бухаре, направленных к затруднению сношений с Самаркандом; вместе с тем он просил установить наблюдение за перепиской самаркандцев с другими городами Туркестана [ЦГИА УзССР, д. 1135, л. 20].

4 июля 1916 г. Н. С. Лыкошин получил депешу от Ходжентского уездного начальника о восстании в г. Ходжент [Искандаров, 1967, 11—20; Каримов, 2007; Раджбов, 1967, 3-9; Раджабов, 1955]. Н. С. Лыкошин отправил телеграмму и. д. генерал-губернатору Туркестанского края М. Р. Ерофееву, сообщил о произошедшем прокурору и командировал своего помощника для расследования обстоятельств произошедшего и принятия соответствующих мер. Весть о восстании дошла и до столицы империи — начальник Ходжентского гарнизона Н. Б. Рубах отправил рапорт о событиях в городе императору Николаю II [Восстание..., 1960, 104].

На следующий день начальник Самаркандского уезда А. И. Мартинсон рапортовал военному губернатору Н. С. Лыкошину о волнениях среди населения нескольких волостей в связи с набором на тыловые работы [Там же, 104].

7 июля военный губернатор Н. С. Лыкошин отправил донесение М. Р. Ерофееву с сообщением о ходе мобилизации населения области на тыловые работы.

11 июля около 6 часов утра толпа местных жителей 300—400 собралась у дома Лыкошина с просьбой отменить набор рабочих или отложить набор до конца полевых работ. Лыкошин выйдя к толпе дал необходимые разъяснения и люди разошлись.

Для личного объяснения местным жителям значения и правил реквизиции рабочих и ознакомления с положением дела в области и особенно в Ходженте Лыкошин выехал 12 июля из Самарканда в Ходжент. Так как ходили слухи о крупном выступлении местного населения 15—18 июля, в первые дни после окончания Рамазана, Лыкошин планировал быстро закончить своё турне и вернуться в Самарканд к утру 14 июля.

Поездка оказалась сложной: встречи с населением Ходжента не прекратили волнения, а при возвращении Лыкошин попал в охваченный восстанием Джизак. И только утром 17 июля Лыкошин выехал в Самарканд [Восстание..., 1932, 20].

В своём докладе Н. С. Лыкошин не только подробно описал события июля—августа 1916 г. в Самаркандской области, но высказался и о «сложных» причинах происшедшего. Так, он указывает, что «... восстание это явилось лишь результатом целого ряда неправильных приёмов управления краем и того доверия, с которым мы, русские, относились к туземцам, забывая, что по самому учению своей веры они не в состоянии сделаться нашими искренними друзьями». По мнению Лыкошина, недовольство русскими порядками нарастало постепенно и переросло в злобное отношение к русским, что «на почве невежества и фанатизма и повело народ на мятеж против русских».

Н. С. Лыкошин приходит к заключению, что «... за прошедшие после завоевания края полвека нам не удалось побороть в народе фанатическую его нетерпимость к иноверцам завоевателям и убедить население в преимуществах русской культуры и русской гражданственности» [Там же, 26].

Представив тщательный анализ событий, Н. С. Лыкошин называет 17 причин неудачной колониционной политики России в Средней Азии, среди которых

такие как «появление во главе управления лиц, совершенно незнакомых с краем», «... незнакомство русских, живущих в крае, с бытом населения, его языком и верованиями», «незнакомство русских должностных лиц с туземным наречием нравами туземцев...», «проникновение в толщу туземного населения не всегда благонадёжных в колонизационном смысле русских людей и инородцев, способных из личных выгод ронять в глазах туземцев достоинства русского народа и подрывающих уважение к русской власти».

По мнению Лыкошина, представители фиска допускали самые возмутительные злоупотребления и по ним и их поведению местные жители судили о всех русских. По его мнению, только суровые и беспощадные меры, принятые весьма быстро и могли воздействовать на воображение туземцев, совершенно потерявших голову и вообразивших себя уже хозяевами положения» [Там же, 30].

Он подготовил довольно подробную характеристику хода восстания и его причин. Конечно же, эти материалы отражают точку зрения представителя царской администрации. По мнению Н. С. Лыкошина первые вспышки были стихийными (нападения на волостных управителей и старшин, составляющих списки рабочих), однако ряд фактов (рассылка воззваний и попытка согласования действий) свидетельствуют о некоторой организации.

Восстание было беспощадно подавлено, были убиты сотни людей, сожжены кишлаки, ограблены. Однако в отчёте Н. С. Лыкошина эти факты не были отражены. После подавления восстания были назначены временные военные суды для наказания участников восстания.

Лето 1916 г. стало временем испытаний и лично для Н. С. Лыкошина: в эти сложные дни он должен был определить свое отношение к происходящим событиям как учёный-востоковед и как царский чиновник. Он понимал, что сосуществование населения двух разных культур неизбежно ведёт к их соприкосновению, результаты которого требуют изучения. И поэтому одна из работ Н. С. Лыкошина — статья «Результаты сближения русских с туземцами» [Лыкошин, 1903] посвящена этой проблеме. Здесь Н. С. Лыкошин освещает разные стороны взаимодействия культур, распространение русской культуры и экономики, отмечает воздействие товаров русского производства на состояние местного ремесла и др. При этом, Н. С. Лыкошин отмечает и ошибки колониальной политики государства в национальных окраинах на примере Туркестанского края. Н. С. Лыкошин считает, что в ходе восстания было получено «неоспоримое доказательство недостаточности полувекового воздействия русской культуры на туземное население для прочного слияния колонии с метрополией».

Находясь на посту военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошин, по мере возможности стремился быть справедливым и полезным. Известно, что исходя из своего положения руководителя области, он своей властью снизил цены на сахар, чтобы он стал доступен и местному населению.

Н. С. Лыкошин как чиновник и преданный государству служащий видит в восстании угрозу для государства, но как учёный — прекрасный знаток истории, культуры быта и хозяйственной жизни местного населения понимает, что восстание вспыхнуло по причине невозможности терпеть и дальше двойной гнёт (из донесений он знал, что среди чиновников было немало людей берущих взятки и наживающихся за счёт местного населения). Именно поэтому Лыкошин стремился разрядить обстановку — сам встречался с народом, пытался разъ-

яснить Указ, просил вышестоящее начальство перенести развёрстку на осень, уменьшить количество призывников. Понимая необходимость сурового наказания восставших, в своих рапортах и докладах генерал-губернатору А. Куропаткину Н. С. Лыкошин просил смягчить наказание, выявить и наказать провокаторов и агитаторов. Таким образом, в действиях и поступках Н. С. Лыкошина в дни восстания 1916 отразилось душевное смятение и противоречивость, вызванные происходящими событиями. Известный историограф и знаток русской дореволюционной науки Туркестана Б. В. Лунин дал такую характеристику: «Лыкошин — фигура социально противоречивая, сложная. Энтузиазм, с которым он трудился на поприще туркестановедения, и его несомненные заслуги перед наукой не устраниют того факта, что в его лице мы имели одного из представителей военно-колониальной администрации. Сын крестьянина, он, можно сказать, поднялся к «верхам» этой администрации с «низов» служебной лестницы: от рядового чиновника до начальника Амударьинского отдела, а впоследствии до военного губернатора Самаркандской области. Отличное знание жизни и быта коренного населения Туркестана сочеталось у Лыкошина с либеральным, в какой-то мере уважительным к нему отношением, что, однако не дает, разумеется, повода как-либо идеализировать оценку его деятельности в качестве видного колониального администратора, исполнительного «служаки», представителя чуждого народным массам высшего военного чиновничества» [Лунин, 1965, 207].

Б. В. Лунин — отличный знаток биографии и научной деятельности русских учёных в Средней Азии, считает, что дать оценку заслуг Н. С. Лыкошина является сложной задачей. По мнению исследователя, при оценке деятельности Н. С. Лыкошина следует учитывать целый ряд обстоятельств, и в первую очередь его служебное положение. Исходя из этого, Б. В. Лунин пишет, что «... хотел того сам Н. С. Лыкошин или не хотел, само высокое служебное положение зачастую обязывало его к действиям в угоду интересам царизма и правящих классов России, как это имело место, например, в дни восстания 1916 года. Правда и здесь Н. С. Лыкошин проявил себя в качестве сторонника более или менее осторожных и относительно умеренных действий властей, что косвенно и повлекло за собой его последующее освобождение от обязанностей военного губернатора. То субъективно честное и привлекательное, что было в его личности, не устраняет осуждения его деятельности в качестве представителя военно-колониальной администрации Туркестана, плоть, от плоти которой он являлся» [Там же, 207]. В начале 1917 г. Н. С. Лыкошин был отстранен от должности. Причины отставки не совсем ясные — есть мнения, что он был уволен со службы ввиду болезни или же «за либерализм». В первые годы Советской власти, Н. С. Лыкошин ещё оставался и жил в Туркестане. Но в 1920 г. он был арестован Туркестанской ЧК и «выселен из пределов Туркестана, как представитель вчерашней колониальной администрации». Последние годы жизни (1920—1922) Н. С. Лыкошин провёл в г. Самара, читал курс «туркестановедения» в Самарском университете, работал канцеляристом в подотделе городского освещения Самарского горкомхоза [Леонтьева, 2007, 28—33].

В отличие от административной, научная деятельность Н. С. Лыкошина оценивается однозначно — он внёс большой вклад в изучение истории и культуры народов Средней Азии и его работы до сих пор не потеряли своё значение.

Литература:

1. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: сб. док. / Отв. ред. А. В. Пяковский. — М., 1960. — 360 с.
2. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборник документов. Подготовили к печати Ф. Божко и С. Волин. / Под ред. П. Г. Галузо. — Ташкент, 1932. — 90 с.
3. Доклад Самаркандского военного губернатора Лыкошина. Описание беспорядков, вызванных набором рабочих в Самаркандской области // Восстание 1916 г. в Средней Азии: сб. док. — Ташкент, 1932. — С. 13—33.
4. *Искандаров Б. И.* Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии // Известия ООН АН Тадж. ССР. — Душанбе, 1967. — № 1 (47). — С. 11—20.
5. *Каримов Т.* Шуриши соли 1916 дар Тоҷикистон. — Душанбе, 1966. — 124 с.
6. *Леонтьева О. Б.* Превосходный знаток Востока: Нил Сергеевич Лыкошин в Самарском университете // Самарский земский сб. — 2007. — № 1 (15). — С. 28—33.
7. *Лыкошин Н. С.* Результаты сближения русских с туземцами // Справка по Туркестанскому краю на 1903. — Ташкент, 1903. — 159 с.
8. *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. — Ташкент, 1965. — 408 с.
9. *Пуговкина О.* Военно-политическая элита Туркестанского края конца XIX — начала XX века (Н. С. Лыкошин, Н. Г. Маллицкий). 2010. <<http://mytashkent.uz/2010/04/06/voenno-politicheskaya-elita-turkestan-skogo-kрая-kontsa-xix-nachala-xx-veka-n-s-lyikoshin-n-g-mallitskiy/>>
10. *Раджабов З. Ш.* Восстание 1916 г. и его историческое значение // Известия: отд. общ. наук АН Тадж. ССР. — 1967. — №1(47). — С. 3—9.
11. *Раджабов З. Ш.* Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд. — Сталинобод, 1955. — 76 с.

ОЙБЕК МАХМУДОВ

к. и. н., доцент,
Национальный университет Узбекистана,
Чирчик, Узбекистан.
E-mail: oybek81@yandex.ru

Участие местного населения в восстании 1916 года: представления и репрезентации российских колониальных чиновников

Российская империя после установления своей власти в Средней Азии создала здесь сложный чиновный аппарат для управления вновь завоёванным краем. Большая часть этих колониальных чиновников были малоизвестны или вовсе неизвестны широким кругам колониального и российского общества. Но были среди них и подлинные «знатоки края», часть из которых стали, так сказать, публичными экспертами (В. Н. Наливкин, Н. П. Остроумов, Н. С. Лыкошин, Н. Г. Маллицкий, Н. И. Гродеков, А. Л. Кун, Н. А. Маев, В. Л. Вяткин и др.). К ним часто обращались (учитывая их знания и опыт) местные власти при решении различных вопросов по управлению и взаимоотношениям с «туземцами». Для этого колониальные власти нередко включали их в различные комиссии, советы, совещания и т. д. по разным вопросам внутренней политики в среднеазиатских владениях. Характерно, что часто это были люди, прибывшие сюда по служебным делам. Они отличались различной степенью образованности, кругозором и мировоззрением. Постепенно, все больше вовлекаясь во внутреннюю жизнь края и узнавая ее во всех деталях (конечно, насколько это было им доступно), некоторые из них становились экспертами по различным вопросам жизни и управления Туркестаном. Их мнение для местной колониальной администрации становилось важным фактором в управлении (или, прибегая к словарию того времени — «в освоении») краем. В своих трудах, часто не утративших своего значения до настоящего времени, «знатоки Туркестана» зафиксировали и ввели в науку ценнейший и уникальный материал о различных материальных и духовных сторонах жизни местного населения [Лунин, 1974; Милибанд, 1977; Басханов, 2005].

Но только часть из этих «знатоков» стали, так сказать, общественно гласными фигурами, чьи труды были известны далеко за пределами края и чье мнение, как бы, являлось открытой презентацией их видения внутренней жизни и российского управления в Туркестане. Большая же часть из них были малоизвестны или вовсе неизвестны широким кругам колониального и российского общества. Хотя именно они и являлись основным двигателем колониальной машины. На их мнение опирались высшие колониальные и имперские власти при принятии различных, более или менее важных, решений по управлению краем. Возникает вопрос, существовала ли разница между экспертизой, исходящей от общепризнанных и широко известных «знатоков» и представленная в их опубликованных трудах и теми экспертными записками, докладами и т. д. которые изначально не предполагались к публикации и широкому обнародованию. Казалось бы,

экспертиза, не предназначенная к обнародованию, должна была бы быть более «колониальной» и «прагматичной». Но при внимательном изучении всех этих многочисленных документов обнаруживается, что и здесь многие рассуждения, даже тогда когда напрямую решался вопрос о тех или иных политических проблемах, были окрашены в морализаторские тона, т. е. этот жанр морализаторства был не чужд и сугубо внутренней деловой переписке чиновников. Ниже, я попытаюсь проиллюстрировать это на наглядных примерах.

В общей массе чиновничества, составлявшего один из значительных компонентов колониального общества Туркестана, эти подлинные публичные и не публичные «знатоки края», составляли единицы. Большинство из чиновников так и не смогли, да особо и не стремились, выглянуть дальше своего письменного стола, за которым исполняли свои служебные обязанности. Так, например, мало кто из чиновников более или менее удовлетворительно владел местными языками, даже после пары десятка лет службы в Туркестане. В результате, несмотря на повседневное общение с «туземцами» по делам службы, их знание и понимание последних было довольно поверхностным и часто довольно субъективным и превратным, что часто приводило к возникновению так сказать «виртуальной реальности» в умах колониального чиновничества. Их представления о жизни, деятельности, мотивах тех или иных поступков и т. д. местного населения определялось сложившимися стереотипами, и часто были далеки от действительности. Все это приводило к часто неверным и катастрофическим последствиям, к таким, в частности, как восстание 1916 г., где целая цепочка неверных решений колониальных властей, обусловленных этими стереотипами и представлениями, привела к трагическим для всех сторон последствиям.

Различные аспекты жизни чиновного сословия, его политические или социальные контексты жизни рассматриваются в ряде исследований [Sahadeo, 2007; Morrison, 2008 и др.]. Но, к сожалению, не существует работ, специально рассматривающих вопрос о мировосприятии различными слоями колониальных чиновников в Средней Азии местного населения, а также, об их взглядах, отношении и понимании «туземцев», делами которых они призваны были заниматься и управлять. Недостаточно изучено и то, как это сословие воспринимало себя и свою деятельность в крае. Схожие вопросы об отношениях англо-индийского чиновничества и местного населения затрагиваются в исследовании Клайва Дьюи [Dewey, 1993]. Ответ на эти вопросы представляется чрезвычайно важным. Ведь чиновник — это человек, облеченный властью, но, как и всякий представитель «рода людского», имеющий свои взгляды, пристрастия, фобии и так далее. На действия и решения, принимаемым им, в той или иной мере влияет его личное восприятие окружающего мира. От этой «серой массы чиновников» (как их обычно называли и которая, несомненно, не была однородной), имена которых нам часто даже не известны, зависело, как проводились в жизнь решения высшей администрации колонии, принимавшиеся, прежде всего, на основании информации, большей частью полученной от тех же чиновников на местах. Эта информация, после соответствующей «обработки», не исключавшей привнесения чиновником, готовившего документ, своего личного мнения, интерпретации и видения фактов, ложилась на стол «начальства» в виде различных докладных, отчетов, рапортов, записок и т. д. Часто именно на их основе и определяли основные направления политики метрополии на местах. Понимание же того, как

репрезентировал для других и для себя колонию и ее жителей чиновник, управляющий и принимающий решения, дает нам шанс понять подоплеку многих действий, а также скрытых, часто неосознанных движущих сил политики, проводимой местной российской администрацией на «окраинах» империи.

Само собой разумеется, что вся деятельность чиновничества определялась и регулировалась различными инструкциями, положениями, устными или письменными распоряжениями центрального правительства и местной региональной администрации. В свою очередь, чиновники для их исполнения готовили различные приказы, рапорты, доклады, донесения, служебные записки, письма и т. д. В них, несмотря на всю их сухость и канцелярский слог, все же можно различить и человеческое, личное отношение чиновников к управляемым ими территориям и местному населению. Причем, в отличие от различных публиковавшихся статей, записок, воспоминаний путешественников, ученых и исследователей (которые часто и сами были чиновниками), эти документы никогда специально не предназначались для обнародования и публикации. По этой причине они обычно не содержат никаких реверансов в сторону либерально или радикально настроенной общественности, с настроениями которой, вольно или невольно вынужден был считаться любой публикующий свой труд автор. Именно поэтому еще так велико значение архивных документов колониального времени. Изучение этих документов, хранящихся ныне в различных архивах, может показать, как представляли сами для себя чиновники колониальное пространство и обитавших здесь «туземцев», и дополнить репрезентации, содержащиеся в опубликованных трудах.

Отнюдь не претендуя на полноту разрешения проблемы, я постараюсь рассмотреть некоторые ее аспекты на примере восстания 1916 года и отражения его в различных архивных документах. С их помощью мы сможем увидеть участие местного населения в этом восстании, глазами российских колониальных чиновников. Именно во время его очень ярко проявились все страхи и стереотипы, бытовавшие среди колониального чиновничества Туркестана по отношению к местному населению и составлявшие ту «виртуальную реальность», в которой жили колониальные чиновники и общество русского Туркестана.

Прежде всего, это конечно представления, что значительную, если не основную роль, в начале восстания сыграло мусульманское «духовенство», а также неприязнь местных жителей к русским и России. Все эти представления являлись в значительной мере упрощением ситуации и причин восстания, являвшихся, как известно, целым комплексом социально-экономических и других проблем и составляли, как указано выше, своеобразную «виртуальную реальность», в которой жило и работало практически все российское туркестанское чиновничество и вообще колониальное общество в целом. Это показывает, насколько своеобразно и субъективно представляли ситуацию и причины произошедшего российские чиновники, причем даже те, которые провели многие десятилетия в крае. При этом в мои цели отнюдь не входит поиск реальных истоков, причин и целей восстания 1916 года. Я всего лишь попытаюсь показать, как сами российские колониальные чиновники видели, воспринимали и представляли это восстание, его цели, задачи, причины и участие в нем тех или иных лиц и социальных слоев местного населения.

Следует отметить, что как многочисленные экспертные записки, доклады, отчеты, рапорты, письма, хранящихся в различных архивах, так и опубликованные

работы чиновных «знатоков края», демонстрируют подтверждение идеи Э. Саида об инструментализации знания [Саид, 2006]. То есть, оно становилось инструментом для укрепления власти империи в своей колонии. Параллели можно найти в методах англичан, которые использовали для укрепления своего владычества в Индии знание о местных формах и связях [Bayly, 1996]. Таким образом, «колонизальное знание» является чисто европейской конструкцией.

Было бы весьма важным ответить на вопрос: можно ли применить к оценкам российских колониальных чиновников уже достаточно модные (но, тем не менее, актуальные) характеристики саидовского «ориентализма»? Как оценивать с этой же точки зрения статус «колониального эксперта»? Само собой разумеется, ответы на все эти вопросы не могут быть однозначными.

Отнюдь не претендуя на полноту разрешения проблемы, я постараюсь рассмотреть некоторые ее аспекты на примере рапортов, донесений и отчетов российских колониальных чиновников повешенных событиям восстания 1916 года в некоторых районах Туркестанского края.

Здесь я не буду подробно рассматривать подробности восстания, так как это, как уже сказано выше, не входит в мои задачи, а ограничусь лишь описанием и рассмотрением некоторых событий восстания.

Восстание 1916 года охватило огромную территорию современных центральноазиатских государств и Казахстана. Причин восстания было много. Все они составляли комплекс, в котором переплетались как политические, экономические, социальные причины, так и общее недовольство населения методами колониального управления краем и переселением в Туркестан русских крестьян. Недовольство исподволь копилось многие годы, но почти не замечалось властями вплоть до начала восстания. Кстати то же самое было и с Андижанским восстанием 1898 г., которое также оказалось совершенно неожиданным для русских властей [ЦГА РУз, д. 73, л. 1—35]. Как известно катализатором к восстанию явилось Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г. [Высочайшее повеление..., 1916, 1747—1748].

После объявления «Высочайшего повеления» среди местного населения начались возмущения, причем, как отмечали сами российские власти, «характер и размеры их (беспорядков. — *примеч. авт.*) значительно изменялись в зависимости от местных условий по областям и даже отдельным уездам» [Восстание 1916 года..., 1960, 69]. Возмущения, прежде всего, были связаны с неожиданностью этого объявления и тем, что был разгар полевых работ.

Хронологически самое первое выступление произошло 4 июля 1916 г. в Ходженте [Гафаров, 2016, 50—62]. Толпа «туземцев-горожан» собралась у канцелярии полицейского пристава и потребовала отмены составления списка рабочих для отправки на тыловые работы. В результате произошло столкновение и был открыт огонь. Погибли два человека из нападавших и один был ранен [Восстание 1916 года..., 1960, 103—105].

Но, пожалуй, одним из наиболее ярких и жестоких эпизодов восстания 1916 года (помимо событий в Семиречье) является восстание в Джизакском уезде Самаркандской области. Началось оно 13 июля 1916 г. и почти сразу же приняло

чрезвычайно острый характер. В этот день, толпа предъявила требование уездному начальнику Рукину, выдать им списки отправляемых на тыловые работы. После получения отказа произошло возмущение и Рукин с несколькими своими людьми был жестоко убит. На следующий день восстание охватило почти всю территорию уезда.

В ряде мест, как безоговорочно представлялось российской администрации, оно приняло откровенный антирусский характер. Причем, обычно во всех документах подчеркивается, что особенно ярко это проявилось в тех районах уезда, где во главе восставших встали представители мусульманского «духовенства» и потомки бывших местных правителей. В частности, по сообщениям документов, одним из главарей восстания являлся Назыр ходжа. По мнению заместителя военного прокурора генерал-лейтенанта Игнатовича, расследовавшего события в Джизаке, «сигнал этому восстанию подал некий ишан Назыр ходжа, бывший посланцем от города Джизака в Ташкенте [ЦГА РУз, д. 1100, л. 103].

Создается впечатление, что все эти колониальные чиновники несколько преувеличивали влияние мусульманского «духовенства» на начало и ход восстания, хотя конечно их роль, порой довольно значительную отрицать нельзя. Конечно, свести все причины волнений к деятельности каких-либо сил — мусульманского «духовенства», германских или турецких агентов было легче и удобнее для колониальных властей, чем разбираться с глубокими подлинными причинами недовольства «туземцев».

Как уже отмечалось многими исследователями, причины восстания лежали глубоко внутри и коренились, прежде всего, во все нараставшем недовольстве жителей Туркестана методами управления и политикой российских колониальных властей, а также экономическими и социальными причинами. Объявления набора на тыловые работы и деятельность мусульманского «духовенства» явились лишь катализатором и толчком к народному восстанию против русских властей, выливавшееся иногда в стремление к уничтожению всех русских [Котюкова, 2011, 98—126].

Но при этом стоит отметить, что не все представители российской администрации полностью находились в плену той «виртуальной реальности», которая считалась самой верной и очевидной. Так, Туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин считал, что исламский фактор сыграл немалую роль «в деле происшедших беспорядков», но при этом мусульманское «духовенство», «зависящее по своему положению от добродетельных деяний населения, вынуждено было высказывать себя не иначе как борцами за народное дело» [ЦГА РУз, д. 1100, л. 149]. Таким образом, Куропаткин снимает основную ответственность за поднятие восстания с «духовенства», но и не указывает других конкретных виновных.

Но если для восстания на территории Самаркандской, Ферганской и частично Сырдарьинской областей Туркестанского генерал-губернаторства исламский фактор колониальным чиновничествам приводится как основной, то для территории Семиреченской области этот фактор почти или совсем не упоминается или же отражается как второстепенный. В этом отношении весьма интересным представляется «Доклад заведующего Верненским жандармским розыскным пунктом о причинах мятежа «киргизов» в Семиреченской области, его течении и «настроении населения к текущему моменту»» сопровождаемый многочисленными приложениями от ноября 1916 года [РГИА, д. 1933а, л. 475—50].

В отличие от документов отражающих события в Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областях Туркестанского генерал-губернаторства, часто называемых «коренными», где обычно превозносится значение исламского фактора и роли мусульманского «духовенства» в восстании 1916 года, в документах, исходящих от российских чиновников Семиреченской области, эти факторы обычно не возводятся в ранг определяющих и основных в происшедших событиях. В значительной мере восстание местного населения здесь связывается со злоупотреблениями Императорского Российского консульства в Кашгаре Т. Ф. Стефанович в Докладной записке в МИД о восстании в Семиреченской области и вызвавших его причинах. Он пишет: «Господствуя почти неограниченно над киргизской темной массой, над ее имуществом и чуть ли ее жизнью..., манапы усматривали в призыве Киргиз на работы угрозу своему безответственному и неограниченному господству над ними. Главари это прекрасно сознавали, что власть их держится только благодаря невежеству и темноте киргиз, которые в общей своей массе, помимо гор и своего аула, ничего не видели, с призывом же на работы у этой же самой массы неизбежно, как результат более тесного общения с русским населением, могли зародиться хотя бы элементарные представления о праве, что в дальнейшем принесло бы и конец господству манапов. Последние могли предвидеть это, наблюдая проявления обнаружения противодействия в отношении к своим манапам со стороны киргиз, переведенных на оседлое положение, каковой перемене киргизского быта противодействовали, в силу вышеизложенных причин, опять-таки манапы. При таких условиях манапам предстояла дилемма отказаться от главенства и власти, которые перешли бы к другим лицам, их противникам, пожелавшим бы использовать такой благоприятный момент, как всеобщее брожение среди киргиз, вызванное призывом рабочих, или же самим остаться во главе послушных им масс, имея к тому же в перспективе возможность грабежа и легкой наживы за счет мирного русского населения.

Вот почему почти во всех волостях руководителями мятежа оказались волостные старшины, которые, казалось бы, должны были быть безупречными исполнителями воли своего начальства и проводниками среди киргиз идей русской власти» [АВПРИ, д. 28, л. 4—5].

Кроме того, Стефанович обвиняет и местные российские власти в «известной близорукости и даже преступной неосведомленности» [Там же, 5] о подготовке восстания.

При этом, как глава жандармов г. Верный, так и драгоман Кашгарского консульства, так же живут как бы в «виртуальной реальности», но другого характера. В ней во всем виноваты равнодушные, недобросовестные и неспособные чиновники, «туземные власти» и русские крестьяне-переселенцы и казаки, а местное население всего лишь жертва этих людей, обстоятельств и своей «темноты», из-за чего они и подняли восстание, приведшее к столь трагическим последствиям. Причем, для Семиреченской области эти представления постепенно также стали если не господствующими, то одними из основных, также как в остальных областях Туркестанского края, для представителей чиновничества и колониального общества была почти несомненна вина в восстании, прежде всего, местного населения.

Все эти сложившиеся стереотипы и представления укоренившиеся в умах российских чиновников в незначительной мере не позволяли им видеть всех подлинных причин восстания 1916 года, сводили все лишь к узколобому фанатизму местного населения и ненависти к русским «кафирам» и желанию освободиться из под власти последних, или же сводили все к простому равнодушию, недобросовестности, злоупотреблениям и неспособности российских властей в Семиречье. Это видно из многочисленных документов, которые составлялись до, во время и после восстания 1916 года.

Например, еще в 1915 года высказывалось мнение, что местное население Туркестанского края нельзя привлекать на «натуральную» военную службу из-за их неблагонадежности, не лояльности и даже враждебности по отношению к Российскому государству [АВПРИ, д. 340 б, л. 5—5, 1—4, 8—16, 31—33]. Но здесь опять же все сводилось лишь к белому или черному, лояльности или не лояльности. Именно это отсутствие полутонов в значительной мере и приводило к тем многочисленным конфликтам и недоразумениям между российскими властями Туркестана и местным населением, приведшим в конечном итоге к трагедии 1916 года.

Одним из последствий восстания 1916 года было то, что заставило колониальные власти вновь обратить пристальное внимание к исламскому фактору и мусульманскому «духовенству» и искать, по крайней мере, в некоторых районах, именно в нем источник «возмущения» как против мобилизации населения на тыловые работы, так и российской власти вообще. Часто виновность и участие «духовенства» обосновывалось просто тем, что «если бы они (муллы и ишаны. — *примеч. авт.*) возвысили голос и обратились к общей массе населения с разъяснениями и указаниями на текст корана о повиновении сему распоряжению, то, безусловно, все обошлось бы спокойно» [ЦГА РУз, д. 905, л. 333]. Таким образом, нейтральную позицию мусульманского «духовенства» в вопросе призыва рабочих многие российские чиновники претенциозно были склонны расценивать как враждебную русской власти.

Очень трудно ответить на вопрос: насколько велико или же мало было участие мусульманского «духовенства» в восстании 1916 года, да это и не входит в мои задачи. Но как бы то ни было, в представлении многих российских чиновников, в той «виртуальной реальности», в которой они жили и работали, это участие было довольно значительным, а иногда и решающим, при этом их не интересовали особые доказательства. Это признавалось как данность, как факт еще со времен Андижанского восстания 1898 года.

То же самое можно сказать и о представлении, что именно злоупотребления, недобросовестность и равнодушие российских властей стали причиной восстания в Семиречье. И именно в этой предубежденности и стремлении чиновников, прежде всего выгородить самих себя, возможно и крылась причина того, что колониальное чиновничество проморгало начало возмущения населения против российской власти, в котором пресловутое «Высочайшее повеление» о призыве на тыловые работы явилось, в значительной мере, всего лишь катализатором приведшее к трагической для всех сторон развязке.

Литература:

1. *Басханов М. К.* Русские востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. — М., 2005. — 296 с.
2. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. — М., 1960. — 796 с.
3. Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и для всяких иных необходимых для государственной обороны работ» от 6 июля 1916 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства издаваемое при Правительствующем Сенате за 1916 г. — СПб., 1916. — С. 1747—1748.
4. *Гафаров Н. У.* Худжанд (Ходжент) — колыбель среднеазиатского восстания 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сборник докладов Международной научно-практической конференции. Г. Москва, 18 сентября 2015 г. — М., 2016. — С. 50—62.
5. *Лунин Б. В.* Историография общественных наук Узбекистана. Библиографические очерки. — Ташкент, 1974. — 384 с.
6. *Котюкова Т. В.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 8. — С. 98—126.
7. *Милибанд С. Д.* Библиографический словарь советских востоковедов. — М., 1977 — 768 с.
8. *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб., 2006. — 637 с.

На иностранном языке:

9. *Dewey Clive.* Anglo-Indian Attitudes: The Mind of the Indian Civil Service. — London, 1993. — 292 pp.
10. *Bayly Chris.* Empire and Information. Intelligence gathering and social communication in India 1780—1870. — Cambridge, 1996. — 334 pp.
11. *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand (1868—1910). A Comparison with British India. — New York, 2008. — 364 pp.
12. *Sahadeo J.* Russian colonial society in Tashkent: 1865—1923. — Bloomington-Indianapolis, 2007. — 316 pp.

Архивные материалы:

13. АВПРИ. Ф. Консульство в Кашгаре. Оп. 630. Д. 28.
14. АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 34.
15. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933а.
16. РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 549.
17. РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933а.
18. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 25. Д. 73.
19. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1100.
20. ЦГА РУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 905.

ИНОМЖОН МАМАДАЛИЕВ

д. и. н., профессор,
Худжандский государственный университет,
Худжанд, Таджикистан.
E-mail: m_inom2006@mail.ru

Восстание 1916 года: через призму XXI века (к вопросу пересмотра даты начала восстания)

С 2014 года для историков и исследователей колониального периода, изучение Центральной Азии в составе Российской империи, вновь становится актуальным в связи с 150-летием завоевательного процесса и владычества колониально-административной системы и 100-летием восстания 1916 года.

Этот вопрос широко рассматривался в советское и постсоветское время. Одним из первых авторов, который попытался показать свою позицию, по определению основных причин восстания, был очевидец событий Т. Рыскулов. Автор в статье «Из истории борьбы за освобождения Востока» [Рыскулов, 1924, 270—274], доказывал, что восстание 1916 года было спровоцировано колониальной администрацией. В статье автор стремился показать картину насильственного захвата и бесчинство колониальной политики царизма. В эту дискуссию включился также современник этих событий Г. И. Бройдо [Бройдо, 1925, 29], его статья была опубликована в журнале «Новый Восток». Он, поддержав мнение Т. Рыскулова, попытался доказать, что восстание было порождено непосредственно провокационной политикой русского правительства.

Данному событию посвящено немало трудов таких как, например: «Восстание 1916 года в Казахстане» [1947, 213], «Восстание 1916 года в Киргизстане» [1937, 169], «Восстание 1916 года в Туркмении» [1938, 317], «Восстание 1916 года в Средней Азии» [1932, 90], «Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг.» [1955, 590], «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» [1960, 786].

Долгое время велись острые споры по вопросу о характерных чертах среднеазиатского восстания 1916 года. Этой проблеме был посвящен ряд мероприятий, например научная конференция историков Киргизии во Фрунзе (ныне Бишкек) в 1953 году, совещания историков Туркменистана (1953 г.) в Ашхабаде и Объединенная сессия среднеазиатских историков в Ташкенте в начале 1954 года, а также объединённая научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода, где участвовали историки из Москвы, Ленинграда, Азербайджана, Татарстана и других республик. Важность этих конференций в том, что именно в них был определен характер этого сложного и многогранного процесса.

Серьезные исследования в этом вопросе велись учеными П. А. Ковалевым «Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916 — май 1917 г.)» [Ковалев, 1957, 32—33]; Х. Т. Турсуновым «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» [Турсунов, 1962, 428]; К. Усенбаевым «Восстание 1916 года в Киргизии» [Усенбаев, 1967, 327]; З. Раджабовым «Шуриши соли 1916 дар музофоти

Хучанд» [Раджабов, 1955, 26]; Б. И. Искандаровым «Восстание 1916 г. в Ходжен-те и его влияние на другие районы Средней Азии» [Искандаров, 1967, 46—52]; Г. Х. Хайдаровым заключается в следующем: «Восстание 1916 года — одно из самых трагических «О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана» [Хайдаров, 1967]; Амангельды Имановым «Статьи, документы, материалы» [Иманов, 1974, 264]; И. А. Стеценко «Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв.» (1870—1917 гг.) [Стеценко, 1963, 96].

В целом, события 1916 года, потрясшие колониальное пространство в историографии, именуются Среднеазиатским восстанием, которое охватило всю территорию Туркестанского и Степного края — или современный Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан и Казахстан.

Исследуя историю восстания 1916 года, можно в определенной степени получить достаточно широкую картину о состоянии Туркестанского края, таким образом, можно выявить невыясненные моменты, приведшие к социально-политическим потрясениям в последующие годы.

Документы убедительно показывают, что восстание 1916 года в подавляющем большинстве районов Центральной Азии почти повсеместно носило национально-освободительный и антицарский характер.

Говоря о характере событий 1916 года в Туркестанском крае, безусловно — «мы имеем выступление угнетенных классов... как своей туземной буржуазии, так равно всех других эксплуататоров без различия национальностей и русской администрации как защитника этих эксплуататоров» [Козыбаев, 1994, 55—60].

В таком подходе к проблеме чувствуется доминирование марксистско-ленинской методологии о классовой борьбе. Это понятно по одной простой причине, потому что на протяжении всего советского периода (да, и сегодня встречается немало исследователей, которые еще не отошли от этой концепции. — *примеч. авт.*), исследования независимо от характера и содержания проводились в рамках этой идеологии. Надо отметить, что авторы, пропитанные этим духом, наряду с классовым подходом подчеркивали также антиколониальный и национально-освободительный характер восстания.

Однако со временем появляются новые материалы или исследования, свободные от идеологического табу, которые дают возможность переосмыслить или переоценить этот вопрос. Тем не менее, и в наше время по поводу восстания 1916 года ведутся споры, а также существуют разногласия между историками независимых среднеазиатских республик, так как на современном этапе они используют новые концептуальные подходы и предлагают новые научные позиции по данному вопросу.

Важным моментом является то, что еще на заре советского строительства под эгидой изучения истории партии, шла широкая дискуссия о характере восстания 1916 года, и в эту научную дискуссию был включен не только широкий круг ученых, но и очевидцев и участников тех событий. Надо отметить, что еще тогда выдвигались разные смелые теории. На основании выдвинутых концепций можно сказать, что среднеазиатское восстание было специально спровоцировано царской администрацией с целью обосновать плацдарм для ввода большего контингента войск. Такая политика царизма преследовала следующую цель — в будущем продвинуться в Западный Китай. Помимо этого, оно было спровоци-

ровано с целью присвоения богатых (имеется виду полезные ископаемые. — *примеч. авт.*) и плодородных земель в рамках аграрной, переселенческой политики.

Наряду с другими исследователями историки Кыргызстана на конференции, посвященной 100-летию восстания, выдвинули свою точку зрения. Их оценка страниц истории кыргызского народа. К 1916 году на территории Средней Азии обострились этнические и религиозные различия между коренным и переселенческим населением. Более 170 тысяч человек погибло от рук карателей в те лихие годы, более 130 тысяч бежали в Китай, погибая от болезней, голода и холода. Это время в народе называли «Үркүн», что значит «Смятение» [Восстание 1916 года..., 2011].

Из выше приведенного текста становится очевидным, что для кыргызского народа это событие имело антикыргызскую направленность, потому что в ходе этих событий было совершено бесчисленное количество убийств с обеих сторон. Важно то, что эти страницы умалчивались кыргызскими исследователями.

На научно-практической конференции, посвященной восстанию 1916 года, академик К. Нурпеисов отметил, что «восстание 1916 г. было апогеем в борьбе за освобождение казахского народа в колониальном периоде, когда этот народ был поработен Российской империей... Все цифры о количестве жертв восстания, приводящиеся исследователями, сильно занижены» [Нурпеисов, 2006, 80—86].

Другой исследователь М. К. Козыбаев, исследуя этот вопрос, приходит к следующему заключению — «основной колониальной системы, как составная часть мирового национально-освободительного движения... Его надо рассматривать в связи с мировой империалистической войной, но и вместе с тем, как революцию, равноправную с февральской» [Козыбаев, 1994, 55—60].

Историками Казахстана выдвигалось много вариантов, а главным образом это восстание постарались сравнить с мировыми революциями. Однако академическое издание «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» этот вопрос рассматривает как «национально-освободительное восстание 1916 года» [История Казахстана..., 1994, 636—651].

Из приведенных материалов следует сделать следующий вывод, что казахские исследователи больше склонны политизировать и приравнивать восстание к более высокому уровню борьбы. Однако они упускают один момент, что восстание или национально-освободительная борьба изначально было лаконичным и политически не сформированным. Соответственно приравнивание к более высокому уровню, на наш взгляд, было бы ошибочным.

Позицию узбекских исследователей этого периода в данном вопросе можно сформулировать следующим образом. В период независимости их позиция изменилась, и на данный момент история, связанная с колониальным периодом называется «периодом империи зла». Соответственно, по их мнению, «мобилизация изначально была задумана как демонстрация верности масс царю и Отечеству. Однако она носила классовый характер и нацеливалась на внесение раскола в ряды освободительного движения трудящихся. Так, в соответствии с разъяснениями к указу для степных регионов, от набора освобождались чиновники волостных, сельских и аульных администраций, их вооруженная охрана, духовенство, так называемые «почетные граждане», учащиеся медресе и др. Кроме того, каждый подлежащий призыву мог нанять другого и, откупившись, послать его вместо себя. Таким образом, власти намеревались «очистить» Туркестанский

край от политически «вредных элементов», руководителей и наиболее видных участников антиправительственных волнений, различных оппозиционных движений и течений, вышедшим из «низов» [Ниязматов, 2010].

Об этом свидетельствует и следующий эпизод: «Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале. Словом, сверху донизу, отправителя канцелярии генерал-губернатора до туземной (местной. — *примеч. авт.*) администрации, живой человеческий материал, составлявший аппарат власти, — мошенники и хищники. Хищничество администрации — одна из предпосылок восстания» [Красный архив, 1926, 3].

Из приведенного факта следует, что целенаправленная колониальная политика в этот период накопила множество наболевших политических и социально-экономических проблем, переполнивших чашу терпения и привела к волнению подавляющей части традиционного общества. Однако сценарий событий показал, что колониальная администрация как и официальный Санкт-Петербург придерживались консервативной позиции. Именно такая позиция привела к таким бессмысленным кровопролитиям не только в центральных районах Российской империи, а также в колониальном Туркестане, где такие волнения подавлялись с той же жестокостью.

Из этого следует, что позиция узбекских историков заключается в следующем, что независимо от характера и содержания эта борьба была направлена против «империи зла».

А позиция туркменских историков заключается в следующем: восстание 1916 года — это крупнейшее из массовых выступлений в Средней Азии за 50 лет владычества русской власти и естественно, что у такого масштабного явления не могло быть единственной причины. Дискуссия о причинах восстания длится до сих пор. В настоящее время делается упор на национальный момент, и восстание рассматривается как начало пробуждения национального самосознания.

Помимо этого, восстание в Туркмении совпало с периодом острой борьбы родов и кланов, поэтому этот процесс приобрел более сложный характер, потому что внутренняя торгово-территориальная борьба, с одной стороны, приобрела ультрарадикальный характер, то есть пантюркизм и панисламизм, которые стремились вести «священную войну». С другой стороны, миграция туркменских родов за пределы Туркестанского края привела к обострению приграничной ситуации. Именно эти моменты приобрели широкий масштаб. Это дает понять, что восстание в Туркмении не имело такого острого характера как в других областях края, хотя есть моменты недовольства против указа о реквизиции.

У таджикских исследователей также существует научная позиция, которая отражена в академическом издании «История таджикского народа» (2010). Это историческое событие в истории Таджикистана оценено как национально-освободительная борьба. Важно отметить, что восстание началось в крае именно в Северном Таджикистане, то есть в Ходженге.

Наряду с общим обзором мне бы хотелось вкратце напомнить читателю о ходе этого события.

Восстание населения Русского Туркестана 1916 года, является, одним из важнейших событий в истории социально-политического движения. Рассматривая этот период, мы становимся очевидцами первой попытки яркого выступления

народных масс, осмелившихся в условиях колониального владычества царской России выступить против сильной, устоявшейся десятилетиями административной системы.

Народное волнение было направлено, прежде всего, против колониальной администрации Туркестанского генерал-губернаторства, но в общем политическом процессе пострадала сама администрация, препятствуя восставшим в их действиях. Общеизвестный факт, что восстание имеет политически незрелый характер, потому что оно произошло неожиданно как взрыв вулкана без всяческой предварительной подготовки, охвативший весь край, и эта революционная волна объединила все народы, которые в разные периоды и по разным причинам враждовали между собой.

Также известна главная причина восстания — набор местного трудового населения на тыловые работы фронта. Чашу народного терпения переполнил царский указ от 25 июня 1916 г. о «реквизиции» местного коренного населения края на тыловые работы. На основании Указа царя Туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин издал соответствующий приказ (от 8 июля 1916 г.) о привлечении «к работам по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии инородцев Российской империи, освобожденных от воинской повинности и, в частности, туземного населения Туркестанского края» [Рыскулов, 1924, 270—274].

Все это вытекало из характера колонии и господства над ней. Будучи уверенными в лояльности, царская администрация с полным правом видела в местном трудовом населении характерные черты покорности и исполнительности, чем у русских рабочих и крестьян. По-другому можно назвать «даровой» рабочей силой, потому что их можно было использовать по своему усмотрению, причем без всякого опасения. А с другой стороны, это могло освободить русские нижние чины и рабочих, в которых была большая нужда.

Вот о чем свидетельствует сообщение военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошина и.о. начальника штаба войск Туркестанского военного округа Н. Н. Сиверсу о начале восстания в области и о необходимости усиления гарнизона войсками (от 7 июля 1916 г.): «На запрос о размерах добавки войск в гарнизоны и их дислокаций по пунктам области я лишен возможности дать теперь вашему высокоблагородию необходимые сведения, так как совершенно не могу предвидеть, какие размеры могут принимать беспорядки на почве наряда инородческого населения рабочих, и в каких именно пунктах понадобится применение военной силы» [Хайдаров, 1967, 2—5].

Мне бы хотелось обратить внимание читателя на дату начала этого события. Потому что в историографии среднеазиатских республик 4 июля считается началом восстания. Почему-то исследователями упущен материал, который свидетельствует о другой дате начала восстания. Сопоставление некоторых материалов, которые являются одинаковыми по характеру и содержанию и являются достоверными, свидетельствует о том, что началом восстания следует считать 3 июля. Ниже приведен архивный материал, который, на мой взгляд, является весомым аргументом для пересмотра даты начала восстания.

«2 июля в Ходженте скопились жители окрестных кишлаков. Примерно в это же время повсеместно началось составление списков. Почувствовав страх перед

собиравшимися массами, подполковник Рубах потребовал от начальников всех постов уезда три раза в день сообщать ему о ходе подготовки рабочих к отправке.» [История таджикского народа, 2010, 806—807].

«Первое же выступление недовольных людей, имевший характер бунта, произошло 3 июля (1916 г.), когда в г. Ходжент, толпа местных собралась у квартиры пристава и произвела буйство, для прекращения которого без вызова администрации явились нижние чины, произвели несколько выстрелов в толпу и толпа расступилась.» [Хайдаров, 1967, 2—5].

Если судить по хронологической последовательности, то события 3 июля можно по праву считать началом восстания.

Об этом свидетельствует и следующий факт, как например телеграмма полковника Рубаха на имя уездного начальника Н. С. Лыкошина, которая гласит: «Если хотим чтобы восстание не обрело всеобщий характер, составление списка на тыловые работы временно приостановить.» [Каримов, 1966, 58].

События же 4 июля можно считать вторым днем народного волнения, происходившего в Ходженте, которое на мой взгляд не отличались по характеру, но были более масштабными и стихийными. Надо отметить, что несмотря на споры историков, факт остается фактом, что началом восстания является именно вышеуказанная дата и это не вызывает сомнения.

Итак горожане, явившись в канцелярию полицейского пристава, потребовали отмены составления списков рабочих для отправки на тыловые работы. «Несмотря на разъяснение и уговоры полицейских властей разойтись, толпа продолжала шуметь и требовать. Когда же полицейские стали оттеснять толпу, горожане оказали сопротивление, нанося им побои.» [ЦГИА Респ. Узб., д. 660, л. 2—5].

«Озлобленные, доведенные до отчаяния трудящиеся, вооружившиеся чем попало — палками, камнями, ножами, кетменями, серпами, иногда ружьями, бросались на представителей царской администрации с криками «Не дадим людей».

Выбежавшие к месту происшествия из вблизи расположенного караула пять нижних чинов Ходжентской караульной команды, находившиеся в наряде на случай беспорядка были моментально окружены толпой.

В это время со стороны толпы раздался выстрел, вследствие чего эти нижние чины и часть остальных той же команды, рассыпанная по валу крепости, открыли огонь по толпе, сделав 16 выстрелов, последствием которых оказалось два убитых и один раненый. Толпа немедленно рассеялась.» [Там же].

Но это не успокаивало чинов уезда, и в целях избегания новых стычек, начальник Ходжентского уезда попросил военного губернатора Самаркандской области Н. С. Лыкошина о предоставлении по одному пулемету городам Ходжент и Ура-Тюбе и полусотню казаков, все эти предположения, вызваны при условии использования войсками городов Ходжента, Джизака и Катта-Кургана [Хайдаров, 1967, 2—5].

В заключение хотел бы отметить некоторые моменты: во-первых, независимо от различных оценок, это событие сыграло важную роль в политическом пробуждении народов Туркестанского края; во-вторых, это событие по содержанию началось как восстание, а затем, расширилось и приобрело национально-освободительный характер; в-третьих, до сих пор существует небольшое количество неисследованных моментов: роль личностей, роль политического движения джадидизма, пантюркистов, панисламистов в восстании.

Исследования данного вопроса условно можно разделить на три этапа: 1) 20—30 годы (XX в.), становления советской исторической науки, несмотря на существование различных взглядов, они были сведены к коммунистической идеологии; 2) 50—60-е годы, период пересмотра причин и характера восстания, но умалчивание многих моментов истинной истории; 3) с 1991 г., период пересмотра национальных историй народов Центральной Азии.

Литература:

1. Бройдо Г. И. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. // Новый Восток. — М., 1925. — № 6. — 29 с.
2. Восстание 1916 года в Казахстане. — Алма-Ата, 1947. — 213 с.
3. Восстание 1916 года в Киргизстане. — М., 1937. — 169 с.
4. Восстание 1916 года в Туркмении. — Ашхабад, 1938. — 317 с.
5. Восстание 1916 года в Средней Азии. — Ташкент, 1932. — 90 с.
6. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. док. — М., 1960. — 786 с.
7. Восстание 1916 года: нужно чаще ворошить прошлое, чтобы легче жилось в будущем... 2011. <<http://polit.kg/newskg/143>>
8. Иманов А. Статьи, документы, материалы: сост. М. Козыбаев, П. М. Пахмурный / Под ред. С. Б. Бейсенбаева. — Алма-Ата, 1974. — 264 с.
9. История таджикского народа / Под общ. ред. Р. М. Масова. — Душанбе, 2010. — Т. IV. — 1124 с.
10. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. — Алматы, 1994. — Т. III, гл. 5, разд. 3. — 235 с.
11. Искандаров Б. И. Восстание 1916 г. в Ходженте и его влияние на другие районы Средней Азии // Известия ООН АН Тадж. ССР. — Душанбе, 1967. — С. 46—52.
12. Каримов Т. Шуриши соли 1916 дар Тоҷикистон. — Душанбе, 1966. — 91 с.
13. Красный архив // К вопросу восстания Киргиз 1916 года. — М., 1926. — № 3 (16). — 235 с.
14. Козыбаев М. К. Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение // Сб. ст. Вып. II. — Алматы, 1994. — С. 55—60.
15. Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны (1916 — май 1917 г.). — Ташкент, 1957. — С. 32—33.
16. Начало революционного движения в Туркмении в 1908—1917 гг. — Ашхабад-Москва, 1946. — 181 с.
17. Нурпеисов К. Каркаринского национально-освободительного движения казахского народа против царской колониальной деспотии // Материалы научно-теоретической конференции посвященный 90-летию восстания 1916 года. — Алматы, 2006. — С. 80—86.
18. Ниязматов М. «Белые пятна» истории Малоизвестные страницы Восстания 1916 года в сердце Азии. 2010. < <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1288849620> >
19. Раджабов З. Шуриши соли 1916 дар музофоти Хучанд. — Душанбе 1955. — 26 с.
20. Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. — 1924. — № 6. — С. 270—274.
21. Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870—1917 гг.). — Душанбе, 1963. — С. 96.
22. Турсунов Х. Т. Восстание 1916 годы в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962. — 428 с.
23. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — 327 с.
24. Хайдаров Г. Х. О предпосылках восстания 1916 г. в северных районах Таджикистана // Известия ООН АН Тадж. ССР. — Душанбе, 1967. — С. 46—52.

Архивные материалы:

25. ЦГИА Респ. Узб. Самаркандское областное правление. Ф. 2. Д. 660.
26. ЦГВИА ГУГШ. Оп. 2. д. 2390.

ТОМОХИКО УЯМА

*PhD, профессор,
Центр славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо,
Саппоро, Япония.
E-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp*

Почему крупное восстание произошло только в Центральной Азии? Административно-институциональные предпосылки восстания 1916 года

Несмотря на то, что многие исследователи изучают восстание 1916 года в Центральной Азии, до сих нет ответа на фундаментальный вопрос: Почему крупное восстание произошло только в Центральной Азии, тогда как мобилизация была объявлена также среди «инородцев» Сибири, Кавказа и Калмыкии? В этой статье я попытаюсь ответить на этот вопрос, анализируя некоторые институциональные и практические особенности администрации в Центральной Азии в царский период.

Многие советские и постсоветские историки утверждали, что главной причиной восстания был колониальный гнет, и высочайшее повеление о тыловых работах послужило лишь поводом к нему [История Казахской ССР..., 1979, 442—445]. Любопытно, что различие между причиной и поводом к восстанию было впервые отмечено на собраниях представителей уездной администрации, торгово-промышленных фирм и русского населения городов Ферганской области под председательством временного и. д. военного губернатора Павла Иванова в конце июля и начале августа 1916 г. Участники собраний высказались о том, что высочайшее повеление и принятие мер к проведению его в исполнение «послужило лишь поводом к возникновению наблюдавшихся в области беспорядков, самая причина каковых более глубока», заключающаяся в «особенностях туземцев и в их фанатизме», и «вероятна возможность заранее подготовленного внешнего влияния и пропаганда на почве религиозной и политической» [Восстание 1916 года..., 1960, 219—223]. Ранее в июле полковник П. П. Иванов руководил карательным отрядом, жесточайшим образом подавившим восстание в Джизаке. Во время гражданской войны он стал военным деятелем Белого движения под фамилией Иванов-Ринов и работал военным министром Временного Сибирского правительства. То есть, эта формулировка была первоначально использована для того, чтобы переложить ответственность за возникновение восстания с правительства и местной администрации на «фанатичное» население и внешнюю пропаганду.

Позднее некоторые чиновники различали повод и причину для более или менее объективного анализа восстания в Семиречье. Так, и. д. военного губернатора Семиреченской области Алексей Алексеев во всеподданнейшем рапорте от 4 марта 1917 г. писал: «Причины недовольства местных кочевников остаются в точности еще не выясненными, но, несомненно, одной из главных явилась широкая колонизация Семиречья русским элементом,... Ближайшим же поводом

к возникновению беспорядков послужило неправильно понятое распоряжение о призыве туземцев на работы в тылу армии» [Там же, 405, 408].

Схожую позицию, хотя в обвинительном в отношении царской власти тоне, принял один из первых советских исследователей восстания 1916 года казахский коммунист Турар Рыскулов. Он писал: «Мобилизация на тыловые работы туземных рабочих послужила лишь поводом к восстанию туземцев Туркестана в 1916 году, а не основной его причиной. Главнейшие причины... заключались именно в тех глубоких, экономических и политических противоречиях, которые создавались в результате безудержно колониальной эксплуатации царизмом Туркестана в течение 50-ти лет своего владычества...» [Рыскулов, 1924, 268]. Именно такая формулировка прижилась в советской историографии, потому что она соответствовала марксистскому подходу, придающему большее значение социально-экономическим корням исторических событий, чем их вероятным причинам (или поводам). Нужно признать, что она полезна и для понимания восстания в Семиречье, где большое значение имело недовольство кыргызов земельным вопросом в связи с переселением русских крестьян [Akiyama, 2016, 127—147, 183—188]. Тем не менее, она сохраняет свое решающее значение наряду с самим призывом на тыловые работы в качестве повода восстания.

Как я ранее писал [Уяма, 2001, 80—83], само повеление о тыловых работах было одним из существенных причин восстания. Оно было подготовлено в спешке, без обсуждения в Государственной Думе и без консультации с генерал-губернаторами и губернаторами. Более того, приказ о привлечении населения «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии» без объяснения конкретного содержания этих работ спровоцировал распространение ложных слухов о смертельной опасности работ, якобы проводимых под обстрелом. Отсутствие в повелении указания способа и процесса мобилизации создало возможность ее манипуляции чиновниками и местными администраторами, которая породило недовольство народа.

Если само объявление о мобилизации было одним из главных причин восстания, то возникает вопрос: Почему крупное восстание произошло только в Центральной Азии, тогда как мобилизация была объявлена и инородцам других регионов империи? Вкратце рассмотрим ситуации в других регионах.

Часть калмыков Астраханской губернии выражала недовольство или избегало мобилизации, хотя многие подчинились высочайшему повелению, и 15 сентября начался призыв на тыловые работы. МВД предложило ламе калмыцкого народа принять меры к широкому разъяснению высочайшего повеления, и в рабочие команды были назначены гелюрги (священнослужители). А некоторые калмыки предложили сформировать для отправки на фронт калмыцкий полк на своих лошадях и за свой счет, но губернатор отклонил это предложение, считая, что калмыки таким образом намеревались перейти в казачество с целью получения земельных выгод [Максимов, 2014, 69; Очерки истории Калмыцкой АССР, 1967, 379—384].

Среди бурят Южной Сибири наблюдался рост переселения в Монголию вместе со скотом, которое раньше началось из-за трудного экономического положения в военное время, но теперь было связано с уклонением от мобилизации на тыловые работы. Однако активного сопротивления среди них не наблюдалось и уже в начале августа 1916 года была отправлена первая партия рабочих,

хотя основная масса была мобилизована, как и в других регионах, после 15 сентября. В целом, свыше двадцати тысяч бурят были отправлены в Архангельск и северо-западный фронт при содействии нойонов (родовых правителей), буддийского и православного духовенства, и лекари-ламы сопровождали рабочих [История Бурят-Монгольской АССР, 1954, 470—473].

В Якутии тоже не было активного сопротивления, хотя многие выезжали в отдаленные участки, чтобы уклониться от мобилизации. Вскоре мобилизация была отменена правительством по ходатайству Ленского золотопромышленного товарищества, утверждавшего, что с призывом якутов, являвшихся главными поставщиками мяса, масла и других продуктов на прииски и работавших по заготовке и доставке лесных материалов, произойдет сокращение добычи золота. Лензолото также отказалось от предоставления своих пароходов для перевозки призванных якутов [Федоров, 2013, 218-227].

На Кавказе наместник великий князь Николай Николаевич в телеграмме от 24 июля 1916 года сообщил царю Николаю II, что одно известие о призыве вызвало глухое брожение, так как мусульмане, особенно те, кто сознавал себя способным нести военную службу, считали для себя тыловые работы зазорными. Он попросил царя дать ему полномочия привлечь мусульманское население Кавказа на военную службу и тыловые работы на добровольной основе, предупреждая, что иначе произойдут беспорядки. Соглашаясь с великим князем, царь отменил принудительную мобилизацию мусульман Кавказа на тыловые работы [Николай II..., 1925, 37, 138—140]. Как сообщил великий князь, в некоторых местностях Северного Кавказа ранее были протесты, иногда переходящие в вооруженные выступления. В частности, в селе Аксай Хасавюртовского округа, где преимущественно жили кумыки, в середине июля произошли крупные стычки между сельчанами и карательным отрядом, хотя они выступили против реквизиции подвод с лошадьми и извозчиками, а не непосредственно против призыва на тыловые работы [Суханова, 2011; Муцалханов, 2011].

Ситуация на Алтае была не менее беспокойной. Алтайцы, как и казахи, думали, что объявляя мобилизацию, царь нарушил обещание не брать их в солдаты, данное им во время присоединения к России. Мессианистское движение бурханистов, достигшее кульминации в 1904 году, снова активизировалось. В начале августа 1916 года на сборном пункте мобилизованные свыше 1 000 человек отказались от работы и пытались оказать сопротивление русскому начальству и казачьей команде, вооружившись камнями и палками. Однако позже военный отряд насильно реквизировал рабочих [Данилин, 1936; Зиновьев, Карих, 1997].

Таким образом, попытки уклониться от призыва на работы были широко распространены, и местами произошли и локальные сопротивления, но нигде кроме Центральной Азии не было массовых и продолжительных восстаний. Кавказ и Якутия отличались от Центральной Азии тем, что в этих регионах отменили принудительный призыв на работы. Это, конечно, немаловажная причина, учитывая, что такие же меры могли остановить эскалацию восстания и в Центральной Азии: в Ферганской области произошли беспорядки во многих городах и селениях с 9 по 16 июля, но не переросшие в крупные кровавые столкновения. Они прекратились сразу после того, как военный губернатор Александр Гиппиус самовольно объявил набор добровольцев на тыловые работы [Шварц, 2016]. Но имея в виду, что масштаб беспорядков, которые произошли сразу после объявления

призыва, был сравнительно больше в Центральной Азии, невозможно объяснить отсутствие широкомасштабных насильственных выступлений в других регионах в связи поздней отменой призыва.

Различие ситуации можно частично объяснить спецификами других регионов. Так, можно предположить, что калмыки и буряты были сравнительно хорошо хорошо знакомы с работами, связанными с российской армией, поскольку часть их соплеменников служила в Донском, Оренбургском и Забайкальском казачьих войсках. А российские власти на Северном Кавказе, где неоднократно происходили восстания и беспорядки с XIX в., осторожно относились к нововведениям, чтобы не спровоцировать местное население. Подобная обстановка могла повлиять на вышеуказанное поведение губернатора Ферганской области, которая считалась самым беспокойным регионом в Центральной Азии. Но в настоящей статье я хотел бы обратить внимание на институциональную разницу в администрации между Центральной Азией и другими регионами.

В Центральной Азии не было метрических книг, и посемейные списки часто были неточными или утерянными. Когда был объявлен призыв на тыловые работы, местным («туземным») администраторам пришлось составлять список лиц, подлежащих мобилизации, не имея конкретных данных. Богатые люди и сама администрация часто манипулировали списком (или подозревались в том, что манипулировали) и меняли возраст, чтобы неугодные им были мобилизованы, а их сыновья — нет. Хотя формы сопротивления были различными, самым распространенным поведением на начальной стадии восстания в Центральной Азии были атаки на туземную администрацию и изъятие посемейных списков или списков призываемых.

Среди инородцев Российской империи православные христиане, такие как якуты и часть бурят и алтайцев, были записаны в церковные метрические книги. С 1828 года метрика была постепенно введена и в отношении мусульман, подведомственных Оренбургскому магометанскому духовному собранию и Таврическому магометанскому духовному правлению (отделенному от Оренбургского в 1831 г.). В 1873 году ведение метрических книг было распространено и на мусульман, подчиненных Закавказскому магометанскому духовному правлению [Усманова, 2015, 123]. Несмотря на то, что мусульмане Северного Кавказа официально не подчинялись никакому духовному собранию или правлению, муллы при приходских мечетях в этом крае вели метрические книги [Арапов, 2009]. Что касается буддистов, то у бурят ведение метрических книг было возложено на буддийские храмы к 1860—1870 гг., а у калмыков метрика была введена в 1904 году [Аюшеева, 2012, 169—170].

А в Туркестане российские власти не учредили духовного собрания. Казахи Оренбургского и Сибирского ведомств (т. е., территории нынешнего Казахстана кроме его южной части) подчинялись, хотя довольно формально, Оренбургскому магометанскому духовному собранию, но были выведены из его ведения в 1868 году. Впоследствии власти игнорировали многократные петиции казахов о возвращении их в ведение Оренбургского духовного собрания или организации особого для них духовного управления [Уяма, 2008, 143—148].

В целом, в Центральной Азии власти избегали придавать официальные статусы мусульманским духовным лицам и не возлагали на них административные работы. Такая политика была продиктована нежеланием поддерживать

«фанатизм» оседлых мусульман официальным институтом и предотвратить рост влияния ислама среди кочевников.

Единственным регионом, где велись метрические книги была Внутренняя Казахская (Букеевская) орда, входившая в Астраханскую губернию и оставшаяся в ведении Оренбургского духовного собрания [Туремуратов, 2012]. И поэтому вполне закономерно, что в 1916 году там не произошло восстания [К истории восстания..., 1926, 56; Қаһарлы 1916 жыл, 1998, 121—122].

Отсутствие метрики и точных посемейных списков было следствием отстранения духовных лиц от административных дел и слабого контроля за работой туземной администрации, что являлось проявлением сегрегационного характера российской власти в Центральной Азии, глубоко не вникавшей в проблемы местного сообщества. Хотя русские чиновники имели огромную власть, их было мало, они плохо знали местные языки, и были практически не знакомы с местной жизнью. Российская власть могла бы заручиться помощью местных элит путем включения их в категорию российского дворянства, как делала раньше в отношении татар, башкир и народов Кавказа. В Центральной Азии этого сделано не было, за редким исключением, из-за презрения к кочевым народам и опасения в отношении мусульман, которое усилилось к периоду завоевания Туркестана.

Для осуществления своей власти, в частности для сбора налогов и сведений о местной ситуации, русские чиновники должны были опираться на местную администрацию, которой не позволяли занять высокие должности, такие как уездные и крестьянские начальники и участковые приставы. Более того, они с недоверием относились к туземной администрации, считая ее коррумпированной и скрывающей местные реалии, называя их «непроницаемой завесой» или «живой стеной» [Уяма, 2007, 47—48].

Действительно, после объявления призыва на тыловые работы многие туземные администраторы, духовные лица и другие влиятельные люди не могли или не желали выполнять посреднические роли ни в разъяснении значения высочайшего повеления, ни в успокоении народа. Ферганский губернатор Гиппиус просил мусульманских ученых разъяснить населению, что Коран не запрещает давать рабочих для нужд российской армии, но видя, что они не хотели этого делать, сам зачитал извлечения из Корана перед тысячной толпой в Намангане, чтобы «пробить столь несокрушимое средостение между администрацией и управляемым туземным населением» [Губернатор..., 1936, 189—191].

Местное население тоже часто не доверяло туземным администраторам, во многом из-за коррупции, связанной с выборами, введенными российской властью. Выборы на должности волостных управителей, сельских (аульных) старшин и народных судей стали ареной борьбы между родами и группировками, и кандидаты тратили большие суммы для покупки голосов и дачи взятки русским чиновникам. После вступления в должность туземные администраторы взимали незаконные налоги с населения для возмещения своих затрат [Уяма, 2003, 247—248]. Такое недоверие стало подоплекой того, что во время восстания 1916 года люди прежде всего атаковали туземных администраторов. В конце 1916 года помощник главного военного прокурора Владимир Игнатович отметил: «... среди населения упорно ходили слухи, что будто бы еще до войны некоторыми из представителей туземной администрации тайно от населения даны в Петрограде (во время юбилейных торжеств) подписки от его имени о готовности населения принять

на себя воинскую повинность и что предстоящий набор есть результат именно этих подписок. Вообще мысль о том, что туземные власти — волостные управители, старшины и пятидесятники — продали население за большие деньги и что только благодаря этому на население свалилась теперь вся тяжесть новой повинности, хотя бы и рабочей, было общим убеждением населения,... » [Восстание 1916 года..., 1960, 68—69].

Русские чиновники не доверяли народам Центральной Азии в целом. В их докладах, записках и других документах очень часто встречаются такие слова, как «фанатизм», «неблагонадежность» и «низкая гражданственность». Именно такая характеристика этих народов служила доводом для их исключения из списка кандидатов обязательной воинской повинности и отклонения неоднократно предложенных проектов о формировании конной милиции (за исключением Туркменского конного полка) [Уяма, 2004, 194—209]. В результате, они остались неприобщенными к работе российской армии и восприняли призыв на тыловые работы со страхом.

Отсутствие доверия между русскими и туземными администраторами, между туземными администраторами и населением, и вообще между имперской властью и местным обществом, делало понимание властями местной ситуации поверхностным и принятые меры контрпродуктивными. Владимир Наливкин отметил, что российские власти не слышали и не хотели слышать голоса недовольства по поводу господства кафи́ров и деградации туземных администраторов и даже после Андижанского восстания 1898 года приписали это событие косности и фанатизму туземцев и проискам Англии и Турции, не обращая внимания на свои пороки [Наливкин, 2004, 99—104].

Как мы видели в начале этой статьи, аналогичное объяснение причин восстания фанатизмом и внешним влиянием повторилось и в 1916 году. Осознание своего незнания о деятельности местного общества подтолкнуло русских чиновников к безосновательному аресту людей, особенно представителей интеллигенции в качестве превентивной меры [Уяма, 2016, 696, 701].

Во время восстания 1916 года власти также часто прибегали к жестоким карательным мерам, не разбираясь в ситуации.

Особо стоит отметить, что российские власти с недоверием относились к интеллигентам-реформаторам с российским образованием, которые несмотря на то, что часто выступали с конструктивной критикой политики царского правительства, могли эффективнее других выполнять посреднические роли. И джаиды в Туркестане, и будущие лидеры казахской автономии Алаш призывали к поддержке российской армии во время Первой мировой войны. До начала войны видные казахские интеллигенты, такие как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсинов и Мир-Якуб Дулатов, критиковали европейские страны, в том числе и Россию, за корыстную и агрессивную внешнюю политику и выражали симпатию к антивоенному движению европейских социалистов. Но они активно помогали правительству в войне, полагая, что сотрудничество с государством в военное время докажет надежность и просвещенность казахов и позволит им получить больше политических прав после войны [Уяма, 2011, 13—19].

Вскоре после объявления войны, Махмудходжа Бехбуди написал статью «Нужен патриотизм», а Хамза Хакимзаде Ниязи сочинил стихи «Молитва за Его Величества Императора». И казахские, и джаидские интеллигенты организовывали

различные благотворительные мероприятия, такие как театральные и литературные вечера, чтобы собрать средства для фронта, в частности для мусульман в Карсской области [Uyama, 2001, 91—92; Khalid, 1998, 237—239].

Но когда началось волнение в связи с призывом на тыловые работы, под подозрение попали реформаторские интеллигенты, которых власти давно клеймили как неблагонадежных лиц и панисламистов. 20 июля 1916 года Астраханский губернатор Соколовский выслал из пределов Внутренней орды Бактыгереев Кулманова, бывшего члена Государственной Думы 1-го и 2-го созывов, который попросил губернатора предоставить льготные условия для казахов при призыве и поехал в Петроград с этой же целью [К истории восстания киргиз в 1916 г., 1926, 55]. А среди казахов Уральской области распространились слухи, что якобы видные казахские интеллигенты вели агитацию против мобилизации, и Оренбургское жандармское управление провело обыск в редакции газеты «Казак» и в доме Мир-Якуба Дулатова [Жойгелдиев, 1995, 183—184].

В Туркестане джадиды возглавили туземные комитеты содействия набору рабочих, созданные в конце августа в городах и уездах по инициативе генерал-губернатора Алексея Куропаткина. Благодаря их активным действиям в состав мобилизуемых мусульман были включены духовные лица, повара, знающие мусульманскую кухню, писари. Им также выделялась теплая одежда. Убайдулла Ходжаев, возглавивший комитет в Ташкенте, провел публичные совещания в городской думе и получил поддержку Куропаткина [Зияева, 2010, 7; Sahadeo, 2007, 180—181].

Он и другие деятели также успешно пригласили комиссию Государственной Думы в составе Александра Керенского и Кутлу-Мухаммеда Тевкелева для исследования ситуации в Туркестане. А некоторые русские чиновники очень негативно отреагировали на поднятие авторитета Ходжаева среди местного населения. В частности, временный и. д. Ферганского губернатора Иванов в декабре 1916 года попросил Куропаткина выдворить Ходжаева из Туркестанского края, написав следующую жалобу: «Ходжаев занял два номера в лучшей ташкентской гостинице, держит номер в другой, где и производит приемы туземцев со всего края. В приезд в Ташкент я лично был свидетелем приемов Ходжаевым целой толпы сартов, наполнявшей всю лестницу отеля «Националь». Из нищего подпольного адвоката Ходжаев в глазах туземцев стал сановником, получает возможность проживать огромные деньги, и туземцы свои прошения начинают адресовать прямо Ходжаеву, как лицу, по их мнению, облеченному громадной властью. Появляясь всегда в приемные дни у Вашего Высокопревосходительства со своими клиентами, Ходжаев уверял последних, что он является докладчиком Вашим по туземным делам.» [Восстание 1916 года в Туркестане..., 2016, 240—244].

В заключение следует отметить, что Центральная Азия была слабо интегрирована в Российскую империю во многих смыслах. Традиционные элиты не были включены в имперскую аристократию, туземные администраторы плохо функционировали как связующее звено между властью и обществом, а к местным интеллигентам с российским образованием русские чиновники относились с подозрением. Вследствие отстранения духовных лиц от административных дел и слабого контроля за работой туземной администрации власти не имели базовой информации о точной численности и возрастном составе населения. Народы Центральной Азии не обладали такими же правами и обязанностями

как русское население не только потому, что они были отнесены к категории «инородцы» (или «туземцы»), но и из-за отсутствия избирательных прав на выборах в Государственную Думу с 1907 года и земств.

Правда, такая ситуация непосредственно не могла привести к катастрофе, и многие были довольны, в частности освобождением от воинской повинности. Но Первая мировая война потребовала мобилизации намного больших людских ресурсов, чем в мирное время. И призыв на тыловые работы, объявленный и осуществленный весьма непродуманным образом, ярко обнаружил противоречие между масштабом мобилизации в условиях Первой мировой войны, и слабой, отчуждающей местное население административной системой в Центральной Азии. Так что причины восстания 1916 года необходимо изучать в трех аспектах: системные проблемы в отношениях между имперской властью и местным обществом, влияние Первой мировой войны, и само объявление призыва на тыловые работы (см. мою статью «Восстание, рожденное в войне: влияние Первой мировой войны на катаклизм в Центральной Азии в международном контексте», которая будет опубликована в сборнике докладов международной научной конференции «Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации» Москва, 23—24 мая 2016 г. — *примеч. авт.*).

Литература:

1. Арапов Д. Управление духовными делами мусульман Кавказа в Российской империи. — 2009. <http://www.statusquo.ru/691/article_833.html/>.
2. Аюшеева М. О некоторых архивных документах ЦВРК ИМБТ СО РАН по истории бурятского буддизма в XIX в. // Гуманитарный вектор. — 2012. — № 2. — С. 169—170.
3. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов / Под ред. А.В. Пяскового и др. — М., 1960. — 794 с.
4. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / Сост. Т. В. Котюкова. — М., 2016. — 468 с.
5. Губернатор в роли проповедника корана // Красный архив. Т. 75. — 1936. — С. 189—191.
6. Данилин А. Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 году // Борьба классов. 1936. № 9. <<http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/Texts/Danilin-IzIstorii.pdf>>.
7. Зиновьев В. П., Карих Е. В. Этнический аспект общественного движения в Сибири и на Дальнем Востоке накануне революции 1917 г. 1997. <<http://hrono.ru/statii/2005/etno1917sib.html>>.
8. Зияева Доно. Восстание 1916 года в Туркестане. 2010. <<https://www.academia.edu/12447774/>>.
9. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. — Алма-Ата, 1979. — Т. 3. — 514 с.
10. История Бурят-Монгольской АССР. 2-е изд. — Улан-Удэ, 1954. — Т. 1. — 573 с.
11. История Бурятии. — Улан-Удэ, 2011. — Т. 3. — 464 с.
12. К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. Т.3 (16), 1926. — 239 с.
13. Қаһарлы 1916 жыл — Грозный 1916-й год.: сб. док. и материалов. — Алматы, 1998. — Т. 1. — 423 с.
14. Қойгелдиев Мәмбет. Алаш қозғалысы. — Алматы, 1995. — 368 с.
15. Максимов К. Н. Калмыки в годы первой мировой войны // Вопросы истории. — 2014. — № 12. — С. 20—26.
16. Муцалханов Мавлет. Аксай: Историческая справка // Ёлдаш/Времена, 17 июня 2011 г. <<http://kumukia.ru/?id=738>>.
17. Наливкин В. П. Туземцы раньше и теперь [1913] // Мусульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. — М., 2004. — С. 21—115.
18. Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю) / Под ред. В. П. Семенникова. — Ленинград, 1925. — 147 с.

19. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. — М.: Наука, 1967. — 497 с.
20. Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.) // Новый Восток. — 1924. — № 6. — С. 267—270.
21. Суханова Н. И. Северный Кавказ в условиях Первой мировой войны. 2011. <http://www.inion.ru/index.php?page_id=539>
22. Туремурастов И. А. Метрические книги Внутренней Киргизской (Букеевской) Орды (ВКО) в архивах Оренбургского Магометанского Духовного Собрания. 2012. <http://www.bastanovo.ru/2012/06/mk_vko/>.
23. Усманова Д. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.) // Ab imperio. — 2015. — № 2. — С. 106—153.
24. Уяма Т. Была ли исламская альтернатива? Место ислама в национальном движении казахов начала XX века // Шығыс. — 2008. — № 2. — С. 143—148.
25. Уяма Т. Взгляды царских генералов на кочевников и их воинственность (По поводу неосуществленного плана о формировании конной милиции в Туркестане) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. — Алматы, 2004. — С. 194—209.
26. Уяма Т. Восприятие международной обстановки начала XX в. А. Букейханом и его современниками // «Алаш мұраты және тәуелсіз Қазақстан»: Халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның материалдарының жинағы. — Астана, 2011. — С. 13—19.
27. Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций (1900—1919). — Новосибирск, 2013. — 676 с.
28. Шварц В. Губернатор «с гвоздём». Часть 2. 2016. <<http://daniyarov.kg/2016/06/24/gubernator-s-gvozdjom-chast-2/>>.

На иностранных языках:

29. Akiyama T. Yūboku Eiyū to Roshia Teikoku: Aru Kuruguzu Shuryō no Kiseki [Герой кочевников и Российская империя: путь одного кыргызского лидера. — Tokyo, 2016. — 248 pp.
30. Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. — Berkeley, 1998. — 328 pp.
31. Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007. 326 pp.
32. Uyama T. Two Attempts at Building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement, in Stéphane A. Dudoignon and Komatsu Hisao, eds., Islam in Politics in Russia and Central Asia. — London, 2001. — pp. 77–98.
33. Uyama T. A Particularist Empire: The Russian Policies of Christianization and Military Conscription in Central Asia, in Uyama, ed., Empire, Islam, and Politics in Central Eurasia. — Sapporo, 2007. — pp. 23—63.
34. Uyama T. Repression of Kazakh Intellectuals as a Sign of Weakness of Russian Imperial Rule: The Paradoxical Impact of Governor A. N. Troinitskii on the Kazakh National Movement // Cahiers du Monde russe 56, No. 4 (2016). — pp. 681—703.
35. Uyama T. A Strategic Alliance between Kazakh Intellectuals and Russian Administrators: Imagined Communities in Dala Walayatıñing Gazetı (1888–1902) in HAYASHI Tadayuki, ed., The Construction and Deconstruction of National Histories in Slavic Eurasia. — Sapporo, 2003. — pp. 237—259.

ЧАСТЬ 4.
ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА
В КЫРГЫЗСТАНЕ

ТУРДУБЕК ШЕЙШЕКАНОВ

к. и. н., профессор,

Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына,

Бишкек, Кыргызстан.

E-mail: turdubek.sheyshekanov@mail.ru

Предпосылки и причины восстания 1916 года на Иссык-Куле

После обретения нашим народом суверенитета и независимой государственности в 1991 году у общественности резко возрос интерес к истории восстания 1916 года.

Как известно, история кыргызского народа за независимость уходит своими корнями в глубь веков. Во главе этой борьбы в свое время стояли Барс-бек каган (кон. VII в. — нач. VIII в. н. э.), Тапу Алп Сол (IX в.), Мухаммед-Кыргыз-Тагай бий (XVI в.), Бишкек батыр (XVIII в.), Ормон-хан, Пулат-хан, Курманжан датка (XIX в.) и многие другие выдающиеся личности, оставившие в нашей истории свой неизгладимый след.

Кыргызский народ, попавший во второй половине XIX века под колониальный гнет царизма, никогда не прекращал борьбу за свою независимость и свободу. Особое место в ряду других восстаний, направленных на освобождение от колониального гнета, занимает национально-освободительное восстание 1916 году.

Во-первых, восстанием 1916 г. был охвачен очень большой регион Центральной Азии.

Во-вторых, представители всех коренных народов, населяющих Туркестанский край, приняли в нем активное участие.

В-третьих, был нанесен ощутимый удар по колониальной системе царизма.

В-четвертых, Иссык-Кульская котловина явилась одним из эпицентров, где восстание 1916 г. приняло острый и масштабный характер.

Подрастающее поколение не должно равнодушно воспринимать историю освободительного движения, которое проходило на Иссык-Куле в острой борьбе, оно обязано всегда помнить и не предавать забвению героизм и трагедию, которые пережил кыргызский народ в 1916 году.

Отнюдь неслучайно вспыхнуло восстание кыргызского народа за свою независимость, которое в народе носит название «Уркун».

Чтобы раскрыть предпосылки и определить причины восстания 1916 года на Иссык-Куле, очень важно рассматривать его в совокупности с местными природными условиями, характером и самобытностью населения и общественно-экономическими отношениями в Иссык-Кульской котловине во второй половине XIX в. и в начале XX в.

Природа и климатические условия Прииссыккуля были очень благоприятны для ведения разнообразного хозяйства. В котловине преобладал умеренно континентальный климат с теплым летом и не очень холодной зимой. Побережья и широкие поймы рек Барскоон, Джергалан, Джеты-Огуз, Жууку, Каракол, Ак-Терек, Тамга, Турген-Ак-Суу, Тюп, Чон-Ак-Суу, Чон-Кызыл-Суу, Чон-Джаргылчак,

Ирдык, впадающие в Иссык-Куль, были удобны для занятия земледелием и перехода к оседлости.

Если западная часть котловины песчаная, каменистая, болотистая, то низовья центральной и восточной части отличаются своим рыхлым и плодородным черноземом, что позволяло получать обильные урожаи. Такие джайлоо, как Каркыра, Текес, Сары-Джаз, Сырты, благоприятные для домашнего скота, пастбища с обильной перистой ковылью, овсяницей, полынью, горные ложбины и ущелья, богатые бурными чистыми речками, относительная малочисленность населения, просторные земли способствовали развитию животноводства.

Изменение национального состава населения Иссык-Кульской котловины, взаимоотношения народов, проживающих в котловине, тесно связаны с полным покорением Кыргызстана Российской империей. Сначала в Кыргызстан переселились русские казаки, за ними сарт-калмыки, дунгане и уйгуры.

По данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г. и приуроченной к наступлению XX в., общая численность всего населения Пржевальского уезда достигла 147 517 человек, из них 128 307 человек составляли кыргызы, 11 223 — европейцы, 3 151 — узбеки, 2 033 — дунгане, 844 — татары, 1 925 представители других наций и народностей [Первая всеобщая перепись..., 1905, 52].

Неоспоримо, что вследствие длительного пребывания в составе Российской империи в хозяйственной жизни местного населения начали формироваться элементы капиталистических отношений.

Иссык-Кульская котловина также была вовлечена в водоворот общероссийского рынка. Если на территории Семиречья в 1913 г. было 11 ярмарок, то самые крупные из них проводились в Пржевальске и Каркыре. Но промышленность в регионе развивалась очень медленными темпами и являлась крайне отсталой [Аттокуров, 1963, 180].

Поселок Балыкчи, расположенный на перепутье дорог, играл важную роль в углублении взаимосвязей между народами [Туркестанский сборник, 1909, 14]. Поселок Сазановка в 1897 году насчитывал 200 хозяйств и дворов, в нем проживало 1 580 чел., его население было многонациональным. Следующий большой поселок Преображенское был расположен на красивом заливе у слияния реки Тюп с озером Иссык-Куль. И этот поселок характеризовался как многонациональный [Туркестанский сборник, 1908, 47; 1913, 1].

Иссык-Кульские кыргызы, дунгане, уйгуры, сарт-калмыки усвоили европейские приемы строительства домов, дворов и сараев, было развито садоводство и бахчеводство. Под влиянием европейских поселенцев была развита еще одна отрасль хозяйства превратилось пчеловодство.

Кыргызы заводили крепкую дружбу со справедливыми и доброжелательными русскими и украинскими крестьянами. Город Пржевальск и ярмарка Каркыра играли большую роль в укреплении отношений и торговых связей между народами. Несмотря на колониальную политику, проводимую царизмом, значительно углубились хозяйственные и культурные взаимосвязи между народами. В процессе непрерывных взаимоотношений и связей они научились друг у друга секретами ведения хозяйства, обогащаясь материально и духовно.

Капиталистические отношения развивающиеся в центральных районах Российской империи, несомненно создавали предпосылки для улучшения хозяй-

ственных и культурных связей между народами, населяющими Прииссыккулье, для их сближения друг с другом.

Первые переселенцы из европейской части России и Украины появились в Кыргызстане еще в 1868 г. Как известно, царское правительство планомерно переселяло переселенцев в 5 этапов.

1 этап охватывает 1868—1883 гг. За эти 15 лет в Жети-Суйской области (Семиреченской) возникли 36 русских поселков, где проживали 2 500 семей переселенцев.

2 этап охватывает 1891—1892 гг. Эти годы в России были неурожайными и там был голод. В связи с этим были переселены более 12 тысяч переселенцев и они основали 23 поселка. За два года в Жети-Суйскую область было переселено 1 769 семей. Из них 85% переселенцев были «самовольцами».

3 этап охватывает период с 1896 по 1905 гг. Царское правительство официально объявило запрет на переселение в Среднюю Азию, но несмотря на этот запрет «самовольцы» продолжали переселяться. В Жети-Суйскую область переселилась 2 787 семей, из них в Пишпекском уезде оказались 1 205 семей. По данным 1902 г. в области проживало 16 тысяч переселенцев, а в 1905 г. их количество достигло 23 тысячи человек.

4 этап. Переселение началось после первой русской революции 1905—1907 гг. В результате в Жети-Суйской и Сыр-Дарьинской областях оказались 27 221 переселенцев. В 1908 г. царское правительство на время официально приостановило переселение.

В 1912 г. начался 5 этап переселения и продолжался почти до восстания 1916 г. В 1868—1869 гг., когда началось переселение, на каждую душу населения было роздано по 30 десятин, в 1870-е гг. по 17 десятин, позже по 10 десятин, а в период с 1915 по 1916 гг. по 4,65 десятин земли. Для поддержки переселенцев давались льготные ссуды.

В результате проведения Столыпинской аграрной реформы переселенцы в Жети-Суйской области в 1913 г. получили 410 1873 десятин земли. А у местного коренного населения было всего 339 8852 десятин земель. Кроме этого, в руках переселенцев оказалось 244 9890 десятин пастбищных и лесных земель.

В 1900 г. по статистике в Пржевальском уезде переселенцы составляли 11% населения и они владели 23,8% посевных земель, а у местного кыргызского населения, которое составляло 89%, было 76,2% посевных земель.

А по статистическим данным 1916 г., в Пржевальском уезде уже проживало 24% переселенцев, у которых было уже 67% лучших посевных площадей, а у кыргызов, которое составляли 75,9% населения, было всего 33% посевных площадей. В Пржевальском уезде у каждого переселенца в среднем было 7,67 десятин, а у кыргызов всего 1,66 десятин земли. У каждого переселенца Пишпекского уезда в среднем было 8,46 десятин, а у кыргызов всего 3,38 десятин земли.

По Туркестанскому краю переселенческое население составляло 6% и в их руках оказалось 57,6% лучших посевных площадей. Было построено 950 поселков. На каждого переселенца приходилось 3,17 десятин земли. А 94% местного населения имело всего 42,4% посевных площадей и на каждого коренного жителя приходилось всего 0,21 десятин земли. В результате переселенческой политики Российской империи в Иссык-Кульской котловине было образовано 28 поселков и 27 хуторов переселенческого населения. Кыргызские названия местностей

получили русские названия. Так, Ак-Суу стал называться Теплоключенка, Бай-соорун — Сазановка, Тюп — Преображенское, Жергез — Новоконстантиновка, Кутургу — Озерно-Фольбаум, Жети-Огуз — Высокое, Шалба — Иваницкое, Ырдык — Мариинское, Кара-Ой — Долинка, Бозучук — Валериановское, Ой-Тал — Алексеевка, Каракол — Пржевальск и т. д.

Население Иссык-Кульской котловины каждый год теряло свои земли. К примеру, Свято-Троицкий мужской монастырь, основанный в Иссык-Кульской котловине в начале 80-х гг. XIX в., владел огромной площадью посевных земель.

Позже насильно к своим владениям присоединил 2 000 — 3 000 десятин земли в предгорьях на границе рек Курменти и Джергалан [ЦГА РУз, д. 131. 1, 6, л. 41].

В начале XX в. власти выделили во владение Семиреченского русско-казацкого войска земли Тасма, равные общей площадью 21 768 десятинам. Вследствие этого 1 550 кыргызских семей лишились своей превосходной земли [Там же, д. 600, л. 2, 3, 6].

Русские казаки и некоторые переселенцы отдавали захваченные земли в аренду. Только в Пишпекском и Пржевальском уездах в аренду были сданы 352 440 десятин земли. В это же время областная администрация отдала русским казакам обширные земли в ложбине Боз-Учук, принадлежащие 2 302 семьям, проживающим в Тургенской волости [Там же, д. 6001, л. 14—17].

А в начале XX века сдача земли в аренду особенно обрела широкий размах, приняв массовый характер на Иссык-Куле и в Чуйской долине. Например, в 1912 г. только в одной волости Курменты Пржевальского уезда переселенцам — русским и украинским крестьянам было сдано в аренду 1 099 десятин земли [РВИА РФ, д. 4112, л. 35].

Вместо того, чтобы обрабатывать землю русские казаки ежегодно сдавали эту землю в аренду за 4 000 — 5 000 руб. В свою очередь кыргызы, лишившись своих земель, на кабальных условиях брали в аренду землю у богатых русских и украинских крестьян, особенно у русских казаков.

В начале XX в. налоговая политика царской России была для местного населения очень тяжелой. До Первой мировой войны местное население платило следующие виды налогов: налог с дыма, налог на душу, земельный налог, государственной оброк, налог на недвижимость, промысловый налог, земский сбор, налог за освобождение от службы в армии, акцизный, таможенный налоги, налог за дрова и т. д. Кроме этого были и натуральные налоги: ремонт дорог, мостов, строительство ирригационных сооружений, школ и т. д.

Размеры налогов росли поэтапно. Например, в 1865 г. кыргызы за каждый дым платили 1,50 руб.; в 1868 г. — 3 руб.; 1908 г. 4 руб.; 1916 г. уже 8 руб. Государственный земельный налог составлял 10% от урожая; земский сбор — на один год по 1,50 руб.; за недвижимость — 1,50 руб.; за освобождение от службы в армии — 5% от дымового, 10% от земельного и 15% от оброка; за дрова 30 коп, позже 90 копеек и т. д.

Когда началась Первая мировая война, размеры вышеуказанных налогов выросли в несколько раз и кроме этого появились новые виды налогов. Так, налог с каждого дыма достиг 8 руб., за освобождение от службы в армии стал больше на 21%, военный налог увеличился до 1,84 руб. Кроме этого, кыргызы отрабатывали за призванных в действующую армию переселенцев (за освобождение от отработки платили от 18 до 35 руб.) [Там же, д. 4377, л. 18].

Повышение размеров многочисленных налогов естественно ухудшало социально-экономическое положение коренного местного населения.

К предпосылкам восстания 1916 г. в Кыргызстане можно отнести открытую националистическую политику со стороны колониальных властей по отношению к местному кыргызскому населению. Местное население было прозвано «иностранцами», «туземцами», «дико-каменными» и «полудикими азиатами». Отдельные чиновники колониальной власти и некоторые переселенцы открыто не уважали традиции и культуру местного кыргызского населения.

Например, 31 октября 1911 г. генерал-губернатор края А. Самсонов в своём секретном циркуляре, отправленном к военным губернаторам областей указывал следующее: «... Местное население интересует нас в качестве материала для выполнения в будущем работ русских крестьян, поэтому необходимо впитать им в кровь почитание всех русских, если кто-либо не пожелает подчиниться — лишенный земли — умрет с голоду или же Россия распрощается с ними» [Битикчи, 2006]. Таким образом, царская колониальная власть открыто проводила русификаторскую политику.

Произошло пробуждение народов Средней Азии и Казахстана под влиянием первой русской революции 1905—1907 гг., Синьхайской революции Китая 1911—1913 гг., Иранской и Турецкой революций. Народы этих регионов активно боролись против эксплуатации, против колониальной политики иностранных держав, за освобождение и независимость.

Местное кыргызское население в результате колониально-аграрной, несправедливой, националистической политики царской России, было лишено земельно-водных ресурсов на своей земле в силу того, что был колонией царской России.

К причинам восстания 1916 г. в Кыргызстане, в том числе в Иссык-Кульской котловине, относятся: низкий моральный уровень чиновников колониальной администрации; распространение взяточничества и коррупции; расхищение государственных земель; финансовые манипуляции; несправедливые выборы низшей местной администрации; ухудшение социально-экономического положения народа, особенно в период Первой мировой войны.

Во время колониальной политики царизма в Туркестанском крае шире распространилось взяточничество, особенно в период выборов компаний низшей местной администрации — волостных управителей (болуш), пятидесятников (элуу башы), аульных старост (айыл башы), бийев и казиев (жергиликтүү соттор).

К примеру, на выборах волостного управителя в 1903 г. в Тонской волости уездному начальнику и переводчику «преподнесли» 2 000 руб. и двух иноходцев. На таких же выборах в Джеты-Огузской волости за услуги, оказанные при избрании на должность волостного управителя, Нурмамбет Чекиров заплатил им 2 500 руб. и преподнес в дар саврасого скакуна. Такая коррупционная выборная политика проводилось почти на всех выборах. Особенно при проведении таких выборов в Пржевальском уезде отличился начальник Пржевальского уезда Иванов и переводчик Кучуков, которые получая огромные взятки через коррупционные схемы, сильно обогатились [ЦГА РУз, д. 1009, л. 12, 14, 42].

Первая мировая война причинила колониальным народам невыносимые страдания и Пржевальский уезд был охвачен тяжелым экономическим кризисом.

В 1915 г. половине сельского населения не хватало хлеба. В двух уездах (Пржевальском и Пишпекском) области был собран урожай меньше на 478 тысяч пудов.

В области были сокращены не только посевные площади, но и резко сократилось поголовье скота. В 1914 году только из одной Семиреченской области было вывезено скота и мясной продукции стоимостью 35 млн. руб.

За первые два года Первой мировой войны Туркестанский край отправил на фронт 70 тысяч лошадей, 12 737 верблюдов, 13 441 юрт, 270 телег, 360 000 пудов зерна и т. д. [Красный архив, 1929, 54; Усенбаев, 1967, 141].

Красный Крест собрал 2400 000 рублей. Цены выросли катастрофически: на мануфактурные изделия на 270%, на обувь 300%, на хлеб 600% [Там же, 141].

Гнев и возмущение населения Пржевальского уезда вызвал так называемый «опиумный налог». В уезде 7 тысяч десятин земли было засеяно опиумом, строго запрещалось вывозить и продавать его. За один фунт опиума правительство платило не больше 15 руб., а перекупщики платили до 60 руб. [ЦГА РУз, д. 1986, л. 43; ЦГА КР, д. 5, л. 82, 128].

Ухудшение жизненных условий населения приводило к опасным эпидемиологическим заболеваниям. К примеру, в сентябре 1913 года в окружности 25 км вспыхнула одна из самых опасных эпидемий — чума. В Тургенской волости Пржевальского уезда она сразу же скосила 32 человеческих жизни [ЦГА РУз, д. 1682, л. 12, 6, 42].

Война причинила населению неисчислимые тяготы и страдания и обусловила восстание 1916 года на Иссык-Куле, а поводом к восстанию послужил Царский указ от 25 июня 1916 года.

Таким образом, неуклонное ухудшение социально-экономического положения, невыносимые мучения и страдания не могли не переполнить чашу терпения кыргызов.

Литература:

1. *Аттокуров С. А.* Развитие товарно-денежных отношений и появление купеческого сословия в Киргизии в конце XIX и в начале XX вв. // Ученые записки ист.-юрид. фак. (Киргиз. унив.-т). Вып. 7. Серия ист. — 1963. — С. 169—186.
2. Красный архив. 1929. Т. 3 (34). — 237 с.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. — СПб., 1899-1905. — 27 см 85: Семиреченская область. [4], XII. 1905. — 149 с.
4. Туркестанский сборник. Т. 498, 1909.
5. Туркестанский сборник. Т. 473, 1908.
6. Туркестанский сборник. Т. 555, 1913.
7. *Усенбаев К.* Восстание 1916 г. в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — 327 с.

Архивные материалы:

8. ЦГА КР. Ф. 34. Оп. 2. Д. 5. Л. 82, 128.
9. ЦГА РУз. Ф. 1. Д. 131. 1,6. Л. 41.
10. ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 27. Д. 600. Л. 2, 3, 6.
11. ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 27. Д. 6001. Л. 14—17.
12. ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1009. Л. 12, 14, 42.
13. ЦГА РУз. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1986. Л. 43.
14. ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1682. Л. 12, 6, 42.
15. РВИА РФ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4112. Л. 35.
16. РВИА РФ. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4377. Л. 18.

МИСТЕГУЛ МАХМУТБЕКОВА

*т. и. к., профессор,
Ж. Баласагын ат. Кыргыз Улуттук университети,
Бишкек, Кыргызстан.*

Кыргызстандагы 1916-жылдагы көтөрүлүштү шарттаган тарыхый кырдаал

XVI кылымдан тарта падышалык Россия ээлигин кеңейтүү максатында Чыгышка көптөгөн аскердик жортуулун жасай баштайт. Натыйжада, 1552—1556-жылдары Казан жана Астрахань хандыктары, андан соң Сибирь, ал эми 1828—1878-жылдары Кавказ падышалык Россиянын карамагына өтөт.

Жаңы жерлерди басып алуу падышачылыктын кандуу саясатынын таасын күбөсү.

XIX кылымдын башында Россия колониялык багытын Орто Азия тарапка буруп, Англиядан мурда ушул жакка өз таасирин орнотууну жана падыша Петр I мезгилинен бери көксөгөн максаты — Индияны ээлөөгө умтулду. Капиталисттик өнүгүүгө жаңыдан кирген эки өлкөнүн өзүмчүл кызыкчылыктарынан улам жергиликтүү элдердин башына коомдук өнүгүүнүн кезектеги тилкеси оор мүшкүлү менен жакындап келатты.

Падышалык бийликтин колонияларда жүргүзгөн татаал саясатын төмөнкү пикир ырастайт: «... бул экспедицияга Англия өкмөтү кандай мамиле жасары азырынча белгисиз. Бирок Хорасан түркмөндөрүнө тийиштүү таасир берери анык. Бул үчүн 1873-жылы Түркстандагы аскерлер кандай каршы аракеттенсе ошондой жүрүш жасоо зарыл. Тактап айтканда жолдо көзгө урунгандын баарын өрттөп, талкалоо жана аман калгандарга контрибуциянын зоолусун кийгизүү керек. Алардан ат жана акча алуу зарыл. Бул иш биздин императордун аларга жасаган боорукердиги болмокчу...» [Терентьев, 1906, 280].

Россиянын кыргыз жергесине көз артуусу 1825-жылдын 8-айында Ысыккөл жээгин чалгындоодон башталган. Мында бугу уруусунун каарман жигиттеринин аракетинен улам алгачкы аскердик чалгындын мизи майтарылып, дээрлик отуз жылдык бейкуттук өкүм сүрөт. Кара күч менен алуу пайдасыздыгына ынанган падышалык Россия кыргыздын ички турмушуна кийлигишүү, «элдештирүү» ыкмасын өтө кылдат колдонду. Мындан тышкары жергиликтүү бийлик башчыларын падыша өкмөтү өзүнүн ар кандай даражадагы чен урматы, баалуу белектери менен чексиз сыйлоо аркылуу да оторчулуктун орун казды.

Сарбагыш менен бугу уруусунун карама-каршылыгында бир жагына гана жан тартып, 1856-жылы сарбагыштарга курал күчү менен таасир эткен. Ошондон тарта 1864-жылга чейин баскынчылык жүрүштөрүн уюштуруп, Токмок, Бишкек, Жумгал, Куртка коргондорун ээлеп, андан соң түштүк тарапка бет алат.

1865—1867-жылдары Хива, Букара хандыктарын, 1875-жылы Кокон хандыгын жойду. Көпкө чейин туруктуулук менен каршылык көрсөткөн Алай кыргыздарын 1876-жылы жай айларында каратуу менен Россия Кыргызстанга оторчулук саясатын ашырууну баштады.

Өздөрү ээлеп алууга үлгүргөн территорияларды бөлүштүрүп алууну көздөгөн Россия менен Англия 1895-жылы улуу Памир тоолорундагы этнографиялык, географиялык шарттардын айрымдарын гана көңүлгө алышып, чек ара чектешти.

Падышалык Россиянын оторчулук зордук зомбулугуна моюн сунууну каалабаган калайык нааразылык билдирүүнү башынан эле колго алышкан. 1883-жылы болгон ушундай толкундоолордон улам Кытайдын Үчтурпан, Аксуу тараптарына жер которуп көчүү болгон [Байтур, 1992, 118—127].

Кыргыздардын ичара жана ошол кездеги казак, кыргыз, өзбек мамилелериндеги пикир келишпестик, туруксуздук да колонизатордун көздөгөн максаттарына көмөктөш болгон.

Жергиликтүү бийлик ээлери керек болсо душманынын башын кесип, падышанын жан-жөкөрлөрүнө тартуулап жагалданууну орус администрациясы менен байланыш түзүү негизинде жүргүзүшкөн.

1906-жылы Кызылкыя жумушчулары саясий теңсиздик, экономикалык оор зулумдукка каршы көтөрүлүштү. Так ушул жылы Суусамыр, Чаткал, Базаркоргон, Каракол сыяктуу жерлерде жашаган кыргыз дыйкан-малчылары Чарроссиянын [падышалык Россиянын. — примечание автора] жер, суу саясатына каршы чыгышат. Анткени Чарроссия оторчулары бул жылдары кыргыздардын айдоо жерлерин бөлүп ээлеп алып, көптөгөн орус көчмөндөрүн көчүрүп келген болчу. Кыргыздардын бул жолку көтөрүлүшү Чарроссия аскерлери тарабынан кандуу бастырылып, алардын жерлерин ээлөө улантылды. Маалыматтарга караганда 1906—1914-жылдары кыргыздардан алынган жер 129 879 орус мосуна (гектарга) жеткен.

1908—1912-жылдардын ичинде Бишкек уездине караштуу 81 миң 886 түтүн кыргыз дыйкандарынын 829 түтүнү бүтүндөй өз жеринен айрылышкан. Ошондуктан, 1912-жылы Бишкек, Каракол кыргыздары Чарроссиянын саясатына каршы көтөрүлүшкөн [Восстание киргизов и казахов, 1991, 15—16].

Мурунку Кокон хандыгына караганда коомдук өнүгүүсү кыйла өйдө турган падышалык Россиянын саясаты, мыйзам жолу орусча билген судья, областтык сот, жандыралы, уезд тилмечтери аркылуу ишке аша баштагандыктан мурдагы бай-манаптардын күчү менен «бөрк ал десе, баш алчу» жигиттердин кара күчүн пайдалануу солгундады.

Бирок, тилмечтер да бара-бара бийлик ээлеринин курамына айланып, алиги кара күчтүү жигиттерден он эсе зыяндуу элементтердин жаңы катмарын түзүшкөн.

1893-жылы Бишкектин уезддик тилмечи, Алматы казагы Галий Ордобай уулу тоо арасындагы жайлоолордо Тайжин деген уезд начальниги менен жүрүп, бир чыгаан жорго, нечен миң сом пара алып, параны эки жактан тең алган үчүн артынан куугун түшкөн себептүү Алматыга качып кеткен. Тилмечтер параны өзүнө гана албастан, көбүнчө иш башындагы төрөлөргө, уезддин начальниктерине арачы болуп алып берген [Байтур, 1992, 123].

Паралоо жалаң гана утурумдук жеке кызыкчылыктар үчүн жүргүзүлбөстөн, жерди колонизациялоо процессинде бүтүндөй айыл жамаатын жер аянттарынан ажыратуу же түздөн-түз алып коюуда мыйзам катары эле колдонулган.

Келгиндер администрациясынын төбөлдөрү райондордун кайсы биринде иш баштоодон мурда бул жердин эзүүчүлөрүнүн, «таасирдүү кишилеринин» жардамы аркылуу оңой алуу үчүн алдыртан сүйлөшүп коюшчу. ...Келгиндер же ша-

ардык меймандар тарабынан сом боюнча же андан аз акчага жерди арендаоо ошол «таасирдүү» кишилерсиз жүргөн эмес. Ортодогу орток пайдадан улам жерди келгиндерге арендага берүү же сатуу арзыбаган бааларда жүргүзүлчү [Солтоноев, 1993, 85—86]. Россиянын оторчулук саясатында жалаң гана жер которуу маселеси гана маанилүү болбостон, жаңы ээленген территорияда соодасатык, сырьё өндүрүү, товар алмаштыруу иштери да илгерилеген. Бирок мында да жергиликтүү калк, өзгөчө анын карапайым катмары келгин жана аларга ыкташып, өнөктөшкөн жергиликтүү сүткорлордун алдамчы базарынын бааларына кириптер болушкан.

Сүткор менен дыйкандын же мал баккан адам ортосундагы соода-сатык америкалык жергиликтүү элди аёосуз алдаган европалык баскынчылардын кылык-жоругуна өтө окшош жүргүзүлгөнү маалым. Дайыма көчмөн турмушта жүргөн ак пейил адамдардын түйшүктүү мээнетин арзыбаган чүпүрөк жана башка майда-чүйдө күнүмдүк нерселерге теңештире татыксыз баалашкан, күзгү түшүмгө чейин деп карызга бере коюшуп, кийин аларды эселеп алууга маш соодагерлер да (келгин сарттар, армяндар, татарлар ж. б.) элдин кыжырына тийген. Казак менен кыргыздардын калың жамаатын акча жана зор үстөк менен кысмакка алышкан өздөрүнүн алыпсатар, кызыл кулактары жана сүткорлору да тигилерден кем калышпаган [Восстание киргизов и казахов, 1991, 16].

Кыргыз жергесине ар кандай топтор саякатчы, экспедиция же геологиялык иликтөө деген жашыруун максаттарда жөнөтүлө баштайт. Булардын эң көрүнүктүүлөрү жана падышалык Россиянын колониялык багытын ишке ашырууга жакындан жардам бергендери катары П. П. Семёнов менен Н. М. Пржевальский эле. Мындай топтор каражат, керектүү нерселер менен кемкарчсыз жабдылып, атайын аскердик кошуундун узатуусунда милдеттерин аткарышкан.

Мындай иш-чаранын илгерилешине интеллигенциянын өкүлдөрүнүн сиңирген эмгектери да өзөктүү болгону «Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах» (1946) аттуу китепте чагылдырылган. Бул эскерүүлөрдүн автору орустун атактуу саякатчысы П. П. Семёнов. Автордук баяндамага караганда саякат жалаң географиялык кызыкчылыкты көздөгөн эмес.

Кыргыз жергесинин керемет кооздугу ал үчүн табият сулуулугунан мурда, келечекте көчүп келчүлөр үчүн кандай шарт түзөрүн жана аны өркүндөтүүнүн жолдору кызыктырган. Автор орус империясынын чек арасы алиге Урал-Оренбург-Иртыш тарабы менен чектелип турганына таң калып, чекти Орто Азиянын түштүк тарабына жылдыруунун маанилүү экенин баса белгилеген [Семенов, 1947, 129].

Орус географиялык коомунун ардактуу мүчөлөрү деп эсептелинген эки саякатчы П. П. Семёнов менен Н. М. Пржевальскийдин чалгындоо экспедициялары бири-бирин толуктап турган стратегиялык жашырын иш-чаралардын баштапкы бөлүгү экенин төмөнкү шилтеме ырастайт: «Полковнику Обухову я решил объяснить свое мнение о необходимости и даже неизвестности в недалеком будущем вынесение нашей государственной границы на линию, соединяющую, вернее, или лучше сказать западную оконечность Иссык-Куля. Мне казалось очевидным, что для рекогносцировки и занятия такой пограничной линии будет снаряжена в недалеком будущем экспедиция» [Семёнов, 1946, 228]. «...сарбагышы, которые очутившись в том же положении, как и бугинцы, между молотом и наковальней, не далее как года через два будет также настойчиво проситься в русское подданство. Таким образом государственная русская граница, захватив весь

бассейн Иссык-Куля, будет опираться на снежный гребень Тянь-Шаня, а ключ замыкающий доступ в Заилийский край, уже легко будет найти занятием укрепленного пункта в Чуйской долине. Отсюда, если русское правительство захочет вынести всю свою государственную границу в перед наших обширных владений в кыргызских степях, уже возможно будет в последствии рекогносцировать и провести новую границу от укрепленного пункта на р. Чу до форта Тровского на р. Сыр-Дарье» [Семёнов, 1947, 249].

Ошентип, П. П. Семёновдун айтканы боюнча кийин Н. М. Пржевальскийдин «саякаты» уюштурулуп, чек ара жылдырылды. Мына ошол чек арада өз бийлигин кандуу жолдор менен ишке ашырууну көздөгөн падышалык Россия ички карама-каршылыктарын басаңдатуу жана жаңы жерлерди өз букараларына ээлеттирүү үчүн умтулуп, оторчулук саясатын баштаган. Аталган эмгек өткөн кылымдагы кыргыз жергеси тууралуу көптөгөн маалымат булагы болуп саналат.

Көтөрүлүштүн чыгышына себеп болгон шарттарды иликтөөдө кыргыз эли менен танапташ элдердин, айрыкча, казак тарыхына кайрылуу да кошумча булак боло алат. Анткени, жашоо-мүнөзү окшош, жайлоолору ортоктош кошуна элдин тарыхый чыйыры да чырмалышып турат. Ошондой булактарга 1870-жылы «Вестник Европы» журналынын бир нече санына жарыяланган «Кыргыз султаны Кененсары Касымовдун козголоңу» деген макаланын негизиндеги китеп жана 1888-жылы Ташкент шаарында чыккан «Кененсары жана Садык» аттуу басылмалар кирет.

Аларда падыша өкмөтүнүн Орто Азияга, Казакстанга жасаган аскердик жортуулдары баяндалган. Экөө эки мезгилдеги бөлөк авторлор тарабынан жазылганына карабастан Казакстан менен Кыргызстандагы элдик боштондук кыймыл жөнүндөгү маалыматтар менен бири-бирин толуктап турат.

Аталган эки эмгек бириктирилип, 1992-жылы Алматыда «Хан Кененсары» деген аталышта жарыяланган. XIX-кылымдагы казак тарыхына өз мезгилине жараша из калтырышкан Кененсары менен Садык жөнүндөгү документалдык баянда негизги пикир келишпестиктер жер маселесинен улам болгону даана чагылдырылат.

Бардык кең талааны өзүмдүкү деп санаган Кененсарыны жакын арада жатымсыз нерсе, бүтүн талаанын уьезддерге бөлүнүшү күтүп турган. «Даже в то время русская администрация указывала местность где и какой род должен был кочевать. Такое вмешательство русского начальства, конечно не нравилось кочевникам и они всячески старались отделяться от него.» [Хан Кененсары, 1992, 6—7].

Демек, адегенде чалгындоо, андан соң бөлүштүрүлгөн жерди ээлөө менен Россия падышачылыгы мурдатан эле оторчулук саясатын ырааттуу жүргүзө баштаган. Бул тымызын иштин илгерилешине 1861-жылы Россияда жасалган реформанын, крепостнойлук укуктун жоюлушунан кийин помещиктердин колуна дыйкандардын жеринин бештен бир бөлүгүнүн өтүшү себеп болду. Ал эми экинчи себеби эларалык мааниге ээ. Анткени, ошол мезгилде Англия Индиядан соң Орто Азияны ээлөөгө көп аракеттенип жаткан эле. 1854—1855-жылдардагы Крым согушунда Россия жеңилип калды. XIX кылымдын 60-жылдарындагы реформалар эки жактуу, жарым-жарты мүнөздө жүрүп, чындыгында дыйкандарды талап алуунун тымызын ыкмасы гана болгон. Бирок, крепостной укуктун калдыктарына карабастан Россиянын өндүргүч күчтөрү бир кыйла тез өнүгүп, өнөр-жайлары үчүн чийки зат — сырьё зарыл болду.

Демек, ички базардын кемчилиги, пахтанын зарылдыгы, Орто Азияны бөлүштүрүп алуу күрөшүндө күнүлөшү Англиядан өтүп кетүүгө аракет кылуу өндүү кырдаал, орус падышачылыгынын Орто Азияны басып алуусун тездетүүгө аргасыз кылды. Орто Азия менен Кыргызстанга помещиктер, өнөржай капиталынын өкүлдөрү бирдей кызыгышкан.

Орто Азиядагы хандардын бытырандылыгы жана дайыма бири-бири менен кармашып туруулары орус самодержавиесинин жеңишин тездетти. Натыйжада, Орто Азия менен Кыргызстан XIX кылымдын 60-жылдарында Россиянын колониясына айланды.

Падышачылык Кыргызстанды жеңип, басып алуу менен бирге жергиликтүү калктын жерлерин тартып алды. Бул жерлердин бир бөлүгү казынага өттү, экинчи бөлүгүн самодержавие колониалдык фонд катарында пайдаланып, орус дыйкандарын жана казактарды переселение (журт которуу) кылмакчы болду. Бул журт которуу эки максатты көздөдү.

Биринчиси, Россиянын борборундагы жери жок дыйкандардын санын азайтуу менен помещиктердин ээликтерин сактоого оңтойлуу шарт түзүү. Бул көчүрүүнү помещиктер кланды ачуу жана Россиянын борборундагы агрардык карама-каршылыкты «мокотуу» деп билишкен.

Экинчиден, падышалык орус дыйкандарын жергиликтүү элге каршы күрөшкө пайдалануу менен аларды өзүнүн колониялардагы тирегине айлантууга аракет кылган. Жакшы жер алган жана кыргыздардын арзан жумушчу күчтөрүн пайдалануу мүмкүнчүлүгүнө ээ болгон орустун дыйкандары кыска мөөнөттүн ичинде бай чарбага, кээде кулакка да айланып кетишчү.

Орус өкмөтү журт которгондордун ушул бөлүгүнө таянышкан. Муну бул эскерүү ырастайт: «...Всех киргиз выселили и поселили 20 (дворов русских. Бедных у нас не было, когда мы приехали сюда в 1897) году, нам дали по 12 гектаров земли. Нам ещё в Киевщине предложили поехать сюда. Нам дали эту землю бесплатно» [КЖФ, инв. № 151 (7), 33—35].

Кыргызстандын жерлерин тартып алуу 1917-жылга чейин улана берген. 1913-жылдын акырына чейин Түркстан крайынын Жетисуу областында мелиорацияга чыгым кылынбай туруп эле, айыл чарбалык өсүмдүктөрдү эгүүгө жерлерден 4 193 520. теше жер тартып алынган болчу. 1907-жылдан 1914-жылга чейин Кыргызстандын түндүк жагында, Пржевальск жана Бишкек уезддерине келгин орустардын 41 посёлкасы жана казак орустардын (Жетисуу аскери) эки станицасы орноду.

Бишкектеги переселение участкасынын маалыматы боюнча бул уезддин кыргыз калкынан 1914-жылга чейин 7 12 089 теше жер тартып алынган. Ферганадагы переселение башкармасынын маалыматы боюнча 1915-жылга чейин Кыргызстандын түштүк бөлүгүндөгү (Ош, Жалалабад ж. б.) кыргыздардан 81 миң теше жер тартылып алынган. Жергиликтүү элдердин энчисине тоолорду, чөлдөрдү жана кумдарды калтырышкан.

Кыргызстанда өнөр жайынын өнүгүшүнө орустун согуштук феодалдык империализминин үстөмдүгү тоскоолдук кылган. Ошентип өнөр жайларынын начар өнүгүшүнүн натыйжасында Кыргызстанда индустриалдык кадрлар калыптана алган эмес. Орто Азиянын жумушчулары негизинен темир жолдорго, темир жол мастерскойлоруна жана пахта тазалоочу заводдорго топтолушса, Кыргызстанда Кызылкыя жана Сүлүктү көмүр кендеринде жана майда кустардык

ишканаларга топтолушкан эле. Падыша өкмөтү жумушчулардын арасында атайын улуттук кастык туудуруп, жумушчулар табынын бир бөлүгүн экинчи бөлүгүнө кайраштырган.

Айыл чарбаларында батырактар жана пайдакечтер катмары пайда болуп, алар эмгек акы үчүн түшүмдүн үчтөн же, төрттөн бирин натуралай түрүндө алышкан.

Колониялдык администраторлордун аскердик мундирын кийип алган орус помещиги жергиликтүү айрым манаптар, байлар, болуштар, тилмечтер жана ошол сыяктуулар менен биригип алып, кулдук жана феодалдык мамилелерди пайдаланып түрдүү чыгымдар алуу, кызмат орундарын сатуу жана тике эле талап тоноп алуу жолу менен дыйкандарды жана мал чарбачыларды бүлүнткөн. Административдик башкаруу системасынын баарысы ар түрдүү чиновниктерди байытуу үчүн түзүлгөн эле.

Муну далилдөө үчүн суракта болуштардын берген бир катар жоопторун келтиребиз. Алма-Ата шаарынын жандарм башкармасына берген сурагында Канат Ыбыке мындай деген: «Өткөн эле жылдын (1915-ж.) күзүндө тоо аркасындагы болуштарды пристав Байгулов жана тоо арасындагы болуштардын башчысы Меньщиков экөө кыдырып келишти. Алар кыдырып кеткенден кийин Абайылда болушунда 1 сом 50 тыйындан салык чогултушту. Кочкор болушунан канчалык жыйналганын билбейм. Тоо арасындагы башка болуштардан да жыйналды, бирок канчадан экенин билбейм» [Таптардын күрөшү, 1932, 131—136].

Падышага жазган отчетунда Куропаткин бузукучулук жана паракордук жергиликтүү администрациянын — кыргыздар менен өзбектердин арасында гана болгон дейт. Бирок орус администраторлору менен чиновниктеринин чыгым жана пара алгандыктарын Куропаткин айткан эмес, анткени Куропаткиндин өзүнөн тартып орус писарлары менен тилмечтерине чейин бардыгы айыптуу эле. Паракордук жана чыгым алуу көбүнчө жергиликтүү администрацияны шайлоого байланышкан эле. Шайлоо системасы кызмат ордун ачык түрдө дээрлик сатууга айланып кетип, падыша чиновниктеринин аябай баюусуна мүмкүнчүлүк берген. Бир канча мисалды келтирип көрөлү: Пишпек уездинин тоо аркасы участкасындагы Курманкожо болушунун манабы Мырзабек Дыйканбаев болуштукту алуу үчүн 1915-жылы Пишпек уездинин начальнигине белек кылып 550 сом берген. Жетисуу областынын губернаторуна бергени 1 600 сом. Ошол эле жылы Пишпек уездинин Атаке болушундагы Султан Калбаев деген өзүнүн атаандаштары менен болуштук талашып, белекке 2 000гө жакын сом чыгым кылган.

Жергиликтүү калкты талоо ыкмасына салык алуу да кирген. Болуштар салыкты старчындар, жигиттер жана айыл аксакалдары аркылуу жыйнашкан. Салыктын ондогон түрлөрү болгон: түтүн салык, жан салык, падыша салык, андан кийин жергиликтүү салыктар (ат, май, жигит кызматы үчүн чыгым ж. б.) болгон. Чогулуп келгенде бир дыйкан жылына 30 сомго чейин салык төлөөчү. Атаке болушунун официалдуу жазуусу боюнча 1915-жылы ар бир түтүнгө орто эсеп менен 21 сомдон салык туура келген. Бул — официалдуу маалымат боюнча алганда. Ал эми элден алынган чыгымдын көбү эч кандай «жазуусуз» эле болуштун чөнтөгүнө түшүүчү. Алар болуштукту алууга чыгым кылган каражаттарын кийин элден он эселеп өңдүрүп алышчу. Манаптар өздөрүнүн карамагындагы элдерге «союш» жана ошол өңдүү салыктарды салган. Суусамыр болушунда Түркмөн деген манап ушул салык менен 1915-жылы 1 000гө жакын кой, 30 жылкы жыйнап алган. Жайыттан мал айдап өтүүчү жолдорду жана башкаларды пайдаланганы үчүн

да элден өзүнчө салык алынчу. Мисалы, Сарыкамыштагы (Суусамыр болушу) жайыттар саяк уруусунуку деп эсептелүүчү. Чындыгына келгенде Абаскан деген манап 300 миң теше жайытты ээлеп, аны пайдалангандыктары үчүн өзүнүн эле уругунан салыктарды — ат, май, туяк, пул түрүндө жыйнап алуучу.

Кыргызстандагы колониялык саясатты мүнөздөөдө Россиянын борборундагы помещиктердин ээликтерин «дыйкандар» революциясынан сактоо, ошону менен катар переселенец орустардан өзүнө бекем тирек күтүүгө самодержавие крайды күчтүү түрдө колонизациялоо ишин жүргүздү. Переселенец дыйкандар негизинен Жетисуу, Фергана областындагы Жалалабад, Ош сыяктуу жерлерге жайгаштырылган. Жергиликтүү калк турак жерлеринен куулуп, алардын жерлерине орустар орноштурулган. Мыкты жерлер менен камсыз кылынган орус дыйкандарынын көбү арзан жумуш күчүнөн пайдаланып, бат эле оокаттуу чарбаларга, көп учурларда жергиликтүүлөрдү аябай эзүүчү кулак чарбаларга айланышкан. Падыша өкмөтүнүн ушул саясаты аркасында бөтөнчө жакшы шартка коюлган переселенец орустар өзү каалабаган кезде да колонизатордук идеологиянын жактоочусу болуп калуучу.

1868—1883-жылга дейре Шабдан жашаган Жетисуу вилаетинде 2 500 үй-бүлөдөн турган, 36 орус-украин кыштакчалары пайда болгон. Кийин Россияда түшүм болбой, ачкачылык өкүм сүрүүдөн улам жан айласын сактоону көздөгөндөр Орто Азияга ооп, 1892-жылдары 1 700 үй-бүлө Жетисууга уруксатсыз келип башпааналашкан. Бара-бара келгин орус-украиндер жергиликтүү элдин адамгерчилик мамилесин тебелеп тепсеп, баш көтөрүп, алардын жерин талаша турган болгон. Андыктан, 1896-жылы Жетисуу жеринен, элинен безип башпаанек кылып келүүчүлөргө, өз алдынча качып келгендерге тыюу салынган мыйзам кабыл алынган. Бул мыйзам 1905-жылга чейин чечкиндүү роль ойноду. Андан кийин келгиндердин саны ал мыйзамга карабай эле көбөйүп, жергиликтүү түпкү элди тебелеп-тепсөө, жерине ээлик кылуу менен аларга ар тараптан кысым көрсөтүлүп турган. Орус-украин келгиндери мындай зулумдугун жергиликтүү бай-манаптар менен бирге жүргүзүшкөн. Мына ошол учурдагы Столыпиндик агрардык реформа саясаты Россиянын карапайым дыйкандарынын быт-чытын чыгарып, журт которууга мажбурлап, Орто Азияга, Сибирге көчүрүүгө аргасыздандыруу менен карапайым калктарды бири-бирине каршылаштырып, араздаштыруу падышачылык Россиянын өтө тыкандык менен пландаштырылган тымызын саясаты эле. Мына ошентип келгиндер агымы Түркстан край тарапка токтолгон жок. Ушул оор кырдаалдан улам 1916-жылдагы көтөрүлүшкө негиз түзүлө берди. Тарыхый даректер, адабияттар, документтер, көтөрүлүшкө катышкан же көргөндөрдүн эскерүүлөрү 1916-жылдагы көтөрүлүш кокусунан эмес, падышачылык Россия тарабынан бир нече жылдары Түркстан крайынын элин эзип, зордоп кыйноонун натыйжасында келип чыккандыгын толук күбөлөйт.

1916-жылы жер ченегичтер келе баштап, Ысыккөлдүн жерлерине кызыл желектер сайып, кыргыздар жер бересиңер деп айта баштады. Кыргыздар ата конуш жерибизди бербейбиз деп катуу турушту. Ушул кезде I-II-III думанында ачылып жаткан кези. Эл айтып турушту: болуп жаткан иштер падышага толук угулбайт экен, эгер угулган болсо, туура болбогондору тууралап чечилет эле. Ушу думада аныктап каралат экен деп.

1907-жылы кабар угулду: Чоңкемин да келгиндерге алып берилди дейт деп. Ошол убактарда кыргыз эли болуп жаткан дүйнөлүк абалдын кабарын Чүй

тараптан, артыкча Шабдан, Мамбетаалы, Дүрдөн күтүшөөр эле. Коконду каратып, падышага чоң кызмат кылган Шабдан ата конуш жерине ээ болбогондон кийин ким конушуна отурмак эле, шорубуз кайнаган деп да айтып турушту [КЖФ, инв. № 1643, 15—16 б].

Ысыккөл айланасындагы эски селолордон: Түп, Сазановка, Аксуу, Покровский. Бул селолордун колонизаторлору көчпөс байларга айланып, кыргыздарды адам санында көрүшпөгөн. Соодагерлер, купецтер бөтөнчө кербезденише турган. Жер байлыгынан ажырагандарга келгиндер адамгерчиликке сыйбас абийирсиздик жасай башташты [КЖФ, инф. № 1643, 17 б]. «Мен билгенден ушул 1909-жылдан баштап падышанын ниети бузулду. Башта өз алдыбызча чөп чаап, эгин айдап, эптеп оокат кылып жүрдүк. Ал кезде 1 000 түтүнгө бир болуш, 100 түтүнгө бир старчын бар экен. Жүз түтүндө бир бий болор эле. Бир болушта бир песир болучу эле. Болушта бир жасоол болучу, оёз деген болучу. Анда бир болуштан бир киши жасоол болуп, 35 жасоол болчу эле. Ошол эле 1909-жылдары Ысыккөлдүн түз талааларына жер ченөөчү төрөлөр келди. Алар келип, элдин мыкты төөсүн, жылкысын тартып алды. Мында биринчи жолу байлардыкын алганда аларга акча берди, кийин түтүнгө тептегиз салды. Бай менен кедейге бирдсй салган жок. Оёз элдин оозуна кирди. Кызыл чок элди күч менен көчүрө баштады. Абал сол дегендер келди. Булар ичкерден келген орус дыйкандары эле. (Жергиликтүү эл ушинтип аташчу). Эл тоого көчтү: арпа, картошка айдадык. Кээ жылы жакшы чыкса, кээ жылы үшүп кетип турду. Ысыккөлдүн түз жеринен айрылдык. Мал түзгө качат да, орус дыйкандарынын колуна түшөт. Алар жерди булгады, -деп малды камап алып, барган адамдарды сабай беришти... Биз оёздун буйругу менен солдордун жоголгон малын төлөп турдук. Болуштар «ыгым-чыгым» деп салыгын аябай көп салды. Муну жер бар кезде жакшы төлөдүк. Анда тоодо «карагат башы» деген болду. Ал тоодогу карагаттарга ээ экен. «Балаты», «чөп ооз», «туяк кат» деген чыгым салды. Бир түп карагай кыйганы үчүн элдин абалын кыйындатты. Урду, сабады. Булардын чыгымына чыдабадык. Бий, старчын камап туруп, сабап туруп, өзүңдүн аялыңдын башын ачкан күндөрү болду» [КЖФ, инв. № 1487, 1—11 б].

Мындай оор кырдаалдын акыры келип, кандайдыр бир аракеттерге мажбурлары чет өлкөлүк изилдөөчүлөрдүн эмгектеринде да жазылган. Жерди тартып алуучулар ошол аймакта байыртадан бери көчүп-конуп, байыр алган көчмөндөрдүн көндүм чарбалык шарттарын бузгандыктан, эзелтен ык алган ыңгай жоголуп, малдын саны азайып кеткен.

Тарыхчы, көтөрүлүштүн күбөсү Б. Солтоноев көтөрүлүштүн түпкү себептери катары төмөндөгүдөй тыянагын жазган:

«1916-жылдагы кыргыздын көтөрүлүш чыгарган себеби жеке гана фронтко жумушчу алууда эмес, анын башкы себеби тереңде экени, өзүнө караткандан бери падыша өкмөтү кыргыздарга кара ниетте болуп келаткандыгына да байланыштуу. Ушул себептен падыша өкмөтүнүн кыргызды кыса келгендиктери боюнча кыскача маалымат беремин: 1. Бугу кыргызынын оруска карап кеткенине башка кыргыздар нааразы болгон. Алма-Атадан орус аскерин чакырып келип, Байтиктин Пишпектеги өзбек менен солтону караткандыгына «оруска карабайт элек» деп, — нааразы болуп калган солто дагы көп болгон. Бугу-саяк султаны Зарипбек 25 орустун аскери менен келип, сарбагышты чаптыргандыгы урук-ту-

угандык байланышты үзүп, алсыздандырып, бир урукту ала кылып, бет алдынан бой сундурууга туткан падышалык саясатына нааразы болуп жүргөн.

Сарбагыш кыргыздарынын көпчүлүк бөлүгү — кедей чарбалары намыстанып калган. Үмөтаалы Ормон уулунун Кытайга качууга түрткүсүнүн бири ушул болгон. Үмөтаалынын оруска барбайм деген экинчи бир себеби, Тынай оруска мурун карап, жакын болуп, Эсенгул сарбагышынын элин жерин Чоң Кемин, Кичи Кемин, Чүйдөн сыртка айдамакчы болгон.

1867-жылы биринчи шайлоодо эл-журт эсеп дептерге түшүп, бий болуштун күнү туулуп, чыгым көбөйүп, бир жерден экинчи жерге көчүп кете албастан, манапка баштагыдан бетер бекилип байланган. Эгерде бирөө качып, көчүп кетсе, аны эриксиз айдатып алып, качкандыгы үчүн чыгым деп, мал-мүлкүн талап

Залкар манасчы Саякбай Каралаев мындай деп эскерет: алган. Мындай зомбулукка падыша өкмөтү жардамчы болгондугу үчүн начар бечаралар падыша өкмөтүнө нааразы эле. Токмоктун уезд башчысы 1866-жылы сарбагыш кыргызынын биринчи баатыры Төрөкелди Абайылда уулун Токмокко чакырып келип, эч күнөөсүз урганда бүткүл арка кыргызы жана манаптын таасиринде жүргөн кедей кара чарбалар намыстанып катуу кайгырган. Орус бизди журт кылбайт экен деген пикирде болгон. Орустан таяк жедим деп намыстанган Төрөкелди мурункудай элди көп аралабай, үйдөн көп чыкпай жүрүп, 1869-жылы каза болгон [КЖФ, инв. 167, 484—485].

Ошентип, Россия XX кылымдын башталышына карата көптөгөн кошуналарын колонияга айлантуу менен келди. Европадагы бөлөк мамлекеттерге салыштырганда өнүгүүсү начар жана реакциячыл Россиянын колониалдык саясаты аз сандагы улуттардын укугу менен эсептешпөө, маданияты менен каада-салтын урматтабоо, ишти орус буржуазиясы менен падышалык бийликтин таламында гана жүргүзүп, жергиликтүү дыйканчылык, мал чарбачылыктын өзгөчөлүктөрүн жокко чыгаруу менен орусташтырууну оторчул саясат аркылуу ишке ашыра берген.

Адабият:

1. Байтур А. Кыргыз тарыхынын — лекциялары. — Бишкек, 1992. — 123 б.
2. Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы. 2-китеп. — Бишкек, 1993. — 224 б.
3. Таптардын күрөшү, 1932. № 7—8, 131—136 бб. // 1916-жылкы Кыргызстандагы көтөрүлүш. — Бишкек, 1996. — 180 б.

Орус тилинде:

4. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. — Бишкек, 1991. — 112 с.
5. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. — М., 1947. — 381 с.
6. Терентьев Н. Завоевание Средней Азии. — СПб., 1906. — Т. 2. — 547 с.

Архив материалдары:

7. КРИА. Кол жазмалар фонду. Инв. № 151.
8. КРИА. Кол жазмалар фонду. Инв. № 167.
9. КРИА. Кол жазмалар фонду. Инв. № 1643.
10. КРИА. Кол жазмалар фонду. Инв. № 1487.

ЧАСТЬ 5.

ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА

ТӨЛӨБЕК АБДРАХМАНОВ

д. и. н., профессор,

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева,

Бишкек, Кыргызстан.

E-mail: u212@mail.ru

ГУЛЗАДА АБДАЛИЕВА

к. и. н., доцент,

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева,

Бишкек, Кыргызстан.

E-mail: gulzadaabdalieva@gmail.com

1916-жылдагы көтөрүлүш: кыргыздардын Кытайга качышы

Кыргыздар байыртадан эле Синьцзяндын аймактарында жашап келишкен. Тарыхый маалыматтарда «Серика», «Кашкария», «Чыгыш Түркстан», «Батыш Край», «Кытай Түркстан» деп аталып, бул аймакты кыргыздар байырлашкан.

XIII кылымдын акырында Енисей кыргыздарынын бир бөлүгү Кытайдын түндүк-чыгыш тарабындагы Хэйлуунцзян (Хэйлуунжан) аймагына көчүрүлгөндүгү «Юань-Ши» тарыхый булагында баяндалат [Супрененко, 1960, 67] (аталган кыргыздар фу-йу кыргыздары жөнүндөгү маалымат болуп эсептелинет). Ал эми, Синьцзян кыргыздарын Тарбагатай аймагына караштуу Оркошаар деген жерге күчтөп көчүрүлүп келгендиги маалымдалат. Тарбагатайга көчүп келгенденден кийин жергиликтүү калмактардын ишениминдеги лама дининин таасирин кабылдаган [Кийке, 2002, Хуйтун, 5].

Кыргыздарды мындай ассимиляциялоо XVIII кылымдын орто ченине чейин улантылган. Аларга Лобнор кыргыздарынын да киргизүүгө болот [Асанканов, 2010, 56].

XVIII кылымдын 50-жылдары чыгыш Түркстан кыргыздары Чын империясынын курамына кирип, «Синьцзян» саясий-административдик түзүлүшү пайда болгон. Ал эми, XIX кылымдагы «Бейжин келишими», «Тарбагатай чек ара келишими», «Жуңго-Орусия Иле келишими» негизинде кыргыздар Орусия жана Чын империясына карап калышкан. Ушул мезгилден тартып, кыргыз тарыхында кытай букаралыгын тааныган «кытайлык кыргыздар» деген ат менен белгилүү боло баштаган. Арийне, Орусия кыргыздары менен Чын империясынын кыргыздар ортосунда байланыш үзүлбөстөн, мурдагыдай эле улана берген [Анвар Байтур, 1992, 119]. Мисалы: 1914-жылдагы Биринчи дүйнөлүк согуш башталгандан тартып, орус падышачылык өкмөтүнүн согуштук алык-салыктарынын көбөйүшүнөн жана орус дыйкандарынын отурукташуу саясатынан запкы жеген кыргыздар, 1914—1915-жылдары эле, Кытайдын аймактарына барып олтурукташа баштаган. Бирок, бул жылдары кыргыздар массалык түрдө эмес, бир уруу же бир нече үй-бүлө болуп көчүп келишкен (Асанакун Мукан, Мухтар Өмүрбек). Ал эми, 1916-жылдагы көтөрүлүштө кыргыздар Какшаал, Үчтурпан, Аксуу, Бай,

Куча шаарларына, Текес, Кулжа шаарына чейин кирип кетишкен. Качкын кыргыздардын басымдуу бөлүгү совет бийлиги орногондон кийин мекенине кайтып келишип, калган бөлүгү Кытайда кала беришкен [Байтур, 1992, 90].

Совет бийлиги орногондон кийин, кыргыздардын Кытайга эмиграциясы, токтотулган эмес. 1920—1930-жылдары совет бийлигине каршы турган, «басмачылык кыймылдын» катышуучулары, андан соң 1930—1932-жылдардагы коллективдештирүү жана айыл-кыштактарда тап душмандарды жоюу, аларды кулакка тартуу мезгилине туура келген.

1. 1916-жылкы көтөрүлүш. Кыргыздардын Кытайга качышы жана чек арадагы тоскоолдуктар

Кытайдагы кыргыздарынын айтуусу боюнча, XX кылымда Кытайга кыргыздардын үч жолу жер которушкандыгы жана үч үркүн болуп өткөндүгүн, «үч качкын» же «үч көчкөн журттай» окуясы эл арасында кеңири баяндалып айтылып жүргөндүгүн айтышат (Жунус Жумадыл, Муканбет Керим).

Архивдик материалдардан жана Кытайда жашаган кыргыздардан алынган маалыматтардын негизинде 1916—1934-ж. ж. Кытайга кыргыздардын эмиграциялык кыймылдары негизинен үч этапта жүргүзүлгөндүгүн белгилөөгө болот.

1916-жылы Кытайдагы жергиликтүү элдин айтымында «Чоң үркүндө» келип отурукташып калгандар тобу (1916-жылдагы көтөрүлүштү «Чоң үркүн» же «мунт» деп аташат). 1916-жылдагы орус империясынын колониялык саясатына каршы көтөрүлүшкө чыккан кыргыздар Кытайга качууга аргасыз болушкан. Кытайлык кыргыздарда үркүндү чоң качкын (үркүн), орто качкын (үркүн) жана кичи качкын (үркүн) деп шарттуу түрдө бөлүп баяндашкан. Үркүндү карыялар чоң качкындабы же кичи качкындабы дешип, окуянын жылын тастыкташкан (Айдаркан Атамбек, Асанакун Мукан).

Кытайга кыргыздар негизинен үч жол менен багыт алышкан. Биринчиси: Нарындын Ат-Башы аймагынын Ак-Сай өрөөнү аркылуу Торугарт жана Келтебек ашуусу; экинчиси: Прежевальскиден түштүккө, Бедел ашуулары; үчүнчүсү: Каркыра аркылуу Кулжа жана Текес тарапка барышкан.

Кыргыздардын Кытайга качуусунун багыттары тууралуу архивдик маалыматтардан Орусия мамлекетинин Генералдык консулдун докладдык билдирүү катында мындай баяндалган. Анда: сентябрдын биринчи күндөрүндө Кытайдын чегинде чакан топтордон турган кыргыздар пайда боло башташты. Малдын көптүгү жолду арбытууга мүмкүндүк бербегендиктен улам, кыргыздардын негизги массасы сентябрдын 20-ларында гана кытай чек арасынан өтө баштады. Бул убакта Жетисууга жетиштүү сандагы куралдуу күчтөр чогулду, аларды (кыргыздарды) чечкиндүү куугунтуктап, козголоңчуларды Кытайга кубалашты. Кыргыздарга кытай чегине эки багытта: 1) Нарын чыңдоосунун жанынан Аксай өрөөнү аркылуу Какшаал суусунун төрүндөгү Торугарт жана Келтебек ашуусу жана 2) Пржевальск шаарынан түштүк тарапта Бедел жана Кайчы ашуусу аркылуу өтүшүп, Үчтурпан жана Аксуу аймагына барышты. Биринчи багыт топтолгон элдин Кытайга өтүшүнө кыйын болду. Нарын чыңдоосунун гарнизону менен жакын болушу Торугартка бет алган убакта козголоңчулар үчүн туруктуу коркунучтуу болуп эсептелген, анын үстүнө мында чек арадагы тоолор аябагандай катаал, жагымсыз жана жайыттардын жоктугунан улам кыргыздарды кызыктырган эмес. Ошондуктан, көтөрүлүш башталганга чейин Нарындын түштүгүндө көчүп

жүрүшкөн кыргыздар гана Торугарт аркылуу Чакмакка бет алышкан болучу, бул жерге 2 волост ашык кыргыздар келишкен, бул Нарын участкасынын кыргыздарынын арасында толкундоолор анчалык болбогондугу менен да түшүндүрүлөт.

Ал эми, кыргыздардын бир аз гана бөлүгү бет алган биринчи багыттан айырмаланып, козголоңчулардын дээрлик көпчүлүк бөлүгү башчылары менен Бедел аркылуу Үчтурпан менен Аксууга бет алышкан, жакшы жайыттары бар бул аймактын орус чек арасына жакындыгы, ушул тарапта чек аралар жана ашуулар кайтарылбагандыгы кыргыздардын тобу менен тоскоолдуксуз өтүүсүнө мүмкүндүк берген, деп билдирет Пекиндеги орусиялык императордук миссиянын 1916-жылдын 1-декабрдагы № 3300 билдирүүсүндө. Ошентип, Бишкек жана Пржевальск уезддеринин 32 волостунан келген кыргыздар Үчтурпан менен Аксуу чөлкөмүнө, Жаркент уездинен 7 волостунан келген кыргыз менен казактар Кулжадагы Текес аймагына жайгашышкан.

Үчтурпанда жана Аксууда биринчи зарылдыктагы буюмдардын кымбаттыгы кыргыз массасын ачкадан өлүү алдына коёт: алардын арасында тоё тамак жебегендиктен улам келте, жана башка оорулар пайда боло баштады. «Ашыкча жандарынан жана жолдогу убарадан кутулуу үчүн — кыргыздар жолго жана турган жерлерине майда балдарын ташташып, 12 жаштан улуу кыздарын жана балдарын 30—40 сомдон (сомдун наркы 12 теңгенин ордуна 3 теңге болгон убакта) жергиликтүү сарттарга сатып жатышат», — деп Орусиянын Кашкардагы консулу билдирген [КЖФ, инв. № 136, 41].

Үрккөн элдин жолдо жана чет жерде көргөн азап-тозогун толук сүрөттөө мүмкүн эмес. Бир жагынан азык-түлүгү кенен, курал-жарагы шай жазалоочулар такымдай кууп, жеткендерин кырып жатса, экинчи жагынан аскасы асман тиреген ашуулар жүрөк үшүн алып, качкындарга бир кыйла бөгөт болгон, үчүнчүдөн аларды ачкачылык алсыраткан. Өзгөчө бир аз жүгүн жонуна арткан жөө жалаңдарга, ач-жылаңачтарга, жаш балдарга, кары-картаңдарга, балалуу энелерге оор болгон. Ат, төөчөн, мал мүлкү менен кошо көчкөн бай-манаптар көч алдында кетишип, Үркүндүн алгачкы кездеринде анчалык запкы тартышкан эмес. Бирок, бара-бара тоюттун жоктугу, татаал ашуулар алардын малынын көп санда кырылышына алып келген. Бул туурасында жазалоочу топтордун бир жетекчиси 1916-жылдын 22-декабрдагы рапортунда: «Качкындардын малы күнүнө миңдеп кырылып жатат», — деп жазган [КЖФ, инв. № 137, 186—187]. Андан ары ал Ак-Бел, Бедел ашуулары жана Келек-Тайгак суусу менен Ысык-Булактын айланасы малдын жайнаган өлүктөрүнө толуп кеткенин билдирет. Мал-жандын кыйла бөлүгү жазалоочулардын колуна тийген. Ошентип чек арага жеткенде качкындардын колунда жылкынын 10, койлордун 25 проценти гана калган [Усенбаев, 1967, 126].

1916-жылдагы көтөрүлүштүн катышуучусу жана ал тууралуу эл оозунан жыйнаган Абдылда Арыстаке уулу Алдаш Молдонун окуучусу, Жети-Өгүз районунун «Дружба» колхозунун тургунунун эскерүүлөрүндө: «Үркүн Кызыл-Суунун (Покровка) ашуусуна бет алып жөнөдүк. Ашуу өтө татаал бир гана аттын изи бар. Муз жарыктын түбү көрүнбөйт. Жарык кой, эчки, жүгү менен уй, төө жылкы адам түшүп кетип бешик өңөргөн аялдар түшүп кетип жатты. Төөлөр боздоп, кой-эчкилер маарап, жылкылар кишенеп, балдар бакырып, чоңдор кыйкырып, муздун жарыгынан дүңгүрөп араң угулат. Тереңдиги 40—50 метр бар. Байлардын айдап бараткан малдарынын көбү жарыкка түшүп кетти. Ашуу ашып таш басып, агыны катуу суу кечип, аттар уйлар ташыркап така жок уйларга, төөлөргө

чокой тартып, тамак жок жөргөмүш деген чөптү жеген күндөр болду,» — деп маалымдаган [КЖФ, инв. № 716, 35].

Ошентип, чек арадан аман-эсен өткөндөрдү ушул аймакта көчүп-конуп жүргөн калмактар талоонго алып, мал-мүлкүн жана аялдарын олжолоп алып турушкан. Андан кийин жергиликтүү кытай төбөлдөрү калган-каткан оокаттарын белек катары берүүгө мажбурлашкан. Каршылык көрсөткөндөрдү жырткычтык менен өлтүрүшүп, болгон дүнүйөлөрүн тартып алуу адатка айланган. Бул тууралуу Кытайдагы Иле-Казак автономиялык областынына караштуу Моңгул-Күрө ооданынын Шаты айылынын тургуну Абдымолдо Баке төмөнкү маалыматты айтты: «Качкан эл жолдо кыйналып, ачкадан, талап-тоноочулуктан көптөгөн эл набыт болгон. Ошентип азап-тозок менен эл бул жакка (Кытай тарапка) келгенде, чек арадан да өтүү кыйын болгон экен. Чек арадан кыйынчылыкты көрүп, келген элди кайра артка айдап, сен орустун элисиң деп, артынан орус аскерлери кууп келип ара ортодо жолдо өлгөн эл андан көп болгон. Сайкал деген жердин ары жагында ашуу бар. Ысык-Көлгө ошол ашуу менен ашат, азыр аны Кыргыз-Сай же Кыргыз-Ашуусу деп коюшат. Бул жакка келгенде эл чачырап тарап, алды Үрүмчүгө чейин кеткен экен. Келе жатканда жолдо бага албагандан кийин балдарын, кыздарын ар кайсы элге таштап да кетишкени маалым. Кыздарын күйөөгө берип, талкан алган күндөрү да болгон».

Кытайдагы Моңгул-Күрө ооданында жашап жаткан Бейше Манды 59 жаштагы, Арык уруусунун Сарык уругунан эскерүүлөрүнө таянсак: «Моңгул-Күрө ооданында 1916-жылы болуп өткөн окуялар боюнча ушул күнгө чейин сакталып келген, Кыргыз ашуусу деп аталган жер бар. Ал жерди дагы «кыргыз кырылган жер» деп аташат. Себеби Үркүндө кыргыз бул тарапка качып, ашуу ашып келгенде, артынан орус, бери жагынан кытай келип кырган экен. Артынан келген орустар бул жактан монгул, калмактар качып келе жаткан элди ашууда камап кырышкан. Ошондо кырылган элден казандар, самоор, тулгалардын калдыгы Кыргыз ашуусунда азыр да бар. Биз малчы болуп, мал менен жайлоого чыкканыбызда, Кыргыз ашуусу деп аталган жерден ат менен гана өтө ала тургандай жол бар, ошол жолдон өткөнүбүздө кишинин сөөктөрү, калган буюм-тайымдары бүгүнкү күнгө чейин жатат. Чогулуп куран окутуп, сөөктөрдү жерге бергенбиз, бирок, киши сөөктөрү бут баса алгыс болгондуктан баарын жерге берүү мүмкүн эмес, таш ортосунда калып, карагай арасында калып калган киши сөөктөрү али күнгө чейин сакталган», — деп маалымдайт Бейше Мамы (инфор). Ал эми, Кайынды айылынын тургуну (Моңгул-Күрөөдөгү моңгул айылы). Муканбет уулу Абдышүкүрдүн айтымында: «Кыргыз ашуусунда» 1973-жылдары боз үйдүн кереге уугунан, адам өлүгүнөн киши баса албас болгон эле, ошол жерде кыргыздардын кырылгандыгы боюнча атам айтып калаар эле. Көчкөндө 30—40 үй-бүлөнү алып өтүш үчүн көзгө атаар бир чоң мергендери болгон экен. Бул айылда жашап өткөн бир казак кишини айтаар эле, оң колу чыканактан ылдый жок болгондугуна карабастан, мылтыкты ийinine коюп атканда учуп бараткан карганы түшүрө атчу экен. Мына ушундай мергендерди алып барып анан атышып өтүшкөн экен. Ал кезде орустун солдаттарын мергендер алдынкы экөөнү атып койсо эле, калганы кайтып кетишкен. Себеби мергени бар экенин билет экен алар да. Үрккөн эл мергендерди алдына алып жүрүшкөн. Анткени алар элди кубалагандар менен анан атышып өтүшчү экен», — деп билдирди.

1917-жылдын 1-майдагы маалыматка караганда, Чыгыш Түркстанга келгендердин 70—87 миңге жакыны апаат болгон. Эч кандай укугу жок, дайыма куугунтук жеп, жүз миңдеп кырылып жаткан качкындар бөтөн эл, бөтөн жерде узакка туралбайт эле. Андыктан, алар аргасыздан Чыгыш Түркстандагы орус өкмөтүнүн өкүлдөрүнөн жардам суроого мажбур болушкан. Кыргыз көтөрүлүшчүлөрүнүн Кулжадагы орус консулуна жазган өтүнүчүндө: «Азыр биздин тамак-ашыбыз, боз үйлөрүбүз жана аттар үчүн жем-чөбүбүз жок... Бизде нан жана туз да жок, андыктан, биздин өтүнүчүбүздү сиздердин улуу урматтуу башчыларга билдирсеңиздер, балким бизге жардам берүүгө мүмкүнчүлүгүңүздөр табылаар», — деп суранышкан. Өз кезегиндеги Кашкар консулу 1916-жылы 1-декабрда падышага жазган билдирүүсүндө: «Кыйналуунун акыркы чегине жеткен кыргыздар Орусиянын аймагына кайтып келүүгө ынтызар экендигин көрсөтүшүүдө», — деп кабарлаган. Жетисуу аскер губернаторундагы: «Көп убакыт өтпөй эле качкындар жана каракыргыздар Нарынга өз өкүлдөрүн жиберип, баш ийүүгө макулдугун билдиришти жана биздин аймакка кайтып келүүгө уруксат сурай башташты», — деп белгилеген [КЖФ, инв. № 256, 68]. Бирок падыша өкмөтү көтөрүлүшчүлөргө аткара алгыс шарт койгон. Алсак, көтөрүлүштүн жетекчилерин кармап берип, курал-жаракты толук өткөрүүнү, ошондой эле ар бир волосттон армия үчүн 200дөн жылкы төгүүнү жана көтөрүлүш чыгымдарын толугу менен төлөөнү талап кылган. Бул иш жүзүндө азып-тозгон элдин үмүтүн таш каптырып, аларды мүңкүрөтүү эле. Ошентип, падышачылыктын колониалдык саясатын ишке ашыруучулар кыргыз жергесин толугу менен ээлеп алууну көздөшкөн.

Кытайга качып барган, кыргыздардын социалдык абалы үч топко бөлүүгө болот. Биринчи, колунда бар 50—200гө чейин майда жандыгы бар, алар жалпы 10%, экинчи, орто катмар, 5—10го чейин жандыгы барлар — 20%, үчүнчүсү, кембагалдар 45% жалданып иштеген арзан жумушчу күчүн түзгөндөр. Андан башка, бир үзүм нан үчүн сатылып кеткен жаш кыздар жана аялдардын айрымдары Кытайдын Шанхай, Вянзун жана башка шаарларына чейин сойкуканаларга сатылып кеткени маалым [КЖФ, инв. № 45, 61—66].

Арийне, өзү туулуп өскөн, киндик каны тамган жеринде, жергиликтүү элдин социалдык-экономикалык абалы деле оор бойдон кала берген. Орусия падышачылык өкмөтү жергиликтүү калкка карата төмөндөгүдөй саясатын жүргүздү:

1. Көтөрүлүштө кеткен чыгымдарын төлөө шылтоосу менен контрибуция алуу;
2. Генерал-губернатор Куропаткиндин чечими менен жер-жерлерде уезддерде атайын комитеттер түзүлүп, атайын статистикалык отряддар бөлүнүп берилген (чыгымды өндүрүү үчүн).

1916-жылы 21-октябрда «1916-жылдагы көтөрүлүштүн чыгымдарын тактоо жана аларды калыбына келтирүү боюнча областтык комитет» өз ишин жүргүзө баштаган. Бул аталган комитеттин эсеби боюнча жергиликтүү калкка бир эле контрибуциянын көлөмүнө ылайык 30 миллион рублдан ашык салык жүктөлгөн. Ошентип, ар бир айыл эң чоң көлөмдөгү чыгымдарды төлөөгө аргасыз болушкан. 1916-жылы 16-октябрда Верныйда Куропаткиндин төрагалыгынын негизинде өткөн кезектеги жыйынында 1916-жылдары көтөрүлүштө катышкан кыргыздарды көчүрүү жөнүндөгү 1916-жылдагы 16 (29)-октябрь № 59 токтомунда:

1. Пишпек, Пржевальск, Жаркент уездеринен жергиликтүү калктан 25 10361 теше жер П. П. Румянцевдин статистикалык эсептөөлөрүнүн жана текшерүүсүнүн негизинде тартып алуу жана Ысык-Көл, Текес дарыясы, Каркыра жайлоосунан, Чу дарыясынын аймагынан кыргыз жана казактарды өз жеринен айдап салуу каралган.
2. Кыргыздардан бошотулган жерлерге Ысык-Көлдүн түндүк жана түштүк жээктерине ар бир станица 60 короо жайдан турган, 5 орус-казак станицасын түзүү каралган. Анда кайсы жерлерге түзүү керек экендиги көрсөтүлгөн. Аларга: 1. Өрүктү. 2. Корумду. 3. Дунгандардын мурунку отурагы — Маринский айылы. 4. Мурунку орус дыйкандардын отурагы — Гоголевка. 5. Улахол кирген. Ал эми калган жер иштетүүгө ыңгайлуу жерлерге орус дыйкандарын олтурукташтыруу керек экендиги белгиленет. Ал эми, жер иштетүүгө ыңгайы жок жерлер орус падышачылык өкмөтүнө өткөрүлүп берилсин!
3. Пржевальск уездинин, Пишпек уездинин калкынын бир бөлүгүн Нарынга көчүрүү каралган. П. П. Румянцевдин статистикалык эсептөөлөрүнө жана текшерүүсүнө ылайык, Нарында жер айдоого ылайыктуу 57 126 теше, чөп чабыкка ылайыктуу 46 288 теше, кыштоого — 1 836 309 теше, жайкы жайытка ыңгайлуу 2 815 400 теше жер, жалпы — 4 755 122 теше жер болот — деп жазылган (1916-жылдагы 16 (29) — октябрь № 59 протоколу [КЖФ, инв. № 256, 159]).

Пржевальск, Пишпек уезддинин калкын Нарын уездине көчүрүп, ал эми сарыбагыш жана Атаке болушундагы кыргыздарды алыскы аймактардагы волостторго же айылдарга чачыратып же Балхашка көчүрүү боюнча токтомун кабыл алышкан. Бул аталган токтомдун мааниси: биринчиден, көтөрүлүшкө чыккан элди жана качкындарды туулуп өскөн мекенинен Кытайга сүрүп чыгаруу; экинчиден, күч менен 200 000 кыргызды жана казакты алыскы аймактарга көчүрүү болгон. 1916-жылы 8-ноябрда Куропаткин Казалинск шаарына барып (1874-жылдары Урал областынын Казалинск шаарына көчүрүлүп келген), 7 миң урал казактарын Ысык-Көлгө көчүрүү маселесин көтөргөн. Орус казактарына жергиликтүү калктын жерин тартып алууну үгүттөгөн. Кыргыздар Мамлекеттик Думанын депутаты С. П. Мансыревге кат менен кайрылышкан (С. П. Мансырев Түркстанда көп жылдары салык инспектору болуп иштегендиктен, жергиликтүү калктын маселесин жакшы билгендиги үчүн кайрылышы мүмкүн). Кыргыздардын арызын эске алып, Думадагы депутаттар Куропаткинге шашылыш чечим чыгарбоону өтүнүшкөн (ошол эле жерде).

Мамлекеттик Думанын депутаттары Д. С. Шубаевди бийликтин мыйзамсыз иштери о.э. министр бийлигин аша чаап колдонуп жаткандыгы жана шашылыш чечим чыгарылгандыгы менен айыпташкан. Бирок, Д. С. Шубаев депутаттардын айыптоосун четке кагып: «Эгер өзүм туура деп эсептесем, кызматымдан жана бийлигимди аша чаап колдоно берем» — деп билдирген. Мына бийлик өкүлдөрүнүн жобу ушундай болгон. Кыргыздарды массалык көчүрүү кыска убакытта, б. а. 1917-жылдын мартына чейин ишке ашырылмак. 1916-жылы декабрда айыл чарба министрлиги Куропаткиндин планына түзөтүүлөрдү киргизген. Анда: «Соң-Көл, Жумгал жана Көкөмерен аймактарына суу сактагыч куруу шылтоосу менен жергиликтүү элди, аталган аймактардан тазалоо каралган [РВИА, д. 42, ч. 3].

Ал эми, кыргыздардан тартып алынган мүлктөр аукциондо сатылып, андан түшкөн акча каражаттары аскер согуштук губернаторунун депозитине которулган. «Көтөрүлүш чыккан жерлерден кыргыздардын жерин тартып алгыла», — деп тастыктаган генерал губернатор Куропаткин (Циркуляр Семиреченского генерал-губернатора Фольбаума всем уездным начальникам. 3 (16) сентября 1916 г.) [КЖФ, инв. № 258, 17].

Верныйдан Пишпекке чейин, Пишпектен Ысык-Көл аймагындагы айылдар толугу менен кыйроого дуушар болду. 1916-жылдагы Фольбаумдун билдирүүсү боюнча: «Пржевальскийдин чет жакасында Кытайга качкан элден тартып алынган, 300 миңден ашык мал-жандыгы топтолду. Ал эми, Кочкордо 100 миң мал-жандык тартылып алынды.

Токмокто мына ушундай эле көрүнүш. Кийинки иш-чаралар Жумгал, Кочкордун чыгыш тарабы Алабелде уланмакчы» [Брайнин, Шапиро, 1936, 105] — деп жазылган. Кыргыздарды жазалоочу «экспедициялык отряддар» Кытайдын территориясына чейин кууп барышып, аларды талап-тоноого алышкан. Эң мыкаачылык менен айырмаланган Үч-Турпандагы старшина Бычковдун казак отряды болгон [Брайнин, Шапиро, 1936, 108]. Кытайга качып кеткен кыргыздар 1917-жылы жаз айларынан баштап мекенине кайта баштаган. Бирок, 1920-жылдардан тартып кыргыздардын кайтып келүүсү ар кандай саясий жагдайларга карата жайлай баштаган. Ал эми, 1921—1922-жылдары жер реформасынын негизинде кыргыздардын мекенине кайтып келүүсү массалык түрдө уланган. Мүмкүнчүлүгү жетиштүү болгон кыргыздар гана мекенине кайтып келишкен. Качкын кыргыздар тууралуу кеп оролу болгон кезде «эмне үчүн кыргыз жергесинде совет бийлиги орноп, тынчтык өкүм сүргөн кезде алар өз мекенине кайтып келген эмес» деген собол туулбай койбойт. Кытай чек араларынын тоскоолдугу, советтик бийликке каршы басмачылык кыймылдын өкүм сүрүшү Кытайдагы качкын кыргыздардын толук кайтып келүүсүнө тоскоолдуктарды жараткан. Анан калса, падышачыл аскерлердин мыкаачылыгы, жолдогу, белдеги кыйынчылыктардан көңүлдөрү калган кыргыздар чындап эле мекенине келүүгө умтулушкан эмес. Ошентип, кыргыздардын бир ууч бөлүгү Кытай жергесинде түбөлүк байырлап кала беришкен.

2. «Орто Үркүн» же кыргыздардын Кытайга экинчи эмиграциясы

Кыргыздардын Кытайга экинчи эмиграциясынын толкуну 1920—1930-жылдарга туура келген. Ферганадагы Көршермат, Парпи, Аман Балбан, Өзгөндөгү Калкожо, Анжияндагы Ахунжандын жигиттери советтик Кызыл Армия тарабынан талкалангандан кийин «басмачылык кыймылдын» активдүү катышуучулары Жаныбек казы, Рахманкул Кытайга өтүп кетишкен [Кунин, 1981, 90].

Ат-Башы советтик чек арага жакын болгондуктан Синьцзян совет бийлиги-не каршы контрреволюциялык күчтөрдүн борборуна айланып, Кулжа шаарында атаман Анненковдун ишенимдүү адамы полковник Сидоров жетекчилик кылып турган. Тышкы контрреволюциячыл күчтөр талкаланган соң анын калдыктары чет жактагы райондорго барышып, ал жактарда акыркы аракеттерди жасап көрүшкөн. Ошондой козголоңдордун бири 1920-жылы ноябрда Ат-Башыда башталган. Анын башында мурдагы офицер Д. Кирьянов, соодагер К. Бондарев (кыргыздар муну Мөндүрүп дешкен) турган [Кадыров Ы. 2015, октябрь]. Алар

жергиликтүү бай-манаптардын жардамына таянып Нарын шаарында контрреволюциячыл төңкөрүш жасаган жана андагы 23-полктун командалык курамын туткундаган. Шаардагы Совет бийлигинин жетекчилери өлтүрүлүп, 47 партиялык, советтик кызматкер камакка алынган. Падышачылык бийлик орнотулган. Козголочулар Жетисуудагы бийликти колго алыш үчүн Токмокко жана Пишпекке аттанышкан. Кызыл аскерлердин отряддары аларды Кочкордон тоскон. 16-ноябрдагы катуу салгылашууда төңкөрүшчүлөр талкаланып, башчысы Д. Кирьянов колго түшкөн. Нарында Кызыл Армиясынын куугунтугунан кийин 135 адамы ири суммадагы акча менен Ат-Башы аркылуу Үчтурпанга качышкан [Узбеков, 1973, 57]. Бул эмиграциялык толкунду Какшаал жергесиндеги кыргыздар «Мөндүрүп мунтунда келгендер» деп аташат. Ошондуктан, Жетисуудагы согуштук-революциялык кеңеш Пржевальск, Нарын, Фергана областынын Текес дарыясынын Көкарт, Кучу-Бел ашуулары аркылуу кытай менен чектешкен аймактарды көзөмөлгө алып, чек араны бузгандарды катуу жаза колдонулган.

Ошентип, Жетисуудагы 1916—1921-жылдардагы калктын санынын өсүшүнүн динамикасынан 1916-жылдагы көтөрүлүш жана 1918—1920-жылдардагы жарандык согуштун кесепетинен оор жоготууларга учурагандыгын төмөнкү таблицалардан ачык көрүүгө болот.

1916-жыл менен 1917-жылдагы кыргыз жана казак элинин үй-бүлөлөрүнүн санынын салыштырмалуук көрсөткүчү [Асфендияров, 1936, 104].

УЪЕЗД	Көтөрүлүшкө чейин 1915-жылы	Көтөрүлүштөн кийин 1917-жылы	Кыскарган саны
Верный уездинин волосту 3	4 347	2 415	1 932
Жаркент уездинин волосту 13	17 096	4 378	12 718
Пишпек уездинин волосту 25	21 831	12 518	9 313
Пржевальск уездинин волосту 32	34 509	8 849	25 660
Лепсинск уездинин волосту 5	7 071	3 629	3 442
Жалпы	84 854	31 789	51 065

1916-жылкы көтөрүлүштөн айрыкча Пржевальск уезди жана Жаркент, Пишпек уезддери жабыр таркандыгы таблицада ачык көрүнүп турат.

Калктын саны (Marco Buttino, 1990, 69)

Уезддер	1912-жылы	1915-жылы	1921-жылы
Жаркент	167 000	161 000	108 000
Пржевальск	192 000	205 000	201 000
Ауле-Ата	365 000	маалымат жок	201 000
Жалпы	724 000	маалымат жок	5 100

3. «Кичи үркүн» жана кыргыздардын Кытайга үчүнчү эмиграциясы

1930—1932-жылдардагы коллективдештирүү жана айыл-кыштактарда тап душмандарын жоюуда, колхоздоштурууда активисттер аша чаап кетишкен жана көптөгөн орто чарба дыйкандарды кулакка тартышкан. БКП(б) БКнын 1930-

жылы 30-январдагы токтомунда ар бир райондо дыйкан чарбаларынын 3%тен 5%ге чейинкиси кулакка тартылыш керек экендиги белгиленген. Албетте планды толтуруш үчүн бул процесс адилетсиз жүргүзүлгөн [Коллективизация:..., 1988].

Совет өкмөтүнүн колхоздоштуруу саясатына каршы чыккан, Акчубак көтөрүлүшүнө 1931-жылы негизинен Ат-Башыдагы черик, акчубак тукумундагылар катышкан. Ошол мезгилде айрым чек арачылардын элге жасаган шовинисттик мамилелерине, совет бийлигинин кулакка тартуу, мал-мүлктү ортолоштуруу саясатына нааразы болушкан жергиликтүүлөр Акбейит сакчылар пунктунун (застава) начальнигин өлтүрүшкөн (эстелиги азыр да Ат-Башы айылында), Чеч-Дөбөдөгү сакчылар пунктуна кол салууга аракеттенишкен (союл, камчы, кетмен, күрөк, шылкетме менен куралданышкан).

Чек арачылар замбирек менен тоону карай бир-эки жолу атканда эле алар кайра качышкан. Чек арачылар артынан түшүп, көтөрүлүшчүлөрдү аёосуз кырган, Ат-Башы районунан 200 адам Кытайга кире качып кутулушкан жана алар 40 адамдан турган басмачылык кыймылды уюштурушкан [Пылев, 2006, 206]. Ошентип, 1931-жылы кулактарды тап катары жоюу саясатынын алкагында аларды Кыргызстандан Украинага көчүрүү кампаниясына даярдыктар учурунда да бай-манаптарга карата жүргүзүлгөн репрессиялар чек арада жайгашкан Нарын жана Ат-Башы райондорунда калктын нааразычылыгын жаратып, эмиграциялык кыймылдарга жол ачкан [Алтымышова, 2015, 3].

Бул сыяктуу тагдырга Казыбек Мамбетемин (Күчүк) уулу да туш болгон. 1931-жылы Казыбек Абдылда, Кулчундар менен чек араны бузуп, Кытай тарапка өтүп 1931—1934-жж. чейин ал жерлерде жашап, кадыр-баркка ээ болуп, жаш өспүрүмдөргө сабак бергендиги жөнүндө маалыматтар кездешет [Казыбек. Ырлар, 2007, 21]. Кытайлык кыргыздардын арасында Ак-Чий ооданын Кара-Чий, Кара-Булак, Кулансарык айылы жана Артыш шаарына караштуу Тегирменти айылында, Иле-Казак автономиялык обласынын Текес ооданына караштуу Көк-Терек кыргыз улуттук айылында, Моңгул-Күрө ооданын Шаты кыргыз улуттук айылында, Кулжа шаарына караштуу Нылкыда оозеки сурамжылоолор, кыргыздар XX кылымда 1916—1934-жылдары Кытайга үч эмиграциялык толкун болуп өткөндүгүн тастыктайт. Кытайдагы маданий революция мезгилинде, Кыргызстандан барып байырлап жашап калган кыргыздарды «чет элге байланышкан» — деп мамлекет тарабынан ар дайым көзөмөлдө болуп турушкан. Кыргызстанга барууга мүмкүнчүлүктөрү болгон эмес. Ал эми, бүгүнкү күндө эмиграцияланган кыргыздар Кыргызстандагы туугандары менен байланышы кеңири жолго коюлган.

4. Кытайдагы кыргыздардын 1916-жылдагы жана кийинки эмиграциянын негизинде олтурукташкан кыргыз улуттук айылдары Кыргыздардын Боз-Дөңгө чогулушу

Сыдыкбек Кыргызстандан, 1935-жылдарда Кытайга келип, Аксуу сакчы мекемесинде башчы болуп иштеген. Сыдыкбек Чекиражы Аксуу аймактык чекарада башчы болуп жүргөндө, Аксуунун ошол кездеги доотайы Саалы деген менен сүйлөшүү жүргүзүп, тентип жүргөн кыргыздарды Боз-Дөңгө жыйнап, кыргыздардын жашап турган жерлерди тактаган. Ал эл аралап жүрүп, Аксуунун Жам, Кызым, Байдын Жакарык, Карабак деген жерлеринде тентип жүргөн кыргыздарды байкап, Аксуунун ошол кездеги Волинсы доотайына, кыргыздарга мал-чарба багууга, отурукташууга ылайыктуу жер көрсөтүп берүүнү суранат. Жергиликтүү

өкмөттөрдүн жардамы менен азыркы Аксуу ооданынын Боз-Дөңдү ылайык көрүп, андагы жергиликтүү тургундарды көчүрүп, жерди бошоткон соң, Бай, Аксуунун жерлеринде уйгурдун байларына койчу, күң болуп жүргөн кыргыздарды Боз-Дөңгө жыйнаган (Жусуп, 2010, 9). 1916-жылдан 1934-жылдардын аралыгында Кыргызстандан келгендер, Аксуунун Жаш, Кызыл, Жакарык деген жерлерге олтурукташышкан.

Үчтурпан ооданынын Жаман-Суу кыргыз улуттук айылы

Аксуу аймагынан Үчтурпан ооданына караштуу Жаман-Суу айылы байыркы жибек жолунун түйүнүнө жайгашкан. Маданий революция мезгилинде Жаман-Суунун кыргыздары четке байланган, деген жалаа менен бир далайы ар кайсы жерге бытырап чачырап кетишкен. 1987-жылы Жаман-Суу кыргыз улуттук айыл болуп курулган [Жусуп, 2010, 12].

Иле-Казак областындагы кыргыздар

Бүгүнкү күндө Иле-Казак автономиялык областындагы жашаган кыргыздардын саны 17 миң адамга жетет. Алар негизинен Текес ооданынын Көк-Терек кыргыз айылында, Моңгул-Күрө ооданында Көк-Терек кыргыз айылы жана Нылкыда аймакташып жашашат [Токтаалы, 2013, 131].

Жыйынтыктап айтканда, 1916—1934-жылдары эмиграцияланган кыргыздардын тобу Кытайдын кайсы аймактарына жайгаша алышты. Кытай Эл Республикасындагы кыргыздардын жалпы саны 195 миңге жеткен. Алардын 77,4% СУАРдын Кызыл-Суу кыргыз автономиялык областында жашайт. Синьцзяндагы кыргыздардын көпчүлүгү Кызыл-Суу кыргыз автономиялык облусунда жайгашкан. Алар кыргыздардын 77,4% ин түзүп, байыркы мезгилдерден тартып, бул аймактарда жашап келишкендиги тарыхта белгилүү. Арийне, эмиграцияланган кыргыздардын биринчи толкуну б. а. 1916-жылдагы көтөрүлүштөгү кыргыздар Көк-Терек кыргыз улуттук айылында (Иле-Казак автономиялуу облусунун Текес ооданында жайгашып, кыргыздардын саны 7 514 киши, бир оодан даражалуу кыргыз орто мектебинде кыргыз балдары билим алышат), Шаты кыргыз улуттук айылында (Иле-Казак автономиялуу облусунун Монгул-Күрө ооданында жайгашкан. Кыргыз, ханзу (кытай), уйгур, казак, монгул, хуйзу (дунган), өзбек жана татар сыяктуу 8 улут жашайт, Кыргыздардын саны 1 732 жеткен), Боз-Дөң кыргыз улуттук айылында (Аксуу аймагынын Он-Суу ооданында карап, 1985-жылы кыргыз улуттук айылы болуп түзүлгөн. Кыргыздардын саны 1 876 киши жеткен), Жаман-Суу кыргыз улуттук айылында (Аксуу аймагынын Үч-Турпан ооданында жайгашып, 1985-жылы кыргыз улуттук айылы болуп түзүлгөн. Кыргыздардын саны 1 373 адамды түзөт), Кең-Кыр кыргыз улуттук айылында (Хотан аймагынын Гума ооданында жайгашкан. Кыргыздардын саны: 579 киши) (Кызыл-Суунун 50-жылдыгы 1954—2004) [Статистикалык жыйнак 2004, 465] Кулжа шаарында, Нылкыда, Бай ооданында, Аксуу шаарында, Кучар ооданында, Хотен аймактарына чейин олтурукташып калышкан. Ал эми, эмиграциянын экинчи жана үчүнчү толкуну чек арага жакын айылдарда б. а. Ак-Чий, Улуу-Чат оодандарынын айылдарында чачкын жайгашкан жана көпчүлүк бөлүгү жогоруда аталган кыргыз улуттук айылдарына барып кошулушкан.

Адабият

1. *Абдукап Кара*. Мустафа Чокай. — Алмата, 2014. — 317 б.
2. *Анвар Байтур*. Кыргыз тарыхынын лекциялары. — Бишкек, 1992. — 128 б.
3. *Алтымышева З.* 1930-жж. Кыргызстандан Кытайга эмиграциялык кыймылдар // *Manas Journal of Social Studies New Publication*. — 2015. — №1. — pp. 1—12.
4. *Нурдин Жусуп*. Аксуу санжырасы. — Артыш, 2012. — 275 б.
5. *Кадыров Ы.* Үркүн үч жолу болгон // *Рух кенчи*. — 2015, 10-октябрь.
6. *Казыбек. Ырлар.* / Түз. С. Мусаев. — Бишкек, 2007. — 463 б.
7. *Кудайберген Кийке*. Тарбагатай кыргыздары. — Хуйтун. 2002. — 76 б.
8. *Кызыл-Суунун 50 жылдыгы 1954—2004 (Статистикалык жыйнак)*. — Үрүмчү, 2004. — 684 б.
9. *Мамбетасан Токтаалы*. Жуңго кыргыздары. — Үрүмчү, 2013. — 614 б.

Чет тилдеринде:

10. *Асанканов А. А.* Кыргызы Синьцзян (КНР). — Бишкек, 2010. — 576 с.
11. *Асфендияров С. Д.* Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. — Алма-Ата, 1936. — 154 с.
12. *Брайнин С., Шапиро Ш.* Восстание 1916 года в Семиречье// *Большевик Казахстана*. — 1936. — № 7. — С. 97—108.
13. *Кунин А. И.* Южная Киргизия в годы гражданской войны. — Фрунзе, 1981. — 143 с.
14. *Коллективизация: как это было* // *Правда*. — 1988. 16-сентябрь.
15. «Ли Вэй-Гун ойган Илин-цзу» / собрание сочинений Ли Вэй-Гуна периода Хойган. 841—846 гг. // *Изв. Ан. Кирг. ССР: серия общественных наук*. Т. 2. Вып 3. — Фрунзе, 1960.
16. *Супрененко Г. В.* Документы об отношениях Китая с Енисейскими киргизами и источниках IX в.
17. *Узбеков К. У.* Северная Киргизия в период гражданской войны. — Фрунзе, 1973. — 155 с.
18. *Усенбаев К. У.* Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967. — 327 с.
19. *Marco Buttino*. Study of the economic crisis and depopulation in Turkestan, 1917—1920 / *Central Asian Survey*, volume 9, issue 4, 1990. — pp. 59—74.

Архив материалдары:

20. КРУИА. Кол жазмалар фонду Пекиндеги Россиялык императордук миссиянын 1916-ж, 1-декабрдагы № 3300 билдирүүсүнүн көчүрмөсү, инв. № 136-198.
21. КРУИА. Кол жазмалар фонду. Инв. № 716.
22. КРУИА. Кол жазмалар фонду. Инв. № 137.
23. КРУИА. Кол жазмалар фонду. Инв. № 136.
24. КРУИЯ. Кол жазмалар фонду. Инв. № 256.
25. РВИА. Ф. 7198. № 87. Д. 42. Ч. 3.

Информаторлор:

26. *Абдымолдо Бак*. Иле-Казак автономиялык областынына Моңгул-Күрөө ооданы, Шаты айылы 84 жашта.
27. *Айдаркан Атамбек*. Иле-Казак автономиялык областынына караштуу Текес ооданынын Көк-Терек айылы 99 жашта.
28. *Асанакун Мукан*. Моңгул-Күрөө ооданы, Шаты айылы, 82 жашта.
29. *Бейше Манды*. Кытайдагы Моңгул-Күрө, Шаты айылы, 59 жашта.
30. *Жунус Жумадыл*. Кулжа шаары, 76 жашта.
31. *Муканбет уулу Абдышүкүр*. Моңгул-Күрөөдөгү Кайыңды айылы, 63 жашта.
32. *Муканбет Керим*. Нылкы шаары 63 жашт.
33. *Мухтар Өмүрбек*. Иле-Казак автономиялык областынына караштуу Текес ооданынын Көк-Терек айылы 65 жашта.
34. *Нурдин Жусуп*. Жамансуу айылы / Үчтурпан ооданынын Жаман-Суу кыргыз улуттук айылы, 67 жашта.
35. *Сурмакаш Осмон кызы*. Иле-Казак автономиялык областынына караштуу Текес ооданынын Көк-Терек айылы 62 жашта.
36. *Шарипа Асанакун кызы*. Моңгул-Күрөөдөгү Кайыңды айылы, 86 жашта.

АЛЕКСАНДР МОРРИСОН

*PhD, профессор,
Назарбаев университет,
Астана, Казахстан.
E-mail: alexander.morrison@nu.edu.kz*

Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года

История Первой мировой войны в Российской Центральной Азии изобилует вопросами, полностью или частично оставшимися без ответа. В предвоенные годы Российское имперское государство готовилось к более основательной эксплуатации сельскохозяйственных и природных ресурсов Туркестана, о чем недвусмысленно говорится в знаменитой «Записке» Главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина от 1912 года. В то же время, трудно сказать, было ли что-то предпринято в этом отношении до начала войны — и если было, то что [Кривошеин, 1912]. Весьма вероятно, однако, что эта новая политика, повышение налогов, и общее давление военного времени привели к перегреву местной экономики и к стремительной инфляции цен на продовольствие и на топливо. В этом отношении ситуация в Туркестане соответствовала общему положению российской экономики военного времени, которое Норман Стоун назвал «кризисом ускоренной модернизации» [Stone, 1975, 17].

В 1915 году Русский Туркестан собрал самый большой урожай хлопка за весь дореволюционный период, такой рекорд вновь удастся повторить лишь в 1929 г., но следующий год оказался неурожайным, а за ним, в 1917—1918 гг., последовали голод и убыль населения [Buttino, 1990, 59—74; *Economic Relationships...*, 1998, 194—209].

Любопытным фактором является наличие большого количества австро-венгерских военнопленных в регионе, начиная с 1915 года: впоследствии они сыграют ключевую роль в революциях 1917 года. Наиболее наглядными источниками того времени, которые хорошо иллюстрируют использование Временным правительством и большевиками хорошо обученных европейских солдат для контроля «туземного населения», являются Fritz Willfort *Turkestanisches Tagebuch. Sechs Jahre in Russisch-Zentralasien* (1930); P. S. Nazaroff *Hunted Through Central Asia* (1932); F. M. Bailey *Mission to Tashkent* (1946).

Наконец, что особенно важно, бремя, наложенное Первой мировой войной на государство и общество царской России, впервые вылилось в открытое восстание не в Петрограде в феврале 1917 года, а в Средней Азии в июле 1916 года. Восстание 1916 года можно понимать как часть того «непрерывного кризиса», который, по словам Питера Холквиста, охватил империю с августа 1914 года [Holquist, 2001], и как начало, согласно Джонатану Смилу, десятилетнего периода Гражданской войны, прокатившейся по всей территории Российской империи [Smele, 2015, 17—21]. У него, однако, были и более специфические, местные причины, а именно конфликты и конкуренция за земельные и водные ресурсы, разраставшиеся между переселенцами и кочевниками в предшествующие

двадцать лет, с тех пор, как славянские переселенцы в существенном количестве стали прибывать в населенные кочевниками области Русского Туркестана (главным образом, в Семиречье), при поддержке Переселенческого управления в Петербурге. Восстание 1916 года является ключевым для понимания падения царского режима в Средней Азии и провала колониализма в целом, а также для развенчания советского мифа о солидарности крестьян-переселенцев с местным населением [Сулейменов, 1963, 116—126; Брускин, 1965, 28—38; Гинзбург, 1976, 201—205; Фомченко, 1983; Малтусынов, 2006, 21—34].

На протяжении десятилетий о нем мало что знали, поскольку западные историки имели доступ лишь к небольшой подборке опубликованных источников [Галузо, 1929, 39—94; Брайнин, Шарифо, 1935], а советские ученые, поначалу получившие возможность критиковать царскую колониальную политику, впоследствии вынуждены были принять весьма неправдоподобный взгляд на восстание 1916 года как на «революционный союз» переселенцев и кочевников против царского режима — взгляд и по сей день господствующий в некоторых российских публикациях [Кастельская, 1938; Турсунов, 1962; Кастельская, 1972]. Живучесть такого сомнительного толкования очевидна в работе О. И. Брусиной «Славяне в Средней Азии» [2001, 20—40, 137—47], и в части, посвященной восстанию 1916 года, в статье Н. Е. Бекмахановой [2008, 228—92]. Только теперь историки всерьез занялись этим вопросом. Лучшее описание восстания 1916 года и последующих репрессий можно найти в Jörn Happel *Nomadische Lebenswelten Und Zarische Politik: Der Aufstand in Zentralasien 1916* [2010]; Марко Буттино *Революция Наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР* [2007, 58—91]; Tomohiko Uyama ‘Two attempts at building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement’ in Stéphane Dudoignon & Hisao Komatsu (ed.) *Islam in Politics in Russia and Central Asia* [2001, 77—98]; Daniel Brower ‘Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916’ *Jahrbücher für Geschichte Ost Europas* [1996, 41—53]. Единственным полным англоязычным описанием является Edward D. Sokol *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia* [1954].

Отчасти проблема понимания восстания связана с тем, что его история чаще всего оказывалась втянута в более широкое повествование о русской революции 1917 года, что приводило к телеологическим объяснениям, не принимающим во внимание специфический контекст Средней Азии и то, что в этот регион Февральская и Октябрьская революции попали «по телеграфу» [Буттино, 2007, 10], а не выросли из местной политической динамики. Важно вернуть это восстание в современный ему контекст и напомнить, что различные участники этого события не могли знать заранее о революции 1917 года в столице или о падении Временного правительства, так скоро последовавшего за февральским переворотом 1917 г. Вполне возможно, что восстание 1916 года было не просто прелюдией к среднеазиатским революциям 1917 года, а определило линии политического раздела и, что особенно важно, характер кровопролитий в Средней Азии в 1917—1920 гг.

С 1916 годом связано очень много вопросов, которые толком не исследованы или исследованы лишь частично: почему восстание вспыхнуло в городской среде, в Джизаке, и как оно перекинулось на области, населенные кочевниками? Почему самые серьезные кровопролития произошли вблизи Пишпека (киргизский

район) и Пржевальска (где первоначальная вспышка, судя по всему, произошла среди дунган)? Какую роль сыграла «туземная администрация», будь то в качестве жертвы или зачинщика? В какой мере восстание было спровоцировано краткосрочными причинами (инфляцией военного времени, повышением налогов), а в какой мере — более длительным недовольством крестьянским переселением? Почему колониальный режим настолько игнорировал народное недовольство, что летом 1916 года выпустил указ о призыве мусульман в трудовые батальоны, что послужило окончательным толчком к восстанию? Первоначальная инструкция поступила из Петрограда, но никаких намеков на какие-либо возражения на местном уровне в переписке по этому вопросу между Главным Штабом, исполняющим обязанности ташкентского генерал-губернатора фон Мартсоном и военными губернаторами различных провинций, не содержится (РГВИА, д. 736, 737). Возражения высказало лишь Министерство иностранных дел, да и то не потому, что сочло такой шаг необдуманным, а потому что с ним не проконсультировались: фон Клемм Беляеву 16/07/1916 [АВПРИ, д. 185, л. 246]. Наконец, как было подавлено восстание и каковы были последствия такого «усмирения»? Этот процесс продолжался и после революции в промежуточный период между февралем и октябрём 1917 года, пока новая волна насилия (в значительной степени, межэтнического) не захлестнула регион.

Трудности военного времени, несомненно, способствовали вспышке восстания, что является аргументом в пользу трактовки его как части «непрерывного кризиса» Холквиста. Даже поверхностный обзор туркестанской прессы за 1914—1916 гг. достаточно ясно демонстрирует серьезную озабоченность быстро растущими ценами на топливо и продовольственные товары на фоне возросших военных налогов. Смотрите например, «Война, Деньги и Дороговизна» Туркестанские Ведомости 09.06.1915; «Вопрос о дороговизне перед представителями городов» Туркестанские Ведомости 28.06.1915; «Военный Налог» Туркестанские Ведомости 14.07.1915; «Как растут цены» Туркестанский Курьер 12.07.1916; «Хлебный вопрос» Туркестанский Курьер 10.08.1916. До Первой мировой войны население Туркестана привыкло к довольно легкому налоговому бремени, и приспособиться к повышенным требованиям после 1914 года оказалось сложно. Реальная заработная плата по империи сократилась как минимум на 25% за первые два года войны, а в Средней Азии и того больше. Введение повинности на тыловых работах — поспешное, непродуманное, сопровождаемое тревожными слухами о том, что мобилизованных, на самом деле, отправят на фронт безоружными, стало последней каплей [Yuana, 2001, 80—86; Ковалев, 1957, 63—115].

Однако то обстоятельство, что наиболее ожесточенным мятеж оказался в регионе с большим количеством поселенцев-крестьян и высокой конкуренцией за земельные и водные ресурсы (Семиречье), заставляет предположить существование более глубоких внутренних конфликтов, порожденных колонизацией и вышедших на поверхность в 1916 году. Именно к такому выводу пришли многие современники, подобно царскому инженеру Павлу Назарову, писавшему — «Такова в этой стране была система колонизации, ставшая основной причиной недовольства среди Киргизов, направленного против российских властей и вылившегося в восстание 1916 г. Эти меры пытались оправдать красивыми фразами о благотворном влиянии русских колонистов на грубых кочевников — благотворное влияние выражалось в обучении киргизов пить водку.» [Nazaroff, 1932, 139].

Недавние исследования показывают, что такого рода суждения — несмотря на их ретроспективный характер — содержат немалую долю истины. Кровопролития и вражда между переселенцами и кочевниками были не редкостью, а, скорее, привычным явлением в годы, предшествующие 1916 году [Happel; Малтусынов, 102—137; Будянский, 2006, 28—37]. Отчет графа К. К. Палена об официальной ревизии администрации Туркестанского края за 1910 год предупреждает, что бесконтрольная крестьянская колонизация «закладывает семена национальной розни в инородческом крае» [Пален, 1910, 406; Morrison, 2012, 1—29].

Но почему же тогда восстание застало колониальную администрацию, судя по всему, совершенно врасплох? Не считая общего кризисного состояния империи, связанного с войной, которое привело к принятию многих неудачных решений на самых разных уровнях и отвлекало власти от специфически среднеазиатских проблем, похоже, что даже самые осведомленные российские чиновники, хорошо владевшие местными языками, ожидали, что всякий мятеж примет религиозный характер и будет вызван исламскими «фанатиками» или иностранными агентами. Идея того, что восстание поддержала «невидимая рука» иностранных агентов была в то время довольно широко распространена, что неудивительно, поскольку она снимала с колониальных чиновников обвинение в некомпетентности — см., к примеру, «Донесение военного губернатора Семиреченской области ген. Фольбаума туркестанскому генерал-губернатору» в А. Чулошников (ред.) «К истории восстания киргиз в 1916 г.» [Красный архив, 1926, 72]. Нет никаких существенных доказательств вмешательства турецких или немецких агентов. См. А. Д. Васильев «К вопросу о внешнем влиянии на события 1916г.» в Т. В. Котюкова Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии) [2016, 108—113]. В январе 1916 года, когда губернаторы провинций Русского Туркестана собрались для обсуждения возможности введения воинской повинности среди мусульманского населения, идея была отвергнута главным образом из-за страха перед «фанатизмом» и происками турецких агентов, а некоторые выражали обеспокоенность в связи с относительно небольшой численностью русских переселенцев в районе и говорили о необходимости умножить русское население [АВПРИ, д. 340, л. 9—16]. При этом они, видимо, руководствовались примером единственного серьезного мятежа, случившегося в Русском Туркестане — Андижанского восстания 1898 года. [Моррисон, 2013, 44—87]. Гаппель и Уяма предположили, что если в некоторых районах мятежники действительно использовали религиозные лозунги, то ислам все же не был основным движущим фактором восстания [Uyama, 85—86; Happel, 166—167].

Однако новые исследования особенно необходимы, именно по последнему вопросу о подавлении восстания и его последствиях, и о его связи с дальнейшим кровопролитием в ходе революции и Гражданской войны. В Туркестане подавление восстания самым тесным образом связано с именем Алексея Николаевича Куропаткина, как раз для этого и назначенного на пост генерал-губернатора в августе 1916 года. Именно он выступил с известным заявлением, что вся земля, «где пролилась русская кровь», будет передана крестьянам-переселенцам, и поддержал насильственное присвоение земли переселенцами, приняв роковое решение раздать им оружие [Галузо, 1926; Буттино, 2007, 72—73].

В дневнике он описывает свой отказ принять во внимание смягчающие обстоятельства, на которые указывал ему его переводчик, казахский инженер Мухаммад Тынышпаев — «Инженер Тынышбаев, киргиз, что едет со мною переводчиком, подал мне записку о причинах киргизских беспорядков в Аулиотинском уезде. По собранным им сведениям (опросом киргиз, односторонне), беспорядки возникли по вине администрации и русского населения. Администрация не разъяснила населению сущность требований, русское население подучало киргиз не давать рабочих. Страшало их, что заберет в войска. А про себя говорило, что — пусть бунтуют, у них отнимут земли и отдадут им. Когда беспорядки начались, русские грабили и убивали мирное киргизское население.

В действительности киргизы первые сделали гадость: напали на безоружных белобилетников, призывавшихся в войска, и убили до 30 человек. Тела бросили в колодезь.» [Восстание 1916 г., 1932, 56].

Впоследствии он разработал план, предполагавший разделение переселенцев и туземцев в духе апартеида и массовую депортацию кыргызского населения из района вокруг озера Иссык-Куль в горную Нарынскую область, чтобы освободить место для русских переселенцев [Восстание 1916 г., 1932, 60; Буттино, 2007, 73—74]. В любом случае, тысячи кыргызов и казахов уже бежали через границу в Китай, оставив свои земли. В Нарыне массовый исход в Китай начался еще до восстания и последовавших за ним карательных мер, подогреваемый слухами о том, что русские специально отбирают самых здоровых мусульман, чтобы заставить их работать между русской и немецкой линиями фронта, где их всех перебьют [РГВИА, д. 4546, л. 59]. Однако менее известен тот факт, что именно Куропаткин также положил начало первым мерам реабилитации беженцев. В январе 1917 года он обратился в Военное Министерство с просьбой выделить средства на борьбу с эпидемией тифа среди киргизов, бежавших в Кульджу, и на поддержку их возвращения в Туркестан, нуждавшийся в рабочей силе [РГВИА, д. 4639, л. 1].

В начале февраля Главный Штаб отпустил на эти цели полмиллиона рублей, хотя в Туркестан эти деньги попали лишь в марте, после Февральской революции [РГВИА, д. 4639, л. 5—6, 37]. Эти средства, вероятно, быстро ушли на зерно для возвращающихся беженцев, и выделенная сумма составила лишь малую долю тех убытков, на которые стали поступать жалобы от переселенцев, казахов и «туземцев». По оценкам реабилитационного комитета, созданного в мае 1917 года под председательством О. Шкапского, краеведа, сыгравшего видную роль в дореволюционной администрации, и Тынышпаева для определения убытков и запуска процесса строительства и нового заселения, 9 989 домашних хозяйств были уничтожены в одном только Семиречье и общая сумма убытков составила 31 млн руб. Комитет установил, что 300 000 «киргизов» (то есть казахов и кыргызов) бежали в разгар восстания и репрессий, и что 250 000 из них, или 50 000 семей, вероятно, вернутся назад (РГВИА, д. 4639, л. 54—57; Niccolò Pianciola, 2009, 124—126).

В декабре 1916 года Александр Керенский произнес в Думе пламенную речь, обличая и ошибочную политику, которая привела к восстанию, и карательные меры против мятежников в его родном Туркестане [РГВИА, д. 4639, л. 68—75; Доклад А. Ф. Керенского..., 1997, 4—22].

Постепенное возвращение беженцев в первой половине 1917 года поставило сложную задачу перед новым Временным правительством, в котором Керенский играл столь видную роль. Куропаткин был отстранен от должности 31 марта [Буттино, 2007, 108], но пришедший ему на смену Туркестанский комитет во главе с ориенталистом-радикалом В. П. Наливкиным [Абашин, 2005, 43—96], хоть и осудил публично карательную тактику Куропаткина, также склонялся к мысли о постоянной сегрегации поселенцев и местных жителей [Будянский, 2007, 78—109].

Документы из Джаркента, Пишпека и Пржевальска иллюстрируют попытки реабилитации и интеграции казахских и кыргызских беженцев среди русских казаков и переселенцев, но также и возникшие отсюда конфликты — причем, что немаловажно, работой этой руководило то же самое Переселенческое управление, чья политика в свое время немало способствовала возникновению восстания [Holquist, 2010, 151—179].

В Жаланаши, к востоку от Верного, землемер, которому поручили расселение беженцев, сообщил — «...еще далеко не миролюбиво настроены в отношении киргиз. Случай же убийства в это время двух киргиз, находившихся у границ казачьего надела подтверждал, что малейший и мало-значительный повод может вызвать нежелательные последствия.» [ЦГА РК, д. 55, л. 36].

Его казахский помощник Ильяс Даулетбеков сказался больным, чтобы не сопровождать его в этот район, и он пришел к выводу, что возвращающихся в регион казахов придется расселять подальше от станиц. В поселке Красноярск Баянкольской волости он отмечал — «...в настоящее время прежние условия более менее смешанного землепользования и водопользования русских с киргизами совершенно невозможны, т. к. у русского населения еще свежи впечатления от бедствий, причиненных ему мятежом киргиз в прошлом году.» [ЦГА РК, д. 55, л. 38].

И снова он предлагает разделить поселения — «...в интересах того и другого населения как в данном районе Баянкольской — Ивановской вол., так и в других подобного рода условиях — признано необходимым установить районы временно обособленного землепользования между русским и киргизским населением.» [ЦГА РК, д. 55, л. 38].

Он рекомендовал подобную схему также для Нарынкольской, Альджан-Кегенской и шести южных волостей Джаркентского уезда. При этом он следовал рекомендациям комитета Шкапского-Тынышпаева, руководившего процессом переселения беженцев, и решил не допускать возвращенцев на всю территорию Иссык-Кульского района и существенной части Пишпекского уезда, полностью отделяя их от переселенцев повсюду за исключением нескольких районов, где «крестьяне настроены не столь враждебно» [РГВИА, д. 4639, л. 65; ЦГА РК, д. 55, л. 51].

Несмотря на оговорку о «временном» характере такого порядка, непонятно, каким образом это разделение могло не стать постоянным после восстановления сельскохозяйственной деятельности, особенно учитывая то, как мало возможностей для налаживания связей между двумя общинами могло возникнуть в дальнейшем. Замалчивалось и то обстоятельство, что подобные планы были весьма невыгодны для возвращающихся казахских и кыргызских беженцев,

вынужденных селиться на окраинных землях, удаленных от существующих крестьянских поселений и станиц, которые и так, как правило, занимали наиболее плодородные земли и существенно расширили свои владения во время «захвата земли», последовавшего за восстанием. Когда в Петербурге собралась комиссия, чтобы рассмотреть выводы Шкапского и Тынышпаева, в состав её, что немало важно, вошли Григорий Чиркин и А. А. Татищев, сотрудники Переселенческого управления в качестве представителей Министерства земледелия [Татищев, 2001, 259—261]. Она признала очевидную несправедливость плана Куропаткина окончательно лишить бежавших из Семиречья казахов и киргизов прав на ранее принадлежавшую им землю и использовать ее для создания пяти новых казацких станиц, но согласилась с рекомендациями Шкапского и Тынышпаева о расселении беженцев и налаживании мирных отношений между ними и русским населением. Была объявлена общая амнистия участникам восстания, истолкованного как восстание против «старого режима», возможно, спровоцированное немецкими шпионами, а не как этнический конфликт. Комиссия постановила выплатить русским семьям по 500 руб. компенсации и по 1 000 руб. на восстановление жилищ, а 50 000 возвращающихся киргизских семей должны были получить по 100 руб. на кибитку, на что в общей сложности требовалось 11 150 000 руб. [РГВИА, д. 4639, л. 102—106].

Обращение к жителям Семиречья также делало упор на преступления царского режима и на необходимость братских отношений в новую эпоху свободы, которой положила начало революция — «Царская власть неумелыми действиями и распоряжениями по призыву инородцев к работам на оборону страны вселила в киргизов Семиречья тревогу; киргизы, боясь за свою судьбу, возстали. Разразилась междоусобица, жертвами которой оказались ни в чем неповинные русские люди, давнишние мирные соседи киргизов, а также и сами киргизы...

Богатое Семиречье, житница Туркестана, где русские и киргизы жили мирно и в довольстве, приходит в упадок.

Свободные Семиреченцы!

Тяжки ваши раны, велики ваши страдания, но путь к взаимному примирению есть. Раньше вы были чужды друг другу, ныне вы свободны, равны и братья. Протяните же друг другу по-братски руки и забудьте ваши обиды, созданные старым ненавистным строем.

Русские люди!

Простите киргизам, отныне вашим братьям, их невинный грех, как простило их уже Временное Правительство.

Киргизы!

Родные места вас ждут. Соседи ваши, незлобивые русские люди, готовы примириться с вами, подойдите же к ним с доверием и протяните им братскую руку.» [РГВИА, д. 4639, л. 107].

К сожалению, это была попытка выдать желаемое за действительное. Одно из первых указаний на сохранение враждебных отношений между казаками и русскими крестьянами, с одной стороны, и «киргизским» населением, с другой, можно найти в петиции из войскового исполкома семиреченских казаков от мая 1917 года, резко выступающих против того, что они воспринимают как цацканье с «киргизами», повинными, по их утверждениям, в неспровоцированных нападениях и страшных преступлениях, в том числе убийствах, изнасилованиях, пора-

бощении и издевательствах над пленными, насильственном обращении в ислам, насильственных браках, нападениях на церкви и конокрадстве — казаки хотели знать, почему совершители всех этих преступлений теперь получали амнистию вместо примерного наказания [РГВИА, д. 4639, л. 67—70].

В июле 1917 года «Туркестанский мусульманский совет» — это Шура-и Исламийя, организация, созданная теми, кого Адиб Халид обозначил как мусульман-реформаторов или «джадидов» [Khalid, 1995, 277—278], направил Керенскому телеграмму с сообщением, что в Семиречье «киргизы беспощадно убиваются поселенцами семиреченцами возвращающих из китая киргиз не пускают на свои места за ними... корма нет голодают продают жен детей доходят до того а убивают друг друга русские поселенцы семиречья вооружены киргизы безоружны нет слов описать положения киргиз горе несчастье море слез.» [РГВИА, д. 4639, л. 109]. В августе Пржевальский исполком также предупреждал об ухудшении отношений между русскими и киргизами и об угрозе анархии, а Шкапский, Тынышпаев, Орлов (глава крестьянского совета) и Джайнаков (глава киргизского совета) писали из Верного о необходимости срочно выделить средства на реабилитацию, чтобы избежать дальнейших вспышек насилия [РГВИА, д. 4639, л. 117, РГВИА, д. 4639, л. 135]. Волнения перекинулись на Ташкент. Наливкин писал о демонстрациях против продолжающихся кровопролитий в Семиречье и сообщал, что делегация киргизов из Пржевальска грозит принять решительные меры против русского населения, если насилию не будет положен конец [РГВИА, д. 4639, л. 150—154].

Принято считать, что Февральская революция положила конец репрессиям, последовавшим за восстанием 1916 г., когда Куропаткин и прочие колониальные чиновники были отстранены от должности и Временное правительство посулило мусульманскому населению Средней Азии лучшее будущее, где они станут, наконец, полноправными гражданами империи, со своими земствами и правом голоса в Учредительном собрании. Однако если взглянуть на ситуацию поближе, можно увидеть, что многие неприглядные тенденции сохранились: план Куропаткина разделить переселенцев и казахско-кыргызское население в Семиречье возродился в виде одной из рекомендаций комитета Тынышпаева-Шкапского, чиновники Переселенческого Управления, чья политика и практика внесли такой вклад в разжигание восстания, продолжали работать над своей программой переселения, и, самое главное, мелкомасштабные стычки между переселенцами и местными мусульманами продолжались, практически не ослабевая. Октябрьская «Революция» принесла с собой дальнейшее ухудшение ситуации: учитывая то, насколько Советы в Туркестане ассоциировались с европейским населением — в первую очередь, с солдатами и железнодорожными работниками [Буттино, 2007, 204—209; Khalid, 1996, 279—280; Yaroshevski, 1987, 77—100]. Можно предположить, что большая часть кровопролитий, которые последовали в 1917 и 1918 гг., выросла скорее из незатухающего недовольства колониальным правлением и этнической напряженности 1916 года, а не из какой-то новой революционной политики. Межэтнический антагонизм представляется более вероятным объяснением, нежели идеологические разногласия, для жестокой резни, которая последовала за уничтожением Кокандской автономии силами Ташкентского совета в феврале 1918 года [Буттино, 2007, 258—265]. В качестве другого примера можно привести расправу с таранчами (уйгурами), которую большевистские

войска устроили в Ату, Семиречье, позднее в том же 1918 году (Я благодарю Аблета Камалова, который предоставил мне свою неопубликованную статью на эту тему. — *примеч. авт.*).

И только после повторного завоевания Туркестана большевистскими войсками под командованием Михаила Фрунзе, за которым последовали чистки среди местных большевиков и осуждение их за «шовинизм», возникла новая политика, в результате чего проблема напряженных межэтнических отношений в Семиречье была решена за счет депортации большей части переселенцев и казацкого населения, а не за счет расселения казахов и кыргызов на малоплодородных землях [Pianciola, 2008, 101—143]. Предстоит еще много сделать прежде, чем мы окончательно разберемся во взаимодействии революции и колониализма в Средней Азии в момент восстания 1916 года, но уже сейчас не вызывает сомнений, что межэтнические конфликты и реваншизм продолжались и после февраля 1917 года.

Литература:

1. Абашин С. Н. Наливкин В. П. Будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть. Кризис Ориентализма в Российской Империи? // Азиатская Россия. Люди и структуры Империи. — Омск, 2005. — С. 43—96.
2. Бекмаханова Н. Е. Центральная Азия в Составе Российской Империи / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова, Н. Е. Бекмаханова. — Москва, 2008. — С. 228—292.
3. Буттино М. Революция Наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. — М., 2007. — С. 58—91 (original Italian ed. 2003).
4. Будянский Д. История беженцев-киргизов (1916—1927 гг.). — Бишкек, 2006. — 196 с.
5. Браинин С., Шарифо Ш. Восстание Казахам Семиречья в 1916 году. — Алма-Ата, 1935. — 104 с.
6. Брусникин Е. М. Переселенческая Политика Царизма в конце XIX века // Вопросы Истории. — 1965. — № 1. — С. 28—38.
7. Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. — М., 2001. — 240 с.
8. Васильев А. Д. К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). — М., 2016. — С. 108—113.
9. Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный Архив. — 1929. — № 34. — С. 39—94.
10. Война, Деньги и Дороговизна // Туркестанские Ведомости. — 09.06.1915.
11. Вопрос о дороговизне перед представителями городов // Туркестанские Ведомости. — 28.06.1915.
12. Военный Налог // Туркестанские Ведомости. — 14.07.1915.
13. Галузо П. Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. — Ташкент, 1926. — 90 с.
14. Гинзбург А. И. Переселенцы и местное население Туркестана в конце XIX — начале XX века // Вопросы Истории. — 1976. — №.2. — С. 201—205.
15. Как растут цены // Туркестанский Курьер. — 12.07.1916.
16. Кастельская З. Д. Восстание 1916 года в Узбекистане. — Ташкент, 1938. — 65 с.
17. Кастельская З. Д. Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. — М., 1972. — 146 с.
18. Ковалев П. А. Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана (сентябрь 1916 г. — март 1917 г. // Труды Среднеазиатского Государственного Университета им. В. И. Ленина. Вып. ХС. Кн. 14. — Ташкент, 1957. — С. 63—115.
19. Кривошеин А. П. Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году. — СПб., 1912. — 88 с.
20. Малтусынов С. Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная Дума России 1906—1917 гг. — Алматы, 2006. — 332 с.
21. Моррисон А. Суфизм, панисламизм, и информационная паника // Tartaria Magna. — 2013. — № 2. — С. 44—87.

22. *Пален К. К.* Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. // Переселенческое дело в Туркестанском крае. — СПб., 1910. — 430 с.
23. *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане последней третий XIX — начала XX вв (1867—1907 гг.). — Алма-Ата, 1963. — 411 с.
24. *Татищев А. А.* Земли и Люди. В гуще переселенческого движения (1906—1921). — М., 2001. — 370 с.
25. Такое управление государством — недопустимо. Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной думы. Декабрь 1916 г. // Исторический Архив. — 1997. — № 2. — С. 4—22.
26. *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962. — 428 с.
27. *Чулошников А. П.* К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. — 1926. — Т. 3 (16). — С. 53—75.
28. *Фомченко А. П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начало XX в. // социально-экономический аспект. — Ташкент, 1983. — 128 с.
29. Хлебный вопрос // Туркестанский Курьер. — 10.08.1916.

Архивные материалы:

30. АВПРИ Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 185.
31. АВПРИ Ф. 147 Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 340.
32. РГВИА Ф. 1396. Оп. 2. Д. 736, 737.
33. РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639.
34. РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. I.
35. ЦГА РК Ф. 19. Оп. 1. Д. 55.

На иностранных языках:

36. *Buttino M.* Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917—1920 // Central Asian Survey. Vol. 9. No. 4. — 1990. — pp. 59—74.
37. *Brower D.* Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // Jahrbücher für Geschichte Ost Europas. Vol. 44. No. 1. — 1996. — pp. 41—53.
38. *Duishembieva J.* Visions of Community: Literary Culture and Social Change among the Northern Kyrgyz, 1856—1924. Ph.D. Thesis. University of Washington. — Seattle, 2015.
39. Economic Relationships between Russia and Turkestan, 1914—1918, or How to Start a Famine in Transforming Peasants. Society, State and the Peasantry, 1861—1930 ed. J. Pallot. — London, 1998. — pp. 194—209.
40. *Happel J.* Nomadische Lebenswelten Und Zarische Politik: Der Aufstand in Zentralasien 1916. — Stuttgart, 2010. — 378 pp.
41. *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis. — Cambridge: MA, 2001. — 384 pp.
42. *Holquist P.* In Accord with State Interests and the People's Wishes: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. Vol. 69 No. 1. — 2010. — pp. 151—179.
43. *Khalid A.* Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review. Vol. 55. No. 2. — 1996. — pp. 279—280.
44. *Nazaroff P. S.* Hunted Through Central Asia (Edinburgh: Wm Blackwood & Sons, 1932); F. M. Bailey Mission to Tashkent. — London, 1946. — 314 pp.
45. *Morrison A.* Sowing the Seed of National Strife in this alien region: the Pahlen Report and Pere-selenie in Turkestan // Acta Slavica Iaponica. Vol. 31. — 2012. — pp. 1—29.
46. *Sokol E. D.* The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. — Baltimore: MD, 1954. — 185 pp.
47. *Smele J.* The "Russian" Civil Wars, 1916—1926. Ten years that shook the world. — Oxford, 2015. — 423 pp.
48. *Stone N.* The Eastern Front 1914—1917. — London, 1975. — 348 pp.
49. *Pianciola N.* Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905—1936). — Rome, 2009. — 548 pp.
50. *Pianciola N.* Décoloniser l'Asie Centrale? Bolcheviks et colons au Semireč'e (1920—1922) // Cahiers du Monde Russe. Vol. 49. No. 1. — 2008. — pp. 101—143.

51. *Uyama T.* Two attempts at building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement in Stéphane Dudoignon & Hisao Komatsu (ed.) *Islam in Politics in Russia and Central Asia*. — London, 2001. — pp. 77—98.
52. *Yaroshevski D.* Russian Regionalism in Turkestan // *Slavonic & East European Review*. Vol. 65. No. 1. — 1987. — pp. 77—100.
53. *Willfort F.* *Turkestanisches Tagebuch. Sechs Jahre in Russisch-Zentralasien*. — Wien: Leipzig, 1930. — 327 pp.

ЧАСТЬ 6.

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ХАДИЧА ШАМБЕТАЛИЕВА

к. ф. н., доцент,
Восточный университет им. Махмуда Кашгари,
Бишкек, Кыргызстан.
E-mail: hadichamatbek@mail.ru

Исторический факт в современной литературе (о событиях 1916 года в в киргизской литературе)

*Я не могу забыть,
Но я могу простить.
(Нельсон Мандела)*

Историческое событие начала XX века стало своеобразной лакмусовой бумагой, проверяющей спустя столетие исследователей, историков, ученых на объективность и политкорректность оценки трагических для кыргызского народа событий.

Не все было безмятежным и мирным в истории развития двух теперь уже самостоятельных государств России и Кыргызстана. Известно, что в советский период определенные исторические события были, по существу, под запретом, имели особый статус и избирательный доступ к первоисточникам.

Идеологическая политика предполагала не только не заострять внимание людей на таких событиях, но даже сама тема ловко обходилась как самими руководителями, учеными, так и писателями, и уж тем более истина не доходила до читателей. Но необходимо отметить, что у литературы, в отличие от самой действительности, есть одна уникальная возможность — возможность заново пересмотреть произошедшее, восстановить по крупницам картину событий прошлого. Это очень важное качество художественного творчества, так как оно помогает не только осмыслить, но и объективно передать историческое прошлое, дает возможность почувствовать «дыхание времени» тем, кто его не увидел своими глазами, дает возможность «перешагнуть» в прошлое. Литература выполняет функцию зеркала, отражающего прошлое в истории целого народа.

Человеческая память не может запомнить все ежедневные события из жизни. Но навсегда и прочно она запоминает те картины из детства, которые связаны с болью и ужасом, и она не может стереть то, что напрямую связано с трагедией семьи и всего народа.

Событие 1916 года не могло остаться незамеченным и нашло прямое, а где-то опосредованное отражение в художественных текстах прошлого столетия.

Данная статья базируется на анализе тех художественных текстов, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко раскрыта трагедия 1916 года. Это повесть К. Баялинова «Ажар» (1928), автобиографическая повесть М. Элебаева «Долгий путь» (1936) и роман в стихах А. Токомбаева «Кровавые годы» (1935, 1940). Немаловажным является и тот факт, что судьба авторов во многом схожа: их роднит не только тематическая близость описываемого события 1916 года, но и то, что все три автора были молодыми людьми, подростками, когда стали невольными свидетелями и участниками той страшной трагедии, в которой они потеряли

родителей, семью и близких людей. Но каждый из них по-своему рассказывает «о себе и своем времени». У каждого свой стиль, свое представление о мире и человеке в нем, своя трактовка описываемого.

Следует еще раз отметить, что кыргызская проза начала XX века в большей степени автобиографична и основана на фактах и документах.

Известно, что в реальной жизни любимую девушку К. Баялинова, 15 летнюю Сакып-Жамал, насильно отдадут замуж за 50-летнего бая Табылды. Позже юноша не раз станет свидетелем того, как в Китае, страдающие от голода кыргызы продавали своих дочерей за кусок хлеба или за небольшой мешочек талкана, отдавали в жены старым дунганам своих горько рыдающих девочек. Все эти картины жизни оставят неизгладимый след в душе писателя и найдут свое отражение в повести «Ажар», а позже в автобиографической повести «Трудная переправа».

В 1928 году выходит в свет знаменитая повесть «Ажар» К. Баялинова. На самом деле главным героем произведения является кыргызский народ. Произведение раскрывает восстание 1916 года и жизнь кыргызов после этого события. «Самой большой трагедией того времени, превышающей своей скорбной пронзительностью событие 1916 года, была трагедия таких кыргызских девочек как Ажар, насильно отданных за бездушных богатых стариков», — напишет известный литературовед К. Артыкбаев [Артыкбаев, 2004, 362].

Через призму трагической судьбы осиротевшей девочки Ажар, Касымалы Баялинов, одним из первых кыргызскоязычных писателей расскажет о своих скитаниях и лишениях всего народа. Шестнадцатилетним юношей автор испытывает тяготы восстания 1916 года и на всю жизнь запомнит картины народного бедствия. Из воспоминаний: «Я родился на берегу горного озера, в местности Котмалды, в юрте полукочевника; отец и мать умерли, когда я был ребёнком; стал пастухом, летом и зимой питался холодной просяной болтушкой — «джармой». Огромные массы киргизского народа бежали в 1916 году в Китай от кровавой распри, от преследований, которым подвергался киргизский народ со стороны баев и царских чиновников. Я с семьёй дяди ушёл с земли отцов в Китай... Мы шли через обледенелые вершины перевала Ак-Огуз и перевала Бедель. По дороге умерли родичи, и я их оставил на голых камнях, там же, где кости лошадей смешивались с костями грудных младенцев. Я выжил потому, что был силен», — напишет он позднее [Баялинов, 2002].

Эта мучительная и трагическая перекочевка кыргызов через перевалы Тянь-шанского хребта в Китай найдет свое прямое отражение в повести «Ажар».

«Утро встало пасмурное, перевал окутался туманом, пошел снег, поднялся северный ветер, который усиливался с каждой минутой, заматавая дорогу снегом. Люди и скот скользили по обледенелой дороге, падали в пропасть. Среди голых камней не виднелось ни одной травинки. Голодные овцы и козы щипали свою собственную шерсть; лошади грызли стремяна; верблюды опустили на колени и не могли больше подняться; быки сбрасывали навьюченную на них кладь; люди отморозили руки и ноги.

Перевал гудел от стонов людей, ржания и блеяния животных. А снег всё шёл. Скоро наступила ночь, но и она не принесла успокоения. Люди и животные сбились в одну кучу. Холод пробирал всех до костей. Когда робкий свет зимнего утра осветил перевал, он казался пустым. И люди и животные — все было засыпано снегом, всё замерло, и только по редкому трепыханию овец можно было понять,

что под снегом лежали не камни, а живые существа. За ночь умерло множество людей» (Кочевье слов..., 2009).

Скитания на чужбине, тяжелая доля кыргызов, батрачившихся за скудную еду, болезнь и смерть стариков и детей, — все это картины реальной жизни кыргызов в Китае после восстания 1916 года.

К. Баялинов позднее не раз будет возвращаться к теме восстания 1916 года, в 1980 году выйдет в свет автобиографическая повесть «Трудная переправа», в которой писатель заново расскажет о своем трудном детстве, о голоде, холоде и массовой гибели кыргызского народа.

Все пережитое лично, пропущенное через конкретный жизненный опыт, помогает авторам реально воссоздать действительность, без прикрас и преувеличений, помогает передать боль и ужас свидетелей того страшного зверства. Современники могут отрицать, не соглашаться, сомневаться с той или иной трактовкой или изложением материала, но потомки уже будут судить о прошлой эпохе по воспоминаниям и по художественным произведениям тех лет. Литература начинает выполнять функцию документа времени, восприниматься как «живой голос эпохи» и приобретает определенную объективность повествования.

Еще один талантливый писатель, Мукай Элебаев, подростком станет свидетелем восстания 1916 года. Все увиденное и прочувствованное, весь путь в Китай и возвращение автора со своим родным братом Беккулом из Китая на свою историческую родину, в Тюп Иссык-Кульской области нашло отражение в автобиографической повести писателя «Долгий путь», вышедшей в свет в 1936 году.

В сюжетно-композиционном отношении это произведение целиком построено по «законам» автобиографического повествования. Рассказ ведется от лица самого автора, сохранено его подлинное имя и имена всех его родных, родственников. Географическая точность и детальное описание всего пути скитаний маленького подростка подтверждают достоверность, «невымысленность» самого повествования, подчеркивая «документальность» описываемых в повести событий.

Так, за некоторыми эпизодами легко угадываются время и реальные события: «С некоторых пор в народе пошли разговоры: «Царь из киргизов набирает солдат». Слухи все ширились и ширились. «Нет, не в солдаты берут, а на черную работу — рыть окопы», — утверждали другие. На джайлоо ли, в предгорьях ли — всюду стар и млад только тем и были заняты, что с утра до вечера, собравшись где-нибудь на холмике или у очага, говорили об этом, пересказывали новые слухи, гадали о будущем.

— В могилу его отца! Чем идти солдатом несправедливого царя, лучше умереть здесь, на родной земле! — говорили молодые.

— Коли до нас дело дойдет, — спокойно рассуждали баи, — на первый случай откупим своих детей...

Люди не знали, на чем остановиться, судили так и эдак.

Но вот, наконец, объявили указ царя о наборе на тыловые работы... «Если отдадите в солдаты, мы сначала уложим вас, а потом уйдем», — такие разговоры часто слышались в народе, особенно среди молодежи» [Элебаев, 1959, 46—47].

Автор косвенно, но достаточно определенно указывает время, когда происходят описываемые события.

«Пошли слухи: «Если не дадим солдат, царь начнет войну против нас, приведет войска в аилы, уничтожит людей...» Поэтому во многих местах уже

готовились к выступлению, посылали из рода в род гонцов, вооружались... Элебес... спросил: «В чем дело?» — Киргизы начали войну против царя! — ответил он на скаку» (Там же, 56).

Для писателя было важно запечатлеть то непростое время, особенности поведения окружающих людей. Мир предстает через восприятие подростка, способного только наблюдать и передавать особенности своего времени, поколения.

Известный поэт Аалы Токомбаев также опишет события 1916 г. и в 1935 г. опубликует первую часть романа в стихах с говорящим названием «Кровавые годы».

Во время восстания вся семья Токомбаевых (отец, мать и шесть братьев) погибла от голода, выжил лишь Аалы. Двенадцатилетним подростком поэт увидел ужасные последствия восстания и эти страшные картины оставили глубокий, неизгладимый след в сердце поэта. «Не может быть большей трагедии, чем этой для такого малочисленного народа, как киргизы», — напишет А. Токомбаев впоследствии [Краткая биография, 11].

«Нельзя отрицать того факта, что А. Токомбаев писал роман «Кровавые годы» кровью своего сердца, пережив все муки и страдания народа, которые описаны в этом произведении», — отметит Ш. Уметалиев в своем критико-биографическом очерке (Уметалиев, 1958, 64).

Если в произведениях К. Баялинова и М. Элебаева акцент делается на личном восприятии и собственных эмоциях, то роман в стихах наглядно демонстрирует профессиональный рост кыргызских писателей. Здесь уже мы наблюдаем точку зрения человека, умеющего обобщать явления и суммировать свои наблюдения. В «Кровавых годах» автор делится не только своими воспоминаниями, но приводит отрывки из официальных источников, документов. Он заостряет внимание читателя не на своей личности, ему важно передать трагическую картину восстания 1916 года. Причем не только событийную основу происходящего, но не менее важно передать психологическое состояние людей, их эмоции и настроения, переживания и чувства.

Следует особо отметить, что в романе «Кровавые годы» А. Токомбаева документы вплетены в ткань художественного текста. Автор органически вводит в текст художественного повествования исторические документы, официальные материалы. Подчеркнутая достоверность описываемых событий становится важным элементом поэтики произведения. Автор художественного произведения нарочито подчеркивает подлинность изображаемого.

Каждая глава романа начинается с эпиграфа. В качестве эпиграфа поэт выбирает не только воспоминания участников события, но и отрывки из официальных документов, отчетов, телеграмм военных губернаторов.

Роль эпиграфа в романе чрезвычайно важна, так как он придает тексту определенный эмоциональный настрой. Общеизвестно: если вместо эпиграфа взята цитата из документа или документального источника, то они придают повествованию особую психологическую достоверность и убедительность, настраивая читателя на подлинность изображаемого.

Причем, следует отметить, что идеологическая составляющая текста выразилась в том, что именно эпиграфы в указанном произведении были несколько раз изменены. Так, в 1935 г. автор вместо эпиграфов приводит отрывки из официальных документов, воспоминаний участников восстания, свои воспоминания

и т. д., а уже в издании 1940 г. вместо всех этих документов приводятся отрывки из стихотворений Пушкина, Арстанбека, фольклор, цитируются Д. Фурманов, М. Горький, Н. Островский. В издании же 1991 г. приводятся и официальные документы, и эпитафии 1940 г. издания, но все они отсутствуют в авторизованном переводе В. Цыбина.

Эпитафии, вынесенные в начало каждой главы являются не только веским аргументом невымысленности, достоверности исторической правды, но и используются как художественное средство, помогающее по особенному раскрыть воссоздаваемое событие. Автор как бы еще раз дает понять читателю, что все изложенное в тексте не плод фантазии, что все это происходило на глазах очевидцев, а иногда и участников описываемых событий, которые, скорее всего, были еще живы.

К примеру, в главе «Коркунучтуу көрүнүш» («Страшный вид») автор привел отрывок из рассказа участника восстания И. Байбосунова: «Бой продолжался с перерывами почти круглые сутки. Трупы киргиз валялись от Карабаткака до Санташа (через Тюп) на расстоянии более чем 40 километров. Тот страшный вид и по сей день представляется мне ясно» [Токомбаев, 1991, 213].

С исключительной художественной силой и пронзительной болью написаны те главы романа, в которых изображаются самые трагические моменты события. Такое не забывается никогда.

Страшные картины подавления, истребления людей, в том числе беспомощных женщин и маленьких детей, описание ужасного места — поля брани, из указанной главы вызывают почти физическую боль, слезы и сострадание.

Грифы, давно не видевшие крови,
Увидев тела несчастных людей,
Обрадовались на этот раз!
На высотах кровь, на полях кровь, в ущельях кровь!

Земля стала напыщенной, напившись крови.
Птицы и собаки терзали трупы, оставив кеч.
Неуклюжие грифы, слетаясь,
Выклевывают глаза множеству людей.

К некоторым подходят волки
Распарывают животы (мертвецам)
Терзают, окровавив свои головы, глаза,
Едят вынув легкие, печенки.

Некоторые (волки) хватают зубами за горло (трупы)
И равнодушно бросают в сторону,
От того, что уже сыты, они
Не хотят есть мяса, какого не ели все его предки.

Некоторые (волки) терзают,
Грызут только малых детей.
Может ли не сдаваться ребенок?
Он отползет, сверкая глазами.

Некоторые, распоров животы (женщинам)
Вырывают оттуда детей и жрут.
Некоторые, высунули языки, тяжело дыша,
Насытившись так хорошо и безгранично.

Смысловой перевод данного произведения был найден в подстрочном переводе романа, сделанном в 1940 году неизвестным переводчиком, ныне хранящимся в Доме-музее А. Токомбаева. Поскольку нет другого полного перевода первого варианта романа, здесь и далее русский вариант текста обозначим как «подстрочник» [Подстрочник, 295—296]. Свидетельства, воспоминания участников событий 1916 года («человеческие документы»), несущие особый заряд эмоциональности, используются практически к каждой главе в качестве эпиграфов. К примеру, воспоминания участника восстания Илика Эгизаева использованы перед второй главой «Печальные раздумья у кемеге».

Для главы «Жигиты» автор цитирует небольшой отрывок из рассказа еще одного участника Оторбая. «Когда манапы начали для себя отбирать винтовки, среди народа начались скандалы, некоторые храбрецы не сдавали свои винтовки и показали себя как защитники народа» [Токомбаев, 1991, 149].

Этот отрывок трансформирован в следующие строки романа:

Как ужаленный набросился,
Вскипел Джунуш:
«Пока живы, мы винтовки не отдадим.
Попробуй, потуши пламя — нас!»
[Токомбаев, 2004, 202, подстрочник].

Ты не старайся отобрать винтовки,
Если только не надоело тебе жить.
Если кто вздумает отнять винтовки,
Я пролью его кровь, буду биться
[Там же, 203, подстрочник].

«Сдавайте винтовки» крикнул
Он (султан), гневаясь на всех,
— Винтовки не отдадим!
Будем сражаться за народ
[Там же, 206, подстрочник].

Достоверность описываемого достигается еще и отрывками из официальных документов о восстании кыргызов 1916 года. Автор умело вплетает в ткань произведения материалы из отчета Г. И. Бройдо, фрагменты телеграммы военного губернатора Фольбаума и другие документы.

Трагедия истории, воспроизведение голоса народа, его непосредственное звучание передаются документами того времени. К примеру, в предисловии к главе девятой («Пленные») приведен следующий отрывок из документов о восстании кыргызов 1916 года:

БЕЛОВОДСКИЙ РАЙОН

Участковый пристав Грабановский с помощью киргизских манапов Телубердинской волости поймал в горах 517 восставших киргиз. Арестованные были пригнаны во двор Беловодского волостного управления, где над ними всячески издевались беловодские переселенцы, и по дороге почти все они были перебиты русскими кулаками.

Надо было взять старые вилы, а то вчера новые вилы обломал об этих киргиз» сказал мещанин Полтавский» [Токомбаев, 1991, 103].

За сухими словами и цифрами документа стоит трагедия арестованных и впоследствии убитых кыргызов, которая пронзительно точно, беспощадно передается автором в следующих строках:

Шестьсот киргизов и несколько солдат
Все солдаты едут верхом.
Как настигнутые кречетом вороны,
Бегут и плачут люди
[Токомбаев, 2004, 130, подстрочник].

Идут гонимые, как овцы,
Со связанными руками,
Несчастные люди плетутся,
Обреченные на смерть
[Там же, 131, подстрочник].

С вилами и ломами бросились,
Вооружившись чем попало,
Жаждавшие крови, кулаки
На людей, которые были связаны.

Били железными ломами их,
Кололи вилами их.
Золотые горестные головы
Разбивали топорами
[Там же, 142, подстрочник].

Рычали, как бешеные псы кулаки,
Оставшихся пленных всех истребили они.
Как убивают змею,
Так убивали пленных кулаки.

Рубили белыми топорами,
Легкие прокалывали вилами.
Некоторые кинжалами
Распарывают им животы
[Там же, 146, подстрочник].

Снова обнял их мучения (пленников)
Снова стали их убивать палачи.
Приказывайте «убивайте их старыми вилами»
Жалея новые вилы
[Там же, 151, подстрочник].

В отчете Г. И. Бройдо «О восстании киргизов 1916 года», представленном следователю судейской палаты города Ташкента от 3 сентября 1916 года читаем: «По Пишпекскому уезду за ноябрь и декабрь 1914 года по официальным отчетам Красного Креста поступило от киргиз Пишпекского уезда около 30 000 руб., 1 000 шуб, 10 000 пайпак, кошмы, чулки и т. д. затем киргизы обложили себя в пользу Кр(асного) Кр(еста) налогом от 1—3 р. с юрты» [Токомбаев, 1991, 39].

Этот исторический факт, документально подтвержденный отчетом Г. И. Бройдо, пером А. Токомбаева реализуется в следующие строки:

«Царю мы давали коней, шубы,
Давали арканы, пайпаки, валенки, рукавицы, седла.
Хотя сам народ оставался без рубях,
Мы терпели, все продав, и деньги дали»
[Токомбаев, 2004, 33, подстрочник].

Через описание отдельного исторического факта автор идет к художественной правде, глубоко и всесторонне постигая суть исторического события. Ведь общеизвестно, что факт чаще включает в себе лишь правду одного момента, а настоящий художник должен изобразить правду целого поколения, а иногда и эпохи.

Небольшие строки документов, взятые в качестве эпиграфа к каждой главе романа, разворачиваются в целые картины. Например, в предисловии к одиннадцатой главе «Бетме бет» («Лицом к лицу») приведена телеграмма генерал-губернатора Фольбаума «Всех встречающих киргиз уничтожать, а аулы сжигать» [Токомбаев, 1991, 129]. Пером Токомбаева этот бесчеловечный документ описан в вышеназванной главе, где художник беспощадно обнажает весь ужас исполнения этого зверского приказа военного генерала.

Люди, выставив пики вперед, шли,
Они были готовы к прыжку, как стрекозы,
А когда всадники толпой неслись вперед,
обгоняя друг друга,
Солдаты открыли по ним ураганный огонь
[Токомбаев, 2004, 168, подстрочник].

Исполняя приказ Фольбаума,
Предавал все огню, проливал кровь людей.
Атаман, командуя желчно,
А копыта застревают в крови
(Там же, 172, подстрочник).

В воздухе запахло кровью, все тряслось,
Ущелья наполнялись гулом.
Словом землей овладели злые духи и кровавый потоп
И содрогнулось сердце Койберена
[Там же, 174, подстрочник].

(Койберен — мифический покровитель горных жвачных животных. — *примеч. авт.*)

Это был приказ Фольбаума
А этот его атаман, пристав, сеявший гибель.

В приказе строго говорилось:
«Киргизов, которых встретите, истребляйте всех.
Сжигайте их юрты, предайте огню,
И золу не оставляя на земле, пустите по ветру»
[Там же, 193-194, подстрочник].

Еще одно косвенное подтверждение этому нечеловеческому приказу военного губернатора Фольбаума мы находим в научном труде Ж. Абдракманова, написанном к 15-летию восстания кыргызов 1916 года и опубликованном в 9 номере журнала «Ала-Тоо» за 1990 год, где, в частности, пишется: «Кыргыз аймактарында аракет кылган жазалоочу отряддар... туткундар менен баш оорутуп отурган эмес. Отряддар туткунга түшкөн кыргыздарды бала — чакалары менен чогуу атып таштаган...

Жазалоочу отряддар Ысык-Көл ойдуңунда, Чуй жеринде, Жумгалда, Нарында, Кок-Артта, Каркырада кыргыздарды кекиликтей кууп жүрүп атышкан» [Абдракманов, 1990, 97—98]. (В Иссык-Кульской котловине, в Чуйской долине, Жумгале, Нарыне, в местах Кок-Арт, Каркыра карательные отряды расстреливали кыргызов как куропаток». — *перевод автора*). Смысловый перевод этого отрывка звучит так: «Карательные отряды, действовавшие на кыргызской земле, не церемонились с пленными. Отряды расстреливали попавших в плен кыргызов вместе с детьми...».

В предисловии к роману «Кровавые годы» А. Стамов напишет: «Кровавые годы» я назвал бы точной исторически-художественной летописью восстания 1916 года. Здесь нет политики. С помощью пера и магической силы слова акын смог донести до читателя великую трагедию народа, которую он видел своими глазами» [Токомбаев, 1991, 7]. Произведение целиком опирается на исторические документы и воссоздает причины восстания целого народа. Причем, следует отметить, что существуют и другие параллели, связывающие сферу реальности со сферой искусства. Так, один из главных героев романа Алымкул не плод фантазии художника, а это реально существовавший человек. Впервые мы встречаемся с этим героем в главе «Алымкул», где повествуется о прежней жизни главного героя, о его молодости, любви к Гульжамал, ссылки в Сибирь и далее о его роли в восстании. Токомбаев, опираясь на документальные материалы и факты, создает образ одного из главных героев:

Мутит наш народ
Преступник по имени Алымкул.
Центром волнений стал
Наш пишпекский уезд.
Бежавший из Сибири Алымкул.
Опасный, опытный храбрец...
[Токомбаев, 2004, 313-314, подстрочник].

О невыдуманности существования этого героя говорит и то, что в «Истории Киргизской ССР» написано: «Одним из организаторов выступления был киргиз Алымкул Табалдин, который по сообщению начальника Пишпекского уезда в рапорте от 28 ноября 1916 года «первым подстрекал атекинцев не повиноваться распоряжению власти о призыве на работу в тыл действующей армии киргизов» [История Кирг. ССР, 341]. В другом документе записано: «Атаке болушунда Алымкул Табалдин деген кыргыз август айынын башы чендеринде 100 чамалуу кыргыздарды жыйнап алып, Новороссийск селосунун жанында согушка барбайбыз, андан көрө орустарга каршы күрөшүп, бул күрөшкө калган кыргыздарды тартабыз» деп баталашкан» [Зорин, 1941, 59].

Что можно перевести так: «Киргиз Алымкул Табалдин из рода Атаке болуша в начале августа собрал у села Новороссийск около 100 киргизов, агитируя их не идти на войну. «Лучше будем воевать против русских и умрем от их рук. Все вместе призовем оставшихся киргизов на эту борьбу, — говорил он».

Вместе с тем, сфера реальности может изменяться под пером автора, который является полноправным творцом художественного текста. Так, в художественном произведении Алымкул умирает в двадцатипятилетнем возрасте, а в реальной жизни его прототип дожил до глубокой старости, до девяноста лет. Об этом свидетельствуют документальные источники: «Алымкул Табалды уулу имел пять братьев. Алымкул Табалды уулу родился в 1878 году в Чон-Кемине, в селе Абыла. Этот человек жил у своей дочери Жамили и 24 мая 1967 года умер у нее на руках. 26 мая, в возрасте 90 лет, был похоронен. Тело усопшего Алымкула Табалды уулу было похоронено на Ала-Арчинском кладбище...» (*перевод автора*) [Токтомушев, 1992].

Такова судьба реального человека Алымкула, одного из главных героев романа «Кровавые годы». Существует множество других реальных эпизодов, героев, воспоминаний, при помощи которых создается художественная история эпохи. Как видим, А. Токомбаев почти с документальной точностью передал факты истории.

Документ, как живое свидетельство, используется для более полного воссоздания картины прошлого. Трагедия исторического события, воспроизведение голоса народа, его непосредственное звучание передается через свидетельства участников события, через документы того времени.

Увековечивая для потомков память о своей эпохе, о трагическом событии целого народа, автор запечатлел в произведении свои мысли, эмоции, переживания и боль. Это своеобразный кошок [кошок — стихотворная форма причитаний по умершим. — *примеч. авт.*] по истребленному поколению, по умершим от холода и голода на перевале семьям, по убитым молодым храбрецам, защищавшим своих родных и близких. Это голоса всех убитых, чтобы следующие поколения не забывали о той страшной трагедии и помнили о них.

Литература

1. Абдракманов Ж. Кыргыздардын 1916-жылдагы көтөрүлүшү жөнүндө // Ала-Тоо. 1990. — № 9. — 97—98 бб.
2. Артыкбаев К. XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы. — Бишкек, 2004. — 656 с.
3. Зорин А. Н. Кыргызстандагы көтөрүлүштүн 25 жылдыгы. — Фрунзе, 1941. — 168 с.
4. Касымалы Баялинов: Рек. библиогр. указ. — Бишкек, 2002. — 18 с.
5. Кочевье слов: Хрестоматия киргизской литературы: для учащихся русских школ и студентов филологических факультетов // Сост. И. А. Шалёва, Х. М. Шамбеталиева. — Бишкек, 2009. — 168 с.
6. История Киргизской ССР: с древнейших времен до наших дней. в 5-ти т. Том 2. / АН Кирг. ССР. — Фрунзе, 1986. — 480 с.
7. Токомбаев А. Кандуу жылдар. Том 1. — Бишкек, 1991. — 256 с.
8. Токомбаев А. Кровавые годы (подстрочник).
9. Токтомушев А. Канжыгага баш байлап...// Кыргызстан маданияты, 1992, 25-июнь. — 7 б.
10. Уметалиев Ш. Аалы Токомбаев (Критико-биографический очерк). — Фрунзе, 1958. — 106 с.
11. Элебаев М. Долгий путь. — Фрунзе, 1959. — 117 с.

Архивные материалы

12. «Краткая автобиография» А. Токомбаева. Фонд НАН КР.

ГУЛЬБАХРЕМ МОЛОТОВА

к. ф. н., доцент,

*Центр уйгуроведения, Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова,
Комитет науки, Министерство образования и науки Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан.*

E-mail: gmolotova@mail.ru

ЭЛЬВИРА МОЛОТОВА

н. с.,

*Центр уйгуроведения, Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова,
Комитет науки, Министерство образования и науки Республики Казахстан,
Алматы, Казахстан.*

E-mail: m.elvira_76@mail.ru

События 1916 года и их преломление в творчестве уйгурских народных певцов

События 1916 года в истории народов Центральной Азии стали переломным моментом. Этот вопрос еще не получил своего освещения в достаточной степени. В советский период проведены отдельные исследования филологами [Жармухамедов, 1962; Жуманазаров, 1989; Ишанов, 1968; Каландарова, 1984], опубликованы отдельные архивные документы [Восстание 1916 года..., 1937; Восстание, 1960; Розиев, 1968]. Песни о событиях 1916 г. исследовались нами в рамках диссертационной работы [Молотова, 1994]. Основной причиной, вызвавшей протест населения Туркестанского края, как указывали исследователи, стала мобилизация мужчин на тыловые работы. После оглашения указа царя, проходили обсуждения: кто подлежи призыву, когда нужно начать мобилизацию. Опубликованные архивные материалы свидетельствуют, что население окраин России — присоединенные к империи, обязаны были подчиняться указам царя и набранные на тыловые работы мужчины должны были быть обеспечены провизией, одеждой и оплатой их труда. Даже решался вопрос о работе повсеместно комиссий, где люди должны были пройти осмотр врачей на предмет годности к службе, и во избежание распространения эпидемических заболеваний необходимо было произвести ревакцинацию и предохранительную прививку тифа [Восстание 1916 года..., 1960, 26].

Включали в список мужчин в возрасте от 19 до 43 лет, хотя как свидетельствует документ № 1, надлежало призывать мужчин от 19 до 31 года (Царский указ..., 1916).

О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ.

Государю императору благоугодно было в 25 день июня 1916 года высочайше соизволить повелеть:

- 1) Для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ, привлечь в течение настоящей войны ниже поименованное мужское инородческое население империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно.

Приему в ближайшую очередь подлежат киргизы, родившиеся между 1897 и 1885 гг., т. е. в возрасте от 19 до 31 года.

Лица эти привлекаются реквизиционным порядком не в ряды войск, а для нужных армии работ с платой и с продовольствием от казны» [Восстание 1916 года..., 1960, 25].

Заседание под председательством генерал-губернатора Степного края Н. А. Сухомлинова вынесло решение призвать на тыловые работы 80 000 человек [Там же, 26]. С момента разглашения указа на местах начинаются волнения, о чем свидетельствуют документы № 4, 6, 7, в которых выражается тревога ответственных лиц, что начнется дефицит работников в отдельных участках предприятий из-за того, что началась массовая откочевка, миграция [Там же, 27].

Следует отметить, вести о мобилизации вызвали беспорядки, многие начали откочевку, во избежание реквизиции молодые эмигрировали в пределы Китая, Афганистана. Пользуясь ситуацией, отдельные группировки начали разбой. В местах, где начали составлять списки мужчин, подлежащих мобилизации, начались восстания, которые были вызваны с одной стороны, отказом ехать на тыловые работы, с другой — несправедливостью, допущенной при составлении списков. Как свидетельствуют исторические песни, в списки включили несовершеннолетних детей бедняков, больных вместо тех, кто откупился. Властями предпринимаются меры, направленные на упорядочение этого процесса, о чем свидетельствует документ № 21: «1916 г. июля 29. — Письмо и.д. управляющего канцелярией туркестанского генерал-губернатора А. А. Семенова и. д. начальника Закаспийской области Н. К. Калмакову о необходимости тщательной проверки списков мобилизуемых рабочих ввиду неправильности их составления» [Там же, 43]. Однако несправедливость совершалась повсеместно. Поэтому начались восстания против мобилизации на тыловые работы. Они выступали с требованием списков, составленных старейшинами, чиновниками, сжигали эти списки. Об этих волнениях докладывали вышестоящим органам, о чем свидетельствуют документы следующие документы:

№ 208.

«1916 г. июля 6. — Телеграмма начальника Джаркентского уезда Н. Н. Ступина военному губернатору Семиреченской области М. А. Фольбауму о противодействии уйгур составлению мобилизационных списков.

Из Джаркента в Верный

142. лично присутствовал при составлении списков рабочих [для] тыла армии в с. Городском Джаркентско-Таранчинской вол[ости]. Разъяснил дополнительно распоряжения, данные ранее лично должностным [и] почетным лицам. Часть общества демонстративно удалилась [со] схода [с] выборными, последние скрылись. Выборных уволил [с] должностей. Трое задержаны [и] арестованы до особого распоряжения. Настроение туземцев [к] этому распоряжению правительства враждебное. Прошу указаний и распоряжений. 19.

Подполк[овник] Ступин.

№ 213.

«1916 г. июля 16. — Из рапорта и.о. зайцевского участкового пристава Ключева товарищу прокурора Верненского окружного суда Д. И. Курошеву о восстании в с. Карам Джаркентского уезда.

12 июля около 8 часов утра жители се. Карам Карамской вол[ости], собравшись на улицах небольшими толпами, явились сначала к главной мечети названного селения, а затем направились к дому волостного управ[ителя] Арыпа Абдрасулова и в доме волостного управ[ителя] Абрасулову и волостному писарю Григорию Соколову предъявили требование о нижеследующем: «Списки рабочих в действующую армию вами из корыстных целей составляются неправильно. Дайте эти списки, мы проверим». Причем Камердин Рахматуллин, ударяя себя в грудь, стал грубо требовать выдачи списков. Когда волостной писарь, сказав: «Списки я сейчас принесу», повернулся и ушел в дом, толпа, напирая на оставшегося волостного управителя Абдрасулова, стала угрожающе держать себя.

Абдрасулов скрылся вслед за Соколовым, захлопнув дверь дома.

Толпа начала громить дом, выбив окна и рамы. Часть толпы, около 20 человек, прорвалась через дверь дома и ворота двора внутрь усадьбы Абрасулова и там накинута на скрывающегося Абрасулова и убила его» [Там же, 323, 326].

Рапорт начальника Джаркентского уезда Н. Н. тупина губернатору Семиреченской области М. А. Фольбауму тоже свидетельствует о выступлениях казахов, уйгур и дунган против мобилизации на тыловые работы [Там же, 327]. С помощью вооруженных отрядов подавлены восстания, повстанцев казнили.

Поддавались прошения в Министерство внутренних дел об отсрочке составления списков и набора на тыловые работы. Принимая во внимание сложность ситуации, утверждается решение отсрочить эти меры до завершения сезонных работ, т. е. до осени, о чем свидетельствует документ № 30: «1916 г. августа 23. — Приказ генерал-губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина о порядке призыва на тыловые работы:

- 1) Призыв инородцев на работы в тыловых районах действующих армий начнется с 15 наступающего сентября и будет продолжаться последовательно в течение 3—4 ближайших месяцев, причем при установлении очереди отправления рабочих из разных местностей края будут приняты во внимание их хозяйственные интересы;
- 2) Отправку рабочих начать производить с 18 сентября ежедневно по одному поезду в 1000 человек» [Там же, 48].

После подавления восстаний была осуществлена отправка на тыловые работы мужчин Средней Азии и Казахстана. Все эти события были воспеты народными певцами Олата [Тохтиязов Олата, 1855 г. р.], Хесамидин (Хесамидин — сын Аматахапиза, пригл. 1886—1887 г.р.), Аман Бакиев (пригл. 1874—1875 г. р.), Бакимолла (Зайнавадинов Бакимолла, пригл. 1850 г. р.). Кроме перечисленных народных певцов о мобилизации на тыловые работы слагали песни братья Аквар и Асвар, уроженцы села Ават Аксу-Чарынской волости. Как отмечает составитель сборника «Уйгурские народные певцы» О. Джамалдинов, сведения о них не сохранились. Из уст жителей села Аватеу удалось записать несколько четверостиший, где повествуется о молодцах, казненных на долине «Кайка» [Джамалдинов, 1979, 35—36]. Следует отметить, что жанр «қошақ» — народная песня в форме плача, оплакивания, из-за своей композиции, является мобильным жанром, быстро

реагирующим на события. Они строятся из четырех строк и характеризуются своей информативностью. Народные певцы — «қошақчилар» в силу своего импровизаторского таланта слагали песни, которые распространялись среди народа и бытовали в устной форме. Сотрудником Сектора уйгуроведения О. Джамалдиновым зафиксированы биографические данные народных певцов из уст соратников, родственников и односельчан, отдельные тексты их песен, которые вошли в сборник «Уйғур хәлиқ қошақчилири» (Уйгурские народные певцы). Как отмечает составитель сборника, значительная часть песен о событиях 1916 года вошла в сборник «1916-жил қошақлири» (Песни 1916 года), составленный в 1937 году известным уйгурским поэтом, уроженцем с. Ават Хезим Искандаровым.

О восстании населения Аватской волости, вызванном насильственной мобилизацией, слагали песни Олата Тохниязов и Аман Бакиев. 31 июля 1916 года восстало против царского указа население Аватской волости во главе Тохнияз-батуром. Повстанцам удалось отобрать список, составленный старейшинами и местными чиновниками, сжечь. Восстание было подавлено вооруженным отрядом, вызванным из Чунджи. Предводитель восстания Хошнязов Тохнияз-батур со своими единомышленниками (Муса Азизов, Жарулла Сасиков, Мансурахун и Керимахун Адиловы, Ала и Илак Яхияровы, Мусабай и Тохсун Хезизовы и др.) были казнены в долине Кайка. Жертвам этой расправы Олата посвятил 12 четверостиший. Приведем из них два примера:

Тохнияз дегән батур
Қайқа үстидә ятур.
Көпниң сөзини сөзләп,
Өз бешини йәп ятур.

Богатырь по имени Тохнияз
В долине Кайка лежит.
Заступаясь за народ,
Пал жертвой он.

Қайқа йоли һәйвәтлик,
Булақ сүйи шәрвәтлик.
Мәхситигә йетәлмигән
Керимахун рәмәтлик.

Дорога Кайка страшна,
Вода родника целительна.
Не достиг своей цели
Покойный Керимахун.

О смерти Керимахун Адилова сложил песни Асвар, о котором говорилось выше. Он тоже выразил сожаление о гибели Керимахуна:

Күн олтирип кәткәндә,
Чолпан чиқиду ялғуз,
Керимахун дегән дегән батур
Чиғ түвидә ятур ялғуз.
Судя Тохнияз дегән батур
Қайқа үстидә ятур.
Көпниң сөзини сөзләп,
Өз бешини йәп ятур.

Когда садится солнце,
Показывается Венера одинокая,
Богатырь по имени Керимахун
Лежит под кустарником одиноко.
Богатырь по имени Тохнияз
В долине Кайка лежит.
Заступаясь за народ,
Пал жертвой он.

Қайқа йоли һәйвәтлик,
Булақ сүйи шәрвәтлик.
Мәхситигә йетәлмигән
Керимахун рәмәтлик.

Дорога Кайка страшна,
Вода родника целительна.
Не достиг своей цели
Покойный Керимахун.

по тому, что о Керимахуне сложили песни и Олата, и Асвар, можно предположить, что он был личностью неординарной, настоящим богатырем.

Вероятнее всего, Олата хорошо был знаком классической поэзией. Некоторые его четверостишия напоминают строение газелей, где характерно указывать тахаллус поэта. В следующем четверостишии народный певец называет свое имя:

Аңлаңлар, хэлайиқлар,
Олата ейтқан бейитин.
Лашманлиққа тутуп бәрди
Һемәм дегән шейитни.

Слушай, народ,
Песни, сложенные Олата.
Выдали в реквизицию
Мученика по имени Хемам.

Для передачи молодости казненных повстанцев Олата использовал тематический параллелизм:

Йэликни колаветип,
Кәтмән қайрилип кәтти.
Қайқиниң шейитлири
Яш туруп өлүп кәтти.

Когда копал могилу,
Кетмень был изогнут.
Мученики Кайки
Погибли совсем молодыми.

Выше нами отмечалось, что жители Авата в числе первых выступили против составления списка, отправляемых на тыловые работы. Об этом повествуется в одном из четверостиший Олата:

Спискини талашқан
Ақсу билән Долата.
Бу қошақни ким коцқан
Османйүзлүк Олата!

Боролись за списки
[Селения] Аксу и Долата.
Кто сложил эти песни
Олата из [местности] Османйузи!

О восстании жителей Джаркентской волости против мобилизации сложил песни народный певец Хесамидин. В его песнях отражен протест населения Джаркентской волости против царского указа, горе матерей, при которых заранее совершили погребальный намаз над их детьми, отправляемых на тыловые работы и обреченных на смерть.

Когда повстанцы Джаркентской волости намеревались убить Хаджи — волостного чиновника, составившего список, уездной чиновник остановил их. Пугая пулеметом, остановили народ и осуществили их отправку. В числе мобилизованных был и сам Хесамидин. В его песнях осуждается коррупционная деятельность местных чиновников:

Ақсақалға ялвурсам
«Ахчаң болсә, бәр!» — дәйду.
«Пулуң болмиса сениң
Лашманлиққа бар!» — дәйду.

Молил старейшину
Сказал «Есть деньги — дай!».
«Если нет денег у тебя
То иди на тыловые работы».

Как повествуется в одном из четверостиший Хесамидина, совершили погребальный намаз над мобилизованными при отправке на тыловые работы, чем повергли родных и матерей в глубокое горе:

Миң балини йезивалди,
Лашманлиққа яритип.
Намизимизни чүшәргән
Қилви яққа қаритип.

Записали тысячи парней,
Признав их годными.
Совершили погребальный намаз,
Поставив лицом к Кибле.

О совершении погребального намаза по мобилизованным свидетельствуют архивные материалы. В документе № 244 отмечается, что начальник Туркестанского районного охранного отделения М. Н. Волков секретно доложил военному губернатору Семиреченской области М. А. Фольбауму о совершении имамом Алим-хан Шакир Ходжаевым погребального намаза над живыми участниками восстания на юге Семиреченской области [Восстание 1916 года..., 1960, 352]. Вероятнее всего, в этом случае руководствовались мыслью, что по пути или же во время работы вдали от родных мест мобилизованные могут погибнуть и поэтому во многих местах совершали погребальный намаз по мобилизованным.

Выше нами отмечалось, что мобилизованные проходили комиссию. Об этом повествуется в одном из четверостиший Хесамидина:

Комиссия, дохтурлар
Яш балларни көриду.
«Маң, алдиға сән өт!» –дәп,
Кәмбәғәлни уриду.

Комиссия, врачи
Осматривают парней.
Сказав :«Иди, ты пройди вперед!»
Бедняка бьют.

С другой стороны рассматриваемое четверостишие ярко показывает отношение к мобилизованным, — ведь они дети бедняков. Приказ, удары — это отношение колонизаторов. Путем психологического параллелизма Хесамидину удалось ярко передать горе матери, единственного сына которой забрали на тыловые работы:

Шакиржанниң дописи
Яғач қозуқта қалди.
Шакиржанниң аниси
Һәсрәт қайғуда қалди.

Шапка Шакирджана
Осталась висет на деревянном коле.
Мать Шакирджана
Осталась в глубоком горе.

В данном четверостишии посредством описания одиноко висящей шапки Шакирджана углубляется одиночество матери, у которой забрали единственную опору на тыловые работы.

В другом четверостишии Хесамидин называет сезон, когда происходило это событие:

Яркәнттин чиқип кәттүқ,
Алмутиға биз йәттүқ.
Қишниң күни соғларда
Азапни тола тарттүқ.

Из Яркента выехали,
Достигли мы Алмуты.
В морозные дни зимы
Много страдали мы.

Осуществление отправки мобилизованных осенью и преодоление пути именно в холодное время года, о чем повествует Хесамидин, соответствует действительности. В выше приведенном документе № 30 от 23 августа приказ генерал-

губернатора Туркестанского края А. Н. Куропаткина подтверждает реальность указанных в исторических песнях времени событий. Согласно этому приказу, отправка «инородцев» начиналась 18 сентября и производилась она поэтапно в течение 3—4 месяцев. Отсрочка призыва на тыловые работы преподносилась как милость со стороны императора российской, о чем свидетельствует документ № 22, где говорится, что в связи с днем рождения наследника престола дается отсрочка призыва: «30 июля день рождения великого князя Алексея Николаевича — по этой причине отсрочили призыв казахов до 15 сентября» [Восстание 1916 года..., 1960, 43].

В песнях Хесамидина также повествуется о тяготах долгой дороги, работы в рудниках Юзовки:

Юзовкиға барғанда,
Ишлидуқ көмүр хаңда.
Кечә-күндүз ишләпма
Зади тоймидуқ нанға.

Прибывь в Юзовку,
Работали в рудниках угля.
Работая днем и ночью
Не ели досыта хлеба.

Посредством следующего четверостишия Хесамидин смог передать обычай уйгуров давать хлеб (тоғач) человеку, отправляющемуся в дальнейшее путешествие, в чем заключалось представление народа об оберегающей силе хлеба:

Қойнумдики тоғачни
Сиядан селип яққан.
Бай балилири орниға
Болус-бәгләр бизни сатқан.

Хлеб в пазухе моей
Испечен с тьмином.
Вместо детей богачей
Чиновники продали нас.

В последних двух строках четверостишия Хесамидин смог показать ту реальность, с которой они столкнулись — их вписали в список вместо детей богачей, которые заплатили местным чиновникам.

Народный певец Аман Бакиев как и Хесамидин были внесены в список мобилизованных, работали в шахте в Юзовке. В его песнях тоже повествуется о том, что богатые, заплатив чиновникам, спасли своих детей, вместо них вписали в список бедняков:

Байниң балилири қалди,
Болусларға пул берип.
Гадай балилири кәтти,
Йиртилған чапан кийип.

Дети богатых остались,
Заплатив деньги чиновникам.
Дети бедняков отправились,
Надев порванные чапаны.

Степень исторической достоверности песен о событиях 1916 года определяется, прежде всего, тем, что в основе их сюжета лежат реальные события, о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры, а прототипами основных героев являются реальные личности. Еще одним показателем степени отражения действительности — дата событий, указанных в песнях. В одном из четверостиший Аман Бакиева имеется косвенное указание на сезон, когда происходила отправка на тыловые работы:

Лашманлиққа маңғанда,
Йурт ичигә қар яққан.
Қази, ақсақал явузлар
Бизни ахчиға сатқан.

Когда мы отправились,
Пошел снег в наших землях.
Ненасытные казы, старейшины
Продав нас, заработали.

Первые две строки четверостишия несет в себе следующую информацию: 1) обозначение поздней осени, когда отправляли мобилизованных; 2) показывает опустошенность села, холод разлуки. В последних строках народный певец разоблачает коррупционную деятельность старейшин и местных чиновников.

Указание на время отправки на тыловые работы встречается в одном из четверостиший Хесамидина. Им делается акцент на месяц, когда шла мобилизация на тыловые работы:

Нағра-думбақ челинди,
Йиға, үнләр таралди.
Ават болған шу Яркәнт
Барат айда бузулди.

Зазвенел награ-барабан,
Раздались плачь, крики.
Благоустроенный тот Яркент
Разрушен в месяце Барат.

В песне, сложенной матерями мобилизованных, указывается год, когда произошло событие:

Он алтинчи йилида,
Малай болдуқ һәммимиз.
Балимиздин айрилип,
Қандақ күнләр көрүмиз.

В шестнадцатом году,
Превратились в рабов.
Разлученные с сыновьями,
Как проживем мы.

В творчестве народных певцов наблюдается продолжение традиции уйгурской народной поэзии: в их песнях применяется традиционные выразительные средства и приемы, уместно используются образцы народной мудрости. В песнях Хесамидина и Аман Бакиева есть одно сходство — обращение к характерному для народной традиции приему — переписки:

Алмутидин хәт салдим,
Йерим алмини чишләп.
Аман болсақ қайтармиз,
Вагон йолида ишләп.
(Хесамидин)

Мән почтиға хәт салдим,
Йерим алмини чишләп.
Аман болсақ барармиз,
Хаңниң тегидә ишләп.
(Аман Бакиев)

Отправил письмо из Алматы,
Откусив половинку яблока.
Вернемся, если останемся в живых,
Работая в путях вагонов.
(Хесамидин)

Я отпустил в почту письмо,
Откусив половинку яблока.
Приедем, если останемся в живых,
Работая в глубине шахт.
(Аман Бакиев)

Необходимо отметить, что в творчестве Хесамидина и Аман Бакиева наблюдается использование русских слов. Это неслучайно: Хесамидин и Аман Бакиев

в числе других были отправлены на тыловые работы, где общение с русскими рабочими наложило свой отпечаток на их словарный запас.

Восстание населения Кетменской волости нашло отражение в песнях Баки-моллы Зайнавдинова. Он был по природе человеком, борющимся за справедливость. Согласно сведениям, собранным О. Джамалдиновым Бакимолла занимался обучением детей, имел поэтический дар. Однако его стихи не сохранились. Упо-минается случай: один из богачей нанял земляка Бакимоллы на работу, но от-казался оплатить его труд. Тогда Бакимолла заступился за него и добился опла-ты, прочитав следующие строки [Джамалдинов, 1979, 67—68]:

«Ишчи — бу шәрәплик нам,
Эмгиги хәлиқ үчүн нан!»

«Рабочий — это достойное название
Его труд для народа питание!»

В момент мобилизации Бакимолле было лет сорок. Поэтому в его песнях вы-ражена забота о молодых парнях, он их сравнивает соловьем, покинувшим розу. Бакимолла считает слабостью мусульманина, то что позволили забрать молодежь на тыловые работы:

Бечарә болған балилирим,
Һәргиз тапарму хушлуғи?
Бағдин гүлни бәргән,
Башта мусулман бошлуғи.

Бедные дети мои,
Познают ли радость?
Отдать цветок из цветника,
Изначально слабость мусульман.

В данном четверостишии молодежь сравнивается с цветком из цветника. Позволить подвергнуть их таким мучениям, трудностям, — считает народный певец слабостью. Присущий ему дух бунтаря выражен в другом его четверости-шии. Призывая к восстанию, народный певец пророчил горе, которое принесет народу указ царя:

Падиша әмри билән
Ғәмханә қилдиләр сени.
Әнди сән ойғанмисаң,
Жиғлатур һаман сени.

Указом царя
Тебя омрачили.
Если не проснешься [от сна]
Заставит плакать еще.

В песнях Бакимоллы часто встречается аллитерация трех строк. Например:

Байлар ғәм-қайғу қилмас,
Барчиси өйдә йетип.
Қайтуруп алди балилирин,
Бәзиси бәгдин сетип.

Богачи не переживают?
Все оставшись дома.
Вернули своих детей,
Выкупив их у беков.

Такие приемы как аллитерация, контаминация, параллелизм — важнейшие приемы строения народных песен. А. М. Щербак понимает под аллитерацией созвучие как гласных, так и согласных звуков [Щербак, 1961]. По его мнению, аллитерация появилась раньше рифмы. Первичной формой аллитерации явля-лось созвучие целого слова. Постепенно аллитерировался лишь первый слог или корень слова. В последней стадии аллитерации подвергались лишь начальные

звуки слов. Пример этого явления мы видели в вышеприведенном четверостишии Бакимоллы. Заслуживает внимания то, что аллитерирование целого слова можно наблюдать в исторических песнях, повествуемых о событиях 1916 года. Например, в четверостишии Олаты аллитерируются слова «жәрән»:

Йуқуридин чүшүп кәлгән
Жәрән атлиқ Жәрулла.
Қайқа үстидә ятур,
Жәрән көзлүк Жәрулла.

Прискакал верхом
На скакуне Жарулла.
В долине Кайка лежит,
Жарулла глазами газели.

В творчестве народных певцов Хесамидин и Олата использован прием контаминации. Наблюдается следующие пути контаминации в творчестве вышеназванных народных певцов: 1) контаминируются с историческими песнями:

Қайқа йоли һәйвәтлик
Булақ сүйи шәрвәтлик.
Мәхситигә йетәлмигән
Керимахун рәмәтлик.

Дорога [в долину] Кайка страшна
Вода родниковая сладка.
Не смог достичь цели
Покойный Керимахун.

Это четверостишие Олаты построена на приеме контаминирования с историческими песнями о Томур Халпе — предводителя восстания 1907 г., которые произошло в Турфане.

2) контаминируются с любовными песнями. Например, четверостишие Хесамидина:

Ата-анам сориса,
Юзовка шәһридә дәңлар.
Қолида кәтмән-гүжәк,
Ишләп жүриду дәңлар.

Если спросят родители,
Скажите, что я в городе Юзовка.
В руках его лопата-кирка,
Скажите, что я работаю.

Следующий прием, использованный народными певцами — параллелизм. Как отмечал А. Н. Веселовский, в основе параллелизма лежит: «сопоставление субъекта и объекта по категории движения, действия, как волевой жизнедеятельности» [Веселовский, 1940, 126]. В исторических песнях о событиях 1916 г. встречаются такие виды параллелизма, как ритмико-синтаксический, тематический и психологический. Так, например, в четверостишии Олата использован ритмико-синтаксический параллелизм для передачи позиции баев, несправедливости, совершенной ими:

Асманда учуп жүргән
Боң-боң қоңғуз әмәсму?!
Балиларни тутуп бәргән,
Азат тоңғуз әмәсму?!

То, что на небе летает
Не жук ли навозный?!
Тот, кто ребят выдал,
Не Азат ли кабан?!

При передаче неприязни народа по отношению к аксуйскому волостному чиновнику Азату, Олата использовал не только ритмико-синтаксический параллелизм, но и выражения, несущие отрицательный оттенок. В этом случае действия

Азата — как предателя своего народа, он сравнивается с насекомым (навозным жуком), к его имени прибавляется «тоңғуз» — «кабан», тоже характеризующее его отрицательные черты.

В песнях о событиях 1916 года наблюдаются также психологический, тематический параллелизм, о чем говорилось выше.

В заключении, хотелось бы отметить, что несколько факторов послужили причиной восстания населения Туркестанского края в 1916 году. Во-первых, во время первой мировой войны Российская империя увеличила сборы с населения подвластных территорий. Во-вторых, как отмечают исследователи, Российская империя вела колониальную политику в отношении к «туземцам», т. е. освобождались земли на юге Семиреченской, в северо-восточной части Сыр-Дарьинской области и в других районах Казахстана и Кыргызстан. На этих землях создавались новые переселенческие поселки и хутора. Чашу терпения местного населения переполнил указ царя о реквизиции на тыловые работы мужчин. Отношение народа к мобилизации, разлука с родными, тяготы, которые мобилизованные испытывали на чужбине, нашли свое отражение в творчестве народных певцов. Песни о событиях 1916 г. достаточно точно описывают ситуацию того времени, народные певцы в своем творчестве использовали традиционные выразительные средства. В них сохранились отдельные обычаи народа.

Литература

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — Л., 1940. — 649 с.
2. Восстание 1916 года в Киргизстане. — М., 1937. — 168 с.
3. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — М., 1960. — 795 с.
4. Жармухамедов М. 1916 жылғы көтеріліс қазақ халық поэзиясында. Филология ғылым кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін жазған диссертация. — Алматы, 1962. — 211 б.
5. Жуманазаров У. А. Узбекские народные исторические песни. — Ташкент, 1989. — 126 с.
6. Ишанов Х. 1916 жыл және халық поэзиясы. — Алматы, 1968. — 185 б.
7. Каландарова М. Художественное отображение народного восстания 1916 года в узбекском фольклоре. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Ташкент, 1984. — 155 с.
8. Молотова Г. М. Уйгурские народные исторические песни (XIX — начало XX в.): дис. на соискание ученой степени кан. филолог. наук. — Алматы, 1994. — 124 с.
9. Розиев М. Яңливаштин туғулған уйғур халқи. — Алмута, 1968. — 182 б.
10. Уйғур хәлиқ қошақчилири. Топлиғучи: О. Жамалдинов. — Алмута, 1979. — 136 б.
11. Царский указ о мобилизации «инородческого» населения Астраханской губернии, Сибири и Средней Азии для работ по устройству оборонительных сооружений в районе действующей армии. 2016. <<http://1916.kg/ru/documents/carskiy-ukaz-o-mobilizacii-inorodcheskogo-naseleniya-25-iyunya-1916>>.
12. Щербак А. М. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении // Народы Азии и Африки. — 1961. — № 2. — С. 54—78.

Январь 2017 года
Американский университет в Центральной Азии
ул. А. Токомбаева 7/6
Бишкек, Кыргызская Республика, 720060
Тел.: +996 (312) 915000
Факс: +996 (312) 915 028

Все права защищены

Тираж 100 экз.

Отпечатано ОсОО «Нео Принт».